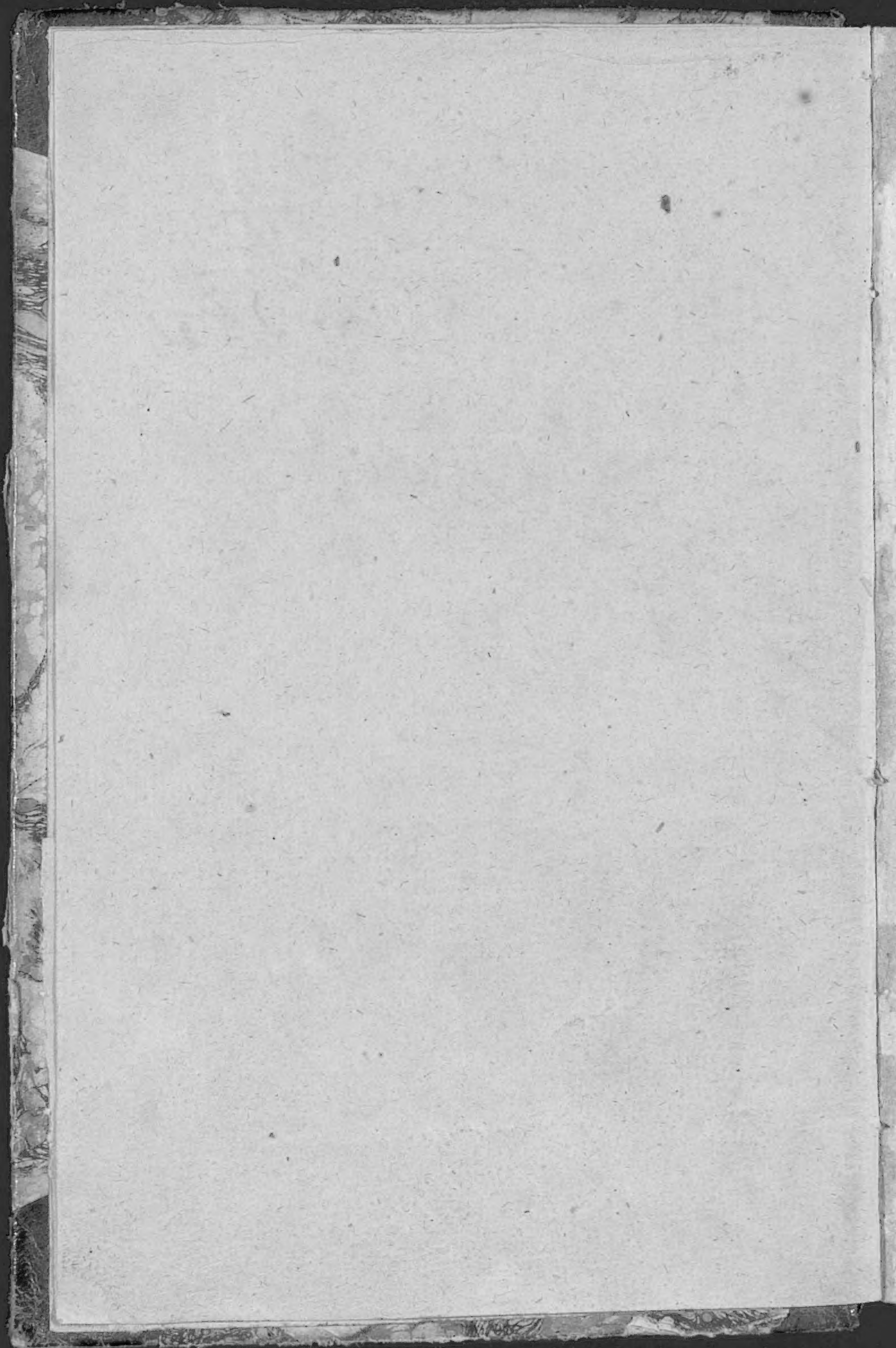

ИСТОРІЯ

О НЕВИННОМЪ ЗАТОЧЕНІИ

Ближняго Боярина

АРТЕМОНА СЕРГѢЕВИЧА МАТВѢЕВА,

Состоящая изъ челобитенъ, писанныхъ имъ къ Царю и Патріарху, также изъ писемъ къ разнымъ Особамъ, съ пріобщеніемъ объявленія о причинахъ его заточенія и о возвращеніи изъ онаго;

изданная

Николаемъ Новиковымъ,

Членомъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

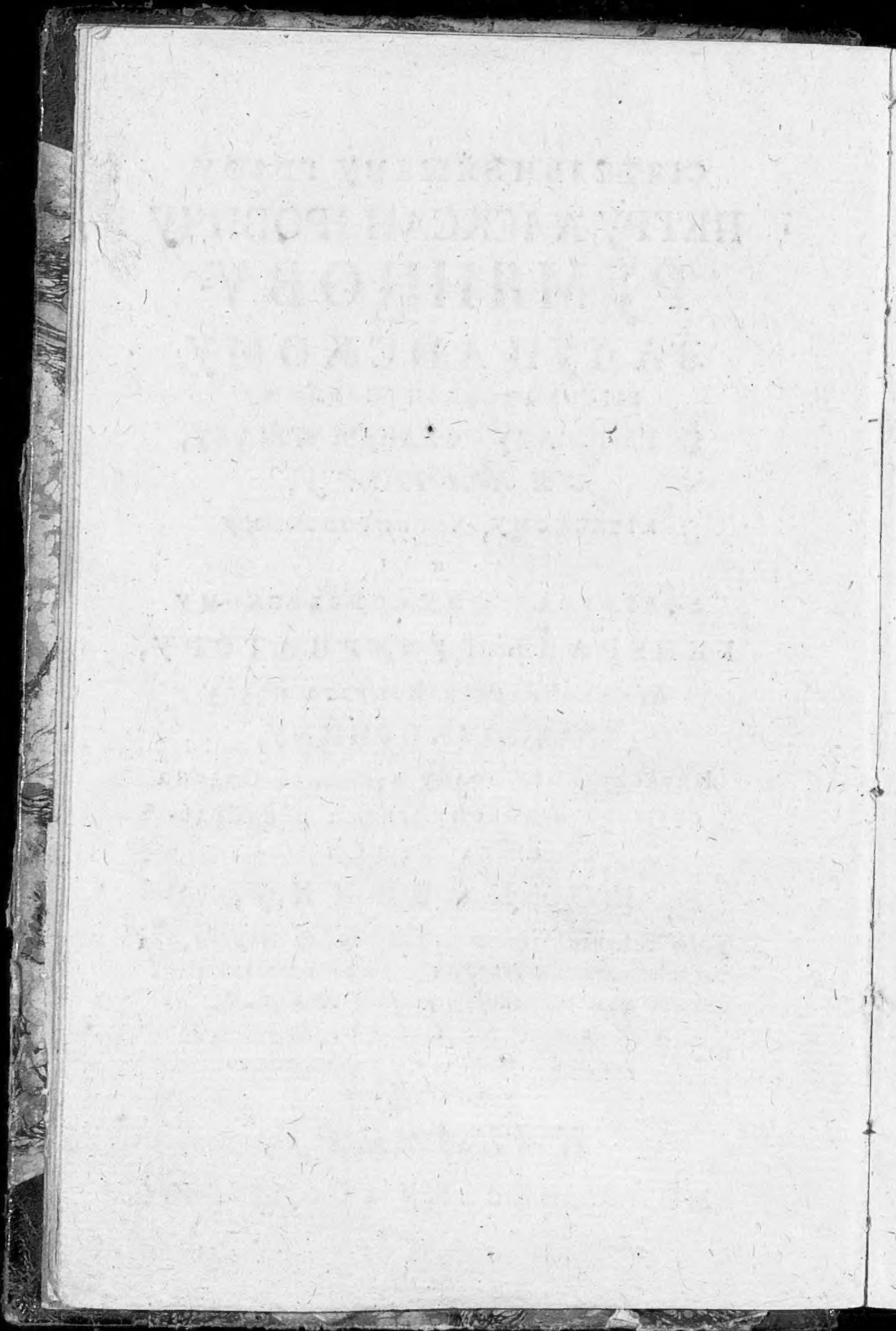

Иждивеніемъ Типографической Компаніи.

МОСКВА,
Въ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова,
1785.

СІЯТЕЛЬНѢЙШЕМУ ГРАФУ,
ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ
РУМЯНЦОВУ-
ЗАДУНАЙСКОМУ,
ВЫСОКОПОВЕЛИТЕЛЬНОМУ
Г. ГЕНЕРАЛУ-ФЕЛЬДМАРШАЛУ,
СЕНАТОРУ,
КІЕВСКОМУ, ЧЕРНИГОВСКОМУ
И
НОВГОРОДСКОМУ-СѢВЕРСКОМУ
ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРУ,
Лейбъ-Гвардіи Коннаго полку
ПОДПОЛКОВНИКУ,
Кирасирскаго полку военнаго Ордена святаго великомученика и побѣдоносца Георгія
ПОЛКОВНИКУ,
Россійскихъ Орденовъ св. Апостола Андрея, св. Александра Невскаго, св. Георгія первой Степени и св. равноапостольнаго Князя Владимира первой же Степени, Прусскаго Чернаго Орла и Голстинскаго святыя Анны
КАВАЛЕРУ,
МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ!

СІЯТЕЛЬНѢЙШІЙ ГРАФЪ!

Милостивый Государь!

Издавая во свѣтѣ Исторію о Невинномъ Заточеніи Ближняго Боярина Артемона Сергіевича Матвѣева, не могу я никому посвятить ее пристойнѣе, кромѣ Вашего Высокографскаго Сіятельства, его Правнука и преемника всѣхъ блистательныхъ добродѣтелей, украшавшихъ того Ироя. Писатели и Издатели во всѣхъ временахъ часто посвящали дѣянія Ироевъ людямъ, породою только знатнымъ, или высокостепеннымъ; но рѣдко имѣли случай посвящать оныя Ироямъ, каковы были описываемые ими: напротивъ сего я посвящаю сію книгу такому Ирою, который дѣлами

своими еще и превышаетЪ своего Прадѣда. СимЪ дѣйствіемЪ сугубо исполняю я должность сына Отечества, обязаннаго служить оному посильными своими трудами и прославлять дѣла и подвиги Собратій своихЪ, заслугами Государю и Отечеству знаменитыхЪ. АртемонЪ Сергіевичь МатвѣевЪ весьма достоинЪ всемірнаго прославленія, яко истинный Ирой того вѣка; ибо неусыпными трудами и попеченіями чрезЪ всю жизнь свою споспѣшествовалЪ онЪ благополучію Государства, и наконецЪ, спасая Государя и Отечество, заслуги свои запечатлѣлЪ кровію своею. И такЪ, изда-

давая во свѢтЪ сію книгу, свидѢтельствую усердіе мое ко прославленію его имени; а посвящая оную Вашему Высокографскому Сіятельству, знаменитому Ирою нашего вѢка, приношу хотя слабую, но искреннюю жертву ПобѢдителю, Покорителю и Умирителю враговЪ моего Отечества. Я бы желалЪ распространить достодолжную похвалу великимЪ Вашего Высокографскаго Сіятельства душевнымЪ свойствамЪ и добродѢтелямЪ, но скудость пера моего налагаетЪ на меня молчаніе. Остается мнѢ просить Ваше Высокографское Сіятельство о томЪ, чтобы сіе мое усердное приношеніе

)(4 при-

приняли Вы съ обыкновенною Вашею благосклонностію къ упражняющимся въ Словесныхъ Наукахъ, и позволили бы мнѣ быть навсегда,

СІЯТЕЛЬНѢЙШІЙ ГРАФЪ!

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО СІЯТЕЛЬСТВА

Искреннѣйшимъ, усерднѣйшимъ и вѣрнымъ слугою,

НИКОЛАЙ НОВИКОВЪ.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Сообщаемая нынѣ мною Ученому Свѣту книга, содержитъ въ себѣ разныя извѣстія, касающіяся до жизни славнѣйшаго Мужа временъ Царя Алексія Михайловича: Исторія наша весьма мало можетъ намъ представить ему подобныхъ. Сей есть Артемонъ Сергіевичь Матвѣевъ, Ближній Бояринъ, Намѣстникъ разныхъ городовъ, Царскія большія печати и Государственныхъ Посольскихъ дѣлъ Оберегатель, Приказовъ Стрѣлецкаго, Казанскаго и другихъ, такожъ и Монетнаго двора Главный Судія. Сей Мужъ, неутомимыми услугами, вѣрностію и преданностію къ Государю, безпредѣльною любовію къ Отечеству, милосердіемъ къ Народу, мудростію и правосудіемъ въ дѣлахъ политическихъ и гражданскихъ, храбростію и прозорливостію въ дѣлахъ воинскихъ, и наконецъ ученостію своею, снискалъ себѣ славное названіе Царскаго друга и благодѣтеля Народа. Царь Алексій Михайловичь писывалъ къ нему обыкновенно въ письмахъ своихъ: *Другъ мой Сергѣевичь*! Одно изъ таковыхъ писемъ доказываетъ совершенно, сколь велики были къ нему любовь и довѣренность сего Государя. Сіе письмо писано было къ нему изъ Москвы подъ Смоленскъ, гдѣ тогда Артемонъ Сергіевичь съ войсками находился; а въ немъ между прочимъ

написано: *Пріѣзжай къ намъ скорѣе: дѣти мои, и я, безъ тебя осиротѣли: за ними присмотрѣть не кому, а мнѣ посовѣтывать безъ тебя не съ кѣмъ*, и проч. Таковыхъ писемъ и другихъ извѣстій, и собственныхъ Артемона Сергіевича записокъ и сына его Графа Андрея Артемоновича, весьма много находится въ домѣ Князей Мещерскихъ, о чемъ я самъ слышалъ отъ покойнаго Его Сіятельства Князя Василія Ивановича Мещерскаго, и которыя онъ розобравъ обѣщалъ ко мнѣ прислать. Желательно бы было, чтобы сіи бумаги ко мнѣ сообщены были, дабы или при второмъ изданіи пріобщить оныя къ сей книгѣ, или бы можно было приступить и къ сочиненію полной Исторіи сего великаго Мужа. Любовь же народную къ нему доказываетъ слышанное мною отъ многихъ достовѣрныхъ людей, а паче отъ покойнаго Князя Василія Ивановича Мещерскаго извѣстіе, которой увѣрялъ меня, что онъ сіе извѣстіе почерпнулъ изъ домовыхъ записокъ, находящихся у него, и которое я здѣсь сообщаю. Артемонъ Сергіевичъ Матвѣевъ имѣлъ весьма малый и тѣсный домикъ между Покровкою и Мясницкою, въ приходѣ церкви Николая Чудотворца, что въ Столпахъ, гдѣ послѣ уже построилъ онъ большія каменныя палаты, которыя и нынѣ еще въ цѣлости стоятъ и принадлежатъ Князьямъ Мещерскимъ. Царь нѣсколько разъ ему говорилъ, чтобы онъ построилъ себѣ большія палаты, но Артемонъ Сергіевичъ всегда отговаривался недосугами и неисправностію; наконецъ Царь сказалъ, что онъ самъ прикажетъ ему построить

палаты. Артемонъ Сергіевичь, видно, что не старался обременять себя милостьми Государскими; и для того, благодаривъ Государя, сказалъ, что онъ уже исправился и намѣренъ того же лѣта строить себѣ палаты. И въ самомъ дѣлѣ приказалъ заготовлять матеріалы къ строенію; но тогда во всей Москвѣ не было въ привозѣ камня для фундамента. Слухъ о семъ въ городѣ разнесся, что Бояринъ Матвѣевъ хочетъ строить палаты, но за тѣмъ не начинаетъ, что нѣтъ камня на основаніе дома. Стрѣльцы и Народъ, собравшись между собою, переговорили, и нѣсколько человѣкъ на другой день пришли къ Боярину, сказывая, что Стрѣльцы и Народъ слышали, что онъ нигдѣ не нашелъ купить камня, такъ они ему кланяются, то есть дарятъ, камнемъ подъ цѣлой домъ. *Друзья мои!* отвѣчалъ Бояринъ, *я подарковъ вашихъ не хочу; а ежели у васъ камень есть, то продайте мнѣ, я богатъ и могу купить.* Присланные отвѣтствовали, что пославшіе ихъ, сего каменья не продадутъ ни за какія деньги, а дарятъ своего Благодѣтеля, которой имъ всякое добро дѣлалъ; при чемъ просили его неотступно, чтобы онъ приказалъ тѣ каменья принять. Долго не склонялся Бояринъ, но наконецъ согласился и приказалъ привезть. Но въ какое пришелъ онъ удивленіе, когда на другой день увидѣлъ полонъ дворъ навезенныхъ каменьевъ съ могилъ. Выбранные говорили ему: *Привезенныя каменья взяты нами со гробовъ отцевъ и дѣдовъ нашихъ; и для того-то мы ихъ ни за какія деньги продать не могли, а даримъ тебѣ, на-*

нашему Благодѣтелю. Бояринъ, не отпуская ихъ и не принимая каменья, тотчасъ поѣхалъ къ Царю и увѣдомилъ его о семъ неслыханномъ случаѣ. Но Царь отвѣтствовалъ ему: *Прими, другъ мой, сей подарокъ отъ Народа; знатно, что они тебя любятъ, что гробы родительскіе обнажили, для того чтобъ сдѣлать тебѣ угодность. Такой подарокъ и я бы охотно принялъ отъ Народа.* Бояринъ возвратился домой, принялъ каменья, дарилъ ихъ, но они ничего не приняли; и такъ отпустя ихъ, началъ строить домъ. Къ чести сего мужа должно сказать и то, что Царица Наталья Кириловна, мать Императора ПЕТРА Великаго, воспитана была въ его домѣ, и жила въ ономъ до самаго вступленія въ замужство Царское. Хорошій его вкусъ и знаніе въ Свободныхъ Художествахъ, утверждаетъ иконостасъ въ домовой его церквѣ, которой весь написанъ наилучшимъ Италіянскимъ письмомъ. Любовь его къ Наукамъ доказываетъ то, что онъ всегда имѣлъ обращеніе съ иностранными Учеными Мужами, что послѣ было причиною его нещастія и ссылки, въ правленіе Царя Θеодора Алексіевича. Одинъ Польской Историкъ увѣряетъ, что Царь Алексій Михайловичь, при кончинѣ своей предусматривая слабость силъ тѣлесныхъ обоихъ Царевичей, Θеодора и Іоанна Алексіевичевъ, сдѣлалъ было завѣщаніе, которымъ наслѣдникомъ и преемникомъ престола своего опредѣлялъ Царевича Петра Алексѣевича, а Артемона Сергіевича назначалъ Правителемъ Государства до совершенныхъ лѣтъ младаго Царевича; но что по кончинѣ Царя Алексія Михайловича обстоятель-

тельства перемѣнились, и сей случай, по его увѣренію, былъ причиною ссылки Боярина Артемона Сергіевича.

Что касается до сей издаваемой мною книги, то списокъ, съ котораго я издавалъ, угодно было ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ приказать сообщить изъ собственныя ЕЯ Книгохранительницы и поручить мнѣ изданіе онаго. Судьбою предуставлено, чтобы вѣкъ Великія ЕКАТЕРИНЫ былъ вѣкомъ славы и величества Россіи; и чтобы не токмо нынѣ живущихъ великихъ Мужей, но и умершихъ память и славныя дѣла, погребенныя во тьмѣ вѣковъ прошедшихъ, извлекалися изъ подъ спуда и полагалися предъ очи всего міра при ЕЯ премудромъ правленіи, для прославленія именъ ихъ въ позднѣйшихъ потомкахъ. Сей списокъ, полученный мною отъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, списанъ съ находящагося въ домѣ покойнаго Князя Василія Ивановича Мещерскаго подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

Оправданіе о безвинномъ раззореніи и о седмилѣтнемъ страданіи, бывшемъ въ ссылкѣ въ Пустоозерскомъ острогѣ Боярина Артемона Сергіевича, и сына его Комнатнаго Стольника Андрея Артемоновича Матвѣевыхъ, съ 7184 по 7190 годъ, при державѣ Пресвѣтлѣйшаго Государя Царя и Великаго Князя Θеодора Алексіевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, блаженныя памяти, каковое онъ вышеименованный Бояринъ весьма ясно

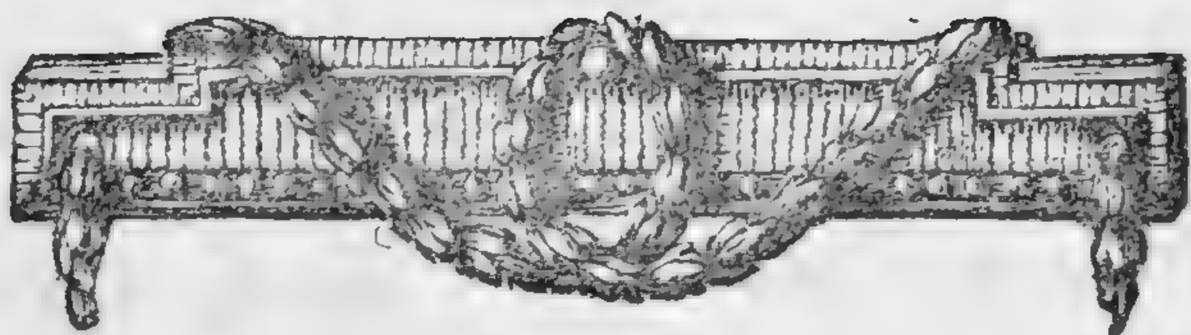
изнесъ по тремъ своимъ челобитнымъ, тогда отъ бывшаго у него Пристава, отъ Стольника Гаврiила Яковлева сына Тухачевскаго, изъ Пустоозерскаго того острога посланнымъ въ Стрѣлецкой Приказъ для донесенiя Его высокопомянутому Царскому Величеству, о всесовершенной той истинной правдѣ и о невинности своей по явной на него клеветѣ и по вымышленному отъ внутреннихъ его Боярскихъ злодѣевъ притворному и самому ложному составу, съ достовѣрными самыми отъ себя доказательствы, къ ясному во всѣхъ тѣхъ злосоставныхъ и сказкою ему причтенныхъ винъ изобличенiемъ освидѣтельствованныхъ истиннымъ правосудiемъ Божiимъ и отъ Божественнаго Писанiя святыхъ Правилъ, отъ Христiянскихъ всѣхъ Законовъ и всѣхъ гражданскихъ Правъ и Уложенья, которыя вины безъ всякаго испытанiя чрезъ оныя государственныя Права безъ очныхъ ставокъ, необходимо надлежащихъ ему Боярину съ ворами и клеветниками оными, и противно всѣмъ Христiянскимъ Законамъ и Правиламъ, и гражданскимъ тѣмъ Правамъ и Уложенiю, ему Боярину въ Казанской приказной Палатѣ, при Бояринѣ и Воеводѣ Иванѣ Богдановичѣ Милославскомъ, нарочно изъ Москвы присланнымъ Дьякомъ Иваномъ Гороховымъ сказаны были, который Дьякъ Гороховъ егожъ Боярскiе и сына его пожитки на его Великаго Государя съ Дьяками со Львомъ Нечаевымъ и съ Никитою Полунинымъ въ прошломъ 7185 году описывалъ и обиралъ. О чемъ о всемъ вышепомянутомъ обстоятельнѣе извѣстно будетъ изъ тѣхъ его Боярскихъ къ Его Царскому Величеству и къ

Свя-

Святѣйшему Іоакиму Патріарху Московскому и всея Россіи подлинныхъ челобитенъ и къ Ближнимъ Боярамъ съ грамотокъ списанныхъ по порядку ниже сего. А тѣ всѣ подлинныя челобитныя писаны были собственною рукою сына его Андрея Артемоновича. Кромѣ сего списка имѣлъ я еще три другіе: одинъ находящійся въ Императорской Библіотекѣ при Академіи Наукъ; другой получилъ я отъ Г. Генералъ-Аудитора Лейтенанта Петра Кириловича Хлѣбникова; третій находился у меня купленный мною. Всѣ сіи четыре списка сходствовали между собою совершенно, кромѣ того, что въ трехъ послѣднихъ спискахъ весьма много погрѣшностей, отъ перепищиковъ учиненныхъ. Къ сему списку прибавилъ я собранныя мною надписи съ надгробій многихъ Особъ изъ рода Матвѣевыхъ.

Въ заключеніи желаю Читателю моему, чтобы онъ при совершенномъ здравіи пользовался сею книжкою, ожидая съ терпѣніемъ полной Исторіи сего великаго Мужа.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОРІЯ

О НЕВИННОМЪ ЗАТОЧЕНІИ

БОЯРИНА МАТВѢЕВА.

Перпая челобитная, которая послана была изъ Пустоозерскаго острога пъ Москпу, прошлаго 7185 (1677) года.

Царю, Государю и Великому Князю Θеодору Алексіевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу, неимѣющіе помощи и заступленія, развѣ всесильнаго и милостиваго Бога и тебя Помазанника Его Великаго Государя, бьютъ челомъ холопи твои бѣдные и до конца разоренные, Артемошка Матвѣевъ съ убогимъ сиротою сынишкомъ своимъ Андрюшкомъ.

ВЪ прошломЪ, Великій Государь, во 184 (1676) годѣ, зависти и ненависти ради принесено на меня, холопа твоего, чего вЪ умѣ моемЪ не бывало, и дондѣже дышу, того не будетЪ; и безо всякія моея вины отлученЪ премногія твоея Государскія милости, и посланЪ вЪ Сибирь на Верьхотурье, и во 185 (1677) годѣ оставленЪ вЪ Лаишевѣ. И Ноября вЪ 25 день, по твоему Великаго Государя указу пріѣзжалЪ Полуголова МосковскихЪ стрѣльцовЪ Алексій ЛужинЪ, и спрашивалЪ у меня, холопа твоего, книги Лечебника, вЪ которомЪ Лечебникѣ многія статьи писаны цыфирью; и томЪ ЛечебникЪ и людишекЪ моихЪ, Ивашка Еврея и карла Захарка велѣно у меня взять. И я, холопЪ твой, ему Алексію сказалЪ, что у меня Лечебника такого, что многія статьи писаны цыфирью, нѣтЪ, а людишекЪ Ивашка и Захарка ему отдалЪ; и говорилЪ ему Алексію сЪ великимЪ прошеніемЪ, чтобЪ онЪ вЪ домишкѣ моемЪ, гдѣ я поставленЪ, вЪ рухлядишкѣ моей обыскалЪ, и кЪ человѣку моему на дворишко обыскать пошелЪ.

И онЪ Алексій у меня, холопа твоего, вЪ рухлядишкѢ и кЪ человѢку моему на дворишко обыскать не пошелЪ, а сказалЪ, что ему о томЪ твоего, Великаго Государя, указа нѢтЪ. И ему же Алексію давалЪ и, холопЪ твой, тетрадку Славенскаго письма; а вЪ той тетрадкѢ писаны пріемы отто всякихЪ болѢзней, и подмѢчены тѢ статьи словами цыфирными для пріиска лѢкарствЪ, и онЪ тое тетрадку у меня, холопа твоего, не взялЪ.

И вЪ томЪ же, Великій Государь, во 185 годѢ, Декабря вЪ 22 (вЪ другомЪ спискѢ показано вЪ 26) день, присланЪ вЪ ЛаишевЪ Думный ДворянинЪ ѲеодорЪ Прокофьевичь СоковнинЪ, да Думный ДьякЪ Василій СеменовЪ, осматривать и обыскивать книги и рухлядишку мою на дворишкѢ моемЪ. Письма и книги осматривали, и книги непотребныя и противныя закону Божію не нашли; для того что ее нѢтЪ и не бывало. МеняжЪ, холопа твоего, да племянниковЪ моихЪ трехЪ человѢкЪ, да людишекЪ девять человѢкЪ о книгѢжЪ спрашивали, и взяли у насЪ сказки за руками;

ми; да яжъ, холопъ твой, Думному Дворянину Феодору Прокофьевичу Соковнину, да Думному Дьяку Василью Семенову объявилъ тетрадки, которыя писаны выше сего, и тѣ тетрадки они у меня, холопа твоего, взяли. Да ко мнѣжъ, холопу твоему, присланъ изъ Казани Дворянинъ Гаврило Нармацкой, да Полуголова Алексій Лужинъ, и взявъ меня, холопа твоего, въ Лаишевѣ, и привезли въ Казань, и въ Казани данъ былъ за крѣпкіе приставы и караулъ. А послѣ того присланъ твой, Великаго Государя, указъ: велѣно мнѣ людишекъ оставить малое число, а достальныхъ отпустить по деревнишкамъ, а иныхъ на волю.

По твоемужъ, Великаго Государя, указу присланъ Дьякъ Иванъ Гороховъ въ Казань, и ко мнѣ, холопу твоему, пріѣхалъ на дворишко ночью, и твой Великаго Государя указъ сказалъ. Указали вы, Великій Государь, взять грамоты блаженныя памяти Отца своего Государева, Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, и всякія посольскія письма и наказы, и дворовыя

и

и отчинныя и помѣстныя крѣпости, и живошишки мои, и сынишка моего. И я, холопъ швой, ему Ивану далъ двѣ книги рухлядишкѣ своей однсю рукою писаны: одна въ шетрадяхъ въ переплетѣ безъ кожи, а другая въ кожѣ красной переплешена, шой же руки, что въ шетрадяхъ, и что было всѣхъ отца моего и сынишка моего, что ему отказала послѣ смерти своей мать его, и что на Москвѣ оставлено было, и то все въ шой переплетной въ красную кожу книгѣ написано. И онъ Иванъ пересмотрѣлъ и переписалъ, и переписавъ взялъ безъ остатка; только дали мнѣ, холопу твоему, противъ твоего, Великаго Государя, указа. Яжъ, холопъ швой, видя гнѣвъ Божій и швою Государскую опалу, объявилъ ему лучшаго пожиточишка своего и женишки моей, что она отказала сынишку моему, и тому у него Ивана четыре тетрадки въ полдесть моею, холопа твоего, рукою писаны. А за какую вину я, холопъ швой, оставленъ въ Лаишевѣ, и взятъ въ Казань, и данъ за крѣпкіе приставы, и людишекъ велѣно разослать по деревнишкамъ,

жамъ, а иныхъ отпустить на волю; и васъ, Великихъ Государей, грамоты и наказы, и всякія посольскія письма и крѣпости, и всѣ мои животишки взяты, и за что, того мнѣ, холопу твоему, ничего не сказано. Іюняжъ въ 11 день, въ Казани, по твоемужъ Великаго Государя указу, Бояринъ Иванъ Богдановичь Милославскій съ товарищи велѣли меня, холопа твоего, и сынишка моего и людишекъ моихъ съ женами и съ дѣтьми взять изъ дворишка моего Головѣ стрѣлецкому Ивану Садилову, и велѣли весть меня, холопа твоего, и сынишка моего въ съѣзжую избу, какъ злодѣевъ, или измѣнниковъ. И твой, Великаго Государя, указъ сказали: указали вы, Великій Государь, у меня, холопа твоего, за великія вины и неправды мои честь мою Боярство отнять, и написать по Московскому списку; а помѣстья и отчины мои всѣ подмосковныя и въ городахъ, и Московскій дворишко и загородный, и животишки всѣ и рухлядишку всякую указали вы, Великій Государь, описать на себя, Великаго Государя, и приписать ко

Двор-

Дворцовымъ селамъ; а людишекъ моихъ и сынишка моего отпустить на волю съ отпускными. А вины будто мои, холопа твоего, и неправды предъ тобою, Великимъ Государемъ, сыскались тѣ: въ сказкѣ моей, холопа твоего, какову я далъ въ Лаишевѣ Думному Дворянину Ѳеодору Прокофьевичу Соковнину, да Думному Дьяку Василью Семенову, за моею рукою писано, что про васъ, Великаго Государя, во время бывшія вашея Государскія скорби лѣкарства составляли ваши Государскіе Докторы, Костеріусъ, Стефанъ Симонъ по рецепту, и тѣ рецепты и нынѣ въ вашей, Великаго Государя, аптекарской палатѣ. А лѣкарство де накушивали прежде докторы, потомъ я, холопъ твой, а послѣ де меня ваши Великаго Государя дядьки, Бояре, Князь Ѳедоръ Ѳедоровичь Куракинъ, да Иванъ Богдановичь Хитровъ; а повреждения де вашему Государскому здоровью отъ того лѣкарства быти отнюдь было не отъ чего, что тѣ лѣкарства составляли самымъ свидѣтельствомъ. А что какого лѣкарства у васъ, Великаго Государя, послѣ вашихъ

 Го-

Государскихъ пріемовъ оставалось, и тѣ лѣкарства при васъ, Великомъ Государѣ, выпивалъ яжъ, холопъ твой. А ваши Великаго Государя дядьки сказали, что того не бывало: тѣхъ лѣкарственныхъ составовъ, которые послѣ вашихъ Государскихъ пріемовъ оставались, я, холопъ твой, будто не выпивалъ; и то я будто сказалъ и въ сказкѣ написалъ ложно. И я, холопъ твой, неимѣющій помощи и заступленія, кромѣ Бога и тебя, Великаго Государя, прошу у тебя Великаго Государя милосердія и премудраго твоего Государскаго разсмотренія въ правдѣ своей. Спрашивали меня, холопа твоего, о Докторахъ, а я, холопъ твой, сказалъ, какъ было при тебѣ, Великомъ Государѣ. Ачто твои Великаго Государя дядьки, Бояре, Князь Ѳедоръ Ѳедоровичь Куракинъ и Иванъ Богдановичь Хитровъ сказали, что того не бывало, что оставалось послѣ пріема твоего Великаго Государя, будто я, холопъ твой, того не выпивалъ, и въ томъ ихъ воля; какъ они въ такомъ дѣлѣ упомнили, такъ и сказали: и да воздастъ намъ Господь

Богъ

БогЪ по правдѣ и истиннѣ нашей вЪ день всѣмЪ страшный суда своего праведнаго! А я, холопЪ твой, какЪ помню, такЪ и сказалЪ, и сказку далЪ, не оправдывая ДокторовЪ. А хотябЪ, Великій Государь, я, холопЪ твой, того вЪ сказкѣ своей и не написалЪ, что послѣ твоего Государскаго пріема не выпивалЪ, и того бы мнѣ вы, Великій Государь, вЪ вину поставить не изволилЪ, для того что вашЪ Государскій чинЪ обдержитЪ, когда вы составы Докторскіе изволите принимать, и при васЪ ВеликихЪ ГосударяхЪ только чинЪ исправляютЪ, накушиваютЪ малѣйшую долю; а что я, холопЪ твой, выпивалЪ, и то угождая тебѣ Великому Государю, и чаялЪ паче, что усугублю милость твою Государскую кЪ себѣ. ХодилЪ и работалЪ за твоимЪ ГосударскимЪ здоровьемЪ такЪ, какЪ тебѣ Великому Государю предЪ святымЪ ЕвангеліемЪ обѣщался вЪ истиннѣ всякаго добра хотѣть, и хочу до послѣдняго моего издыханія, и не устрашусь вЪ день испытанія, когда всякое естество человѣческое наго и умиленно нелицемѣрному Судіи

 пред-

предстанетъ, и совѣсть человѣческая нага и объявленна, и нѣсть сокровенно, еже не явленно будетъ тогда. А естьлибъ при тебѣ, Великомъ Государѣ, того не было, и помыслить мнѣ, холопу твоему, не возможно, не токмо написать въ сказкѣ, принявъ у тебя Великаго Государя рюмку, и что въ ней останется, на ладонь вылью и выпью. А твои Великаго Государя дядьки и того не сказали, что они накушивали составы, или нѣтъ. А буде, Великій Государь, твои Великаго Государя дядьки, Бояре, сказали о томъ остаткѣ, что оставалось въ сулейкѣ, и та сулейка стаивала въ твоихъ Великаго Государя хоромахъ на окнѣ, и тѣхъ остатковъ, что оставалось въ сулейкѣ, я, холопъ твой, не выпивалъ, а снашивали Докторы въ аптеку для перемѣны новыхъ составовъ. Мнѣжъ, холопу твоему, сказано: всѣмъ твоимъ Великаго Государя Боярамъ лѣкарь Давыдко Берловъ въ разспросѣ сказалъ: лечилъ де онъ Давыдко у меня, холопа твоего, человѣка карла Захарка, и ему де карло Захарко сказывалъ, что онъ боленъ

отъ

отъ моихъ, холопа твоего, побой. А билъ де будто я, холопъ твой, его за то, какъ будто я у себя въ домищкѣ въ палатѣ съ Стефаномъ Докторомъ чли черную книгу, и въ то де время будто пришло къ намъ въ палату нечистыхъ духовъ множество, и говорили намъ, мнѣ, холопу твоему, и Доктору Стефану, тѣ нечистые духи въ слухъ, что есть у насъ въ избѣ третій человѣкъ; будто я, холопъ твой, выскоча, и осмотря его Захарка за печью, сорвавъ съ него шубу, и поднялъ и ударилъ его о землю, и топталъ и выкинулъ изъ палаты вонъ замертво. И въ томъ Давыдко съ Стефаномъ Докторомъ на очной ставкѣ на карла Захарка Давыдко слался, да и самъ де онъ Давыдко, будучи во дворѣ у меня, холопа твоего, будто видѣлъ, какъ я со Стефаномъ Докторомъ и съ Спафаріемъ черную книгу заперлись чли, почто будто онъ вшелъ къ намъ въ палату не извѣстно; а та де книга въ полдесть, а толщиною пальца въ три; а училъ де будто по той книгѣ меня, холопа твоего и сынищка моего Андрющ-

дрюшку Николай Спатарій. А карло Захарко предъ твоими Великаго Государя всѣми Бояры въ разспросѣ и съ пытки говорилъ, будто я, холопъ твой, съ Стефаномъ Докторомъ и Спатаріемъ книгу чли, а онъ Захарко за печью въ то время былъ и уснулъ и захранѣлъ, и будто я, холопъ твой, услыша, что онъ хранитъ, взявъ его изъ запечья за волосы, и толкнулъ черезъ порогъ вонъ за заднюю палату. А та де книга была невеликая, и Давыдку де о томъ онъ сказывалъ. А какъ де его будто я, холопъ твой, изъ палаты вытолкнулъ, и книга де въ то время передъ нами была на столѣ. Да и костоправъ Ивашко Максимовъ, который того карла лечилъ, сказалъ, что переломлены были у того карла два ребра; а сказывалъ де ему костоправу тотъ карло, что топталъ его карла я, холопъ твой; и по тому розыску объявилось, будто моя, холопа твоего, ложь и неправда. И я, холопъ твой, Давыдково воровство и человѣка своего карла Захарка разспросными рѣчьми и ихъ размолвкою хочу правъ быть. Передъ твоимижъ Ве-

Великаго Государя Бояры человѣкъ мой карло Захарко разспрашиванъ и пытанъ, а съ пытки того не говорилъ, какъ мы будто съ Стефаномъ Докторомъ и съ Николаемъ Спатаріемъ чли книгу, и въ то время пришло къ намъ въ палату нечистыхъ духовъ множество, и говорили будто намъ тѣ нечистые духи въ слухъ, что есть у насъ въ избѣ третій человѣкъ; и то онъ воръ Давыдко въ извѣтѣ своемъ воровски затѣялъ, и тѣ ихъ рѣчи розднились, и воровство и составъ воровскій Давыдковъ сталъ явенъ. А хотя бы человѣкъ мой карло Захарко сказалъ, что онъ видѣлъ нечистые духи, и тому Великій Государь вѣрить не чему; но надлежало было допросить его, какъ онъ нечистые духи могъ видѣть, и каковы ихъ образы, и по чему онъ знаетъ образъ духовъ нечистыхъ: по томубъ все было тебѣ Великому Государю извѣстно, ложь ли то, или истинна. Не токмо Великій Государь падшихъ духовъ видѣть, но и свѣтлыхъ духовъ не возможно и святымъ видѣть, какъ о томъ всѣхъ церквей око и вселенныя учитель Іо-

аннъ

аннЪ Златая Уста Божественными писаніями изЪяснилЪ и истолковалЪ, яко инЪ никтоже, глаголетЪ, угодившимЪ Богови являлися сходительными образы свѣтлыми духи, какЪ возможно по добродѣтеляхЪ видѣть, а не естество духа, и отЪ того схожденія имѣли страхЪ и трепетЪ. ДаніилЪ (10), постяся три седмицы дней, имѣвЪ желанія не яде, и вина и мяса не вниде во уста его, и мастію не помазася, и тогда узрѣ видѣніе оно, а не естество: гласЪ словесе его, яко гласЪ народа, и азЪ единЪ видѣхЪ видѣніе се, а сущіи со мною не видѣша; но ужасЪ велій нападе на ня, и бѣжаша отЪ страха, и не оста во мнѣ крѣпость отЪ видѣнія, и слава моя превратися во истлѣніе, и сотвори блѣдность, и погубивЪ цвѣтЪ красоты, и истощи благорумянство явленіе. Сего ради, рече, слава моя превратися во истлѣніе; и се схожденіе, а не естество. Ездра (10) быхЪ поставленЪ яко мертвЪ, и рекохЪ Ангелу: глаголи, Господи мой, не остави мя, яко да не вЪ суетѣ умру. Товія (12), егда рече ему АнгелЪ: азЪ

есмь

есмь РаѳаилЪ АнгелЪ, единЪ отЪ седми предстоящихЪ; и слышавшіи сія ужасошася, и плачуще падоша на землю ницы; рекЪ, видѣбося вамЪ яко сЪ вами ядохЪ и пихЪ, но отЪ пищи и питія невидимаго, ихЪ же отЪ человѣкЪ видѣти не можетЪ. Егда сія глаголющу, зрящимЪ имЪ, невидимЪ бысть, и кЪ тому его видѣти не возмогоша. И сіе схожденіе, а не естество; а о естествѣ и пищи рекЪ, ихЪ же отЪ человѣкЪ видѣти не можетЪ. Лука 1 и 2.

Захарія бѣ нѣкто мужЪ чуденЪ, и великЪ АрхіерействомЪ, почтенЪ отЪ Бога; видѣвЪ Ангела внутрь стояща, и понеже ужаси зрѣніе, видѣвЪ смутися, и страхЪ нападе нань; рече ему АнгелЪ: не бойся Захаріе. И сіе схожденіе, а не естество. ДухЪ много во СвятомЪ Писаніи нарицается, и многи суть духове розныи, сотворенныи яко десять чиновЪ АнгеловЪ, якоже есть писано, ПсаломЪ 143: Творяй Ангелы своя духи, и слуги своя огнь палящЪ. ДухЪ и душа человѣческая глаголется, ПсаломЪ 145: ИзыдетЪ (рече) духЪ его, и возвратится

ся

ся въ землю свою. Кто видѣ душу человѣческую отъ человѣкъ изходящу? Никтоже; духъ и вѣтръ. Псаломъ 47: Духомъ бурнымъ сокрушиши корабли Ѳарсійскія. Духъ буренъ творящій слово его. И никто, Великій и милостивый Государь, изо всѣхъ богословцевъ и учителей церковныхъ не написалъ, чтобъ кто видѣлъ естество духа чиста. А объ отпадшихъ и нечистыхъ духахъ той же златострунный языкъ, Іоаннъ Святый рекъ въ Маргаритѣ, въ словѣ 3 о Іовѣ: діяволъ бо не естества имя, но произволенія; не бо діяволъ созданъ бысть изначала, но Ангелъ убо созданъ бысть, діяволъ же именовася; естество бо благо, предложеніежъ зло. Духъ бо не человѣки послушаетъ, но Бога; родъ, существо бесплотное, духи невидимы, духи скороходны, и якобы страсть молній, и не человѣческая есть мысль раздѣляти невидимая отъ чувственныхъ, какъ о томъ въ томъ же Маргаритѣ въ словѣ 1 о Іовѣ: Пріиде вѣстникъ ко Іову глаголетъ: сыновомъ твоимъ и дщеремъ твоимъ ядущимъ и піющимъ у брата тво-

твоего старѣйшаго, внезапу пріиде духъ отъ пустыни и коснуся четыремъ угломъ храмины, и падеся, и умроша, азъ единъ остахся, и пріидохъ возвѣстити тебѣ. Откуду вѣси, рцы ми, яко пріиде духъ отъ пустыни и коснуся угломъ храмины, человѣкъ еси, и како видѣ духъ, которыма очима видѣхъ еси, то яко не бѣ человѣкъ, иже сія глагола ко Іову, но самъ духъ во образѣ человѣка. И великоименитый Василій, отъ устъ своихъ имѣя столпъ огненъ, царствовавшій надъ страстьми тѣла, богодуховная уста премудрости Божіи, въ словесѣхъ ученія не токмо бывшихъ въ лѣта онаго, но и древнихъ превзошедъ, когда услыша моленіе къ себѣ отъ души Синклитика Протерія, а прельщеннаго отрока жены, моляся со множествомъ народа всю нощь, Богови со слезами вопіюще, да не одолѣетъ губитель души отрока, какъ о томъ пространнѣе въ Прологу, Генваря во 2 день. И се духъ нечистый, со всегубительною своею силою невидимо хотящій схитити отрока изъ руки святаго Василія, и рече къ нему

 духъ

духъ нечистый: обидиши мя Василіе, якоже и многимъ отъ нихъ молящимся гласъ слышати, и въ толикое безстудіе пріиде, якоже и чудеснаго Василія терзати и порѣвати. И сей великоименитый, и всѣ молящіеся объ отрокѣ, духа нечиста не видѣли, кромѣ терзанія и слышанія гласа; а видѣли токмо писаніе отрока несено по воздуху; и пріиде, и вложено бысть дивнаго отца Василія въ руцѣ, а духовъ нечистыхъ не видѣли, и видѣти не возможно. И во святомъ Евангеліи отъ Марка, зачало 40, рекъ Господь: изыди душе нѣмый и глухій, азъ ти повелѣваю изыйти отъ человѣка сего, и къ тому не вниши въ него. Лука, зачало 51: Господь же рече: видѣхъ сатану яко молнію съ небеси спадша. Что сего слова сильнѣе? О сотвореніи своемъ рекъ, и сатаною поноси, именовалъ, а рекъ молнію. И паки во Евангеліи толковомъ, Лук. зачало 38: во странѣ Гадаринской мужъ нѣкій, иже имяше бѣсовъ отъ лѣтъ многихъ; видѣвъ же Іисуса, и возопивъ припаде къ Нему, и гласомъ великимъ рече: что мнѣ и Те-

Тебѣ, Іисусе, Сыне Бога Вышняго, молютися, да не мучиши мене. Видѣвъ же Іисуса человѣкъ возопи: что мнѣ и Тебѣ, пришелъ еси прежде времени мучиши насъ; и въ семъ чудотвореніи гласъ человѣка народи слышали, а духа нечиста не видѣли и видѣти не возможно. И паки, благосердый и милостивый Государь, аще сіе не явно, и сему сомнѣватися имутъ, на прикладъ да возьмутъ: праведніи и грѣшніи человѣцы единаго ли естества, или ни? Вси рекутъ единаго, точію яко праведные благими дѣлы прославятся, грѣшные же злыми дѣлы осудятся: тако и духи благіе прославишася, а злые осудишася. Златоустый же рекъ: закры бо Богъ добротливыя очи человѣческія, да не видятъ тяжкаго ихъ зрака, а не только естества ихъ; и единъ бо Творецъ ихъ точію вѣсть естество ихъ. Въ житіи же, Великій Государь, святаго Саввы Сербскаго написано: видимый міръ и невидимый, и видимый міръ глаголется человѣкъ, невидимый же міръ Ангели. Не точіюжъ Ангели невидимый міръ наричутся, но и чело-

 вѣцы,

вѣцы; понеже бо сугубѣ есть человѣкѣ, отѣ души бо и тѣла сложенѣ. Зане плоть человѣка, и того ради человѣкѣ наречется видимый мірѣ; душа же, зане невидима, и того ради невидимый мірѣ. И сея ради вины и человѣкѣ можетѣ нарещися видимый мірѣ и невидимый. И паки, кто видѣлѣ отѣ человѣкѣ изѣ человѣка душу исходящу? Никтоже, не токмо духа чиста Ангела, или духа нечиста, аггелажѣ по естеству. Аще ли же кто речетѣ, ко гнѣву твоему Государскому, нынѣ сущему на мнѣ, и не любя меня, холопа твоего, зависти и ненависти ради, что бѣси написаны вѣ челобитьѣ моемѣ аггелами, и то слово не мое, холопа твоего, но всей вселенней учителя святаго Іоанна Златоглаголиваго. Онѣ написалѣ: естество ихѣ благо, предложеніе же зло; какѣ Богомѣ сотворены, вѣ томѣ естествѣ неизмѣнны пребываютѣ, соблюдомы вѣчному огню, какѣ о томѣ пишетѣ святый Апостолѣ Іуда, вѣ посланіи своемѣ вѣровавшимѣ Іудеомѣ же и Еллинамѣ, зачало 77, рекѣ: воспомянути же вамѣ хощу, вѣдущимѣ

щимЪ и вамЪ единое сіе, яко Господь люди отЪ земли Египетскія спасе, послѣди невѣровавшихЪ погуби; аггелЪ же несоблюдшихЪ свое начальство, но оставльшихЪ свое жилище, на судЪ великаго дне узами вѣчными подЪ мракомЪ соблюде. И самЪ Господь рекЪ во святомЪ Евангеліи, вЪ Матөеѣ, зачало 106: идите отЪ мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломЪ его. СамЪ Спаситель рекЪ аггелами духовЪ нечистыхЪ. А я, холопЪ твой, о нихЪ низверженныхЪ и отЪ Бога отриновенныхЪ и проклятыхЪ, и о ихЪ существѣ не токмо вЪ челобитьѣ своемЪ написалЪ, но и на свободѣ бы никогда обЪ нихЪ не реклЪ; но самая, Великій Государь, нужда привлекла кЪ лукавству лукавыхЪ доводчиковЪ моихЪ и враговЪ. ДолженЪ имЪ дати отвѣтЪ, и отЪ неправды правду вЪ челобитьѣ своемЪ тебѣ, благосердому и милостивому Великому Государю на премудрое твое Государское разсмотреніе приносить: то затѣяли, чему не возможно быти, и духовЪ нечистыхЪ множество видѣти, какЪ о томЪ вы-

ше сего въ челобитьѣ же моемъ, холопа твоего, писано. Моему ли сиротинѣ, бѣдному и глупому, и спящему подъ шубою за печью, духовъ нечистыхъ и проклятыхъ видѣть; или вору Давыдку одноглазому и отъ сохи взятому? Божіе, Великій Государь, слово: орало когда умудрится. И не можетъ древо зло плодъ добръ творити. А въ извѣтѣ, Великій Государь, вора Давыдка лѣкаря написано, духовъ нечистыхъ множество, которыхъ не токмо множество, но и единаго видѣти не возможножъ, какъ о томъ выше сего въ челобитьѣ моемъ, холопа твоего, писано. И въ томъ его воровскомъ и наученномъ составномъ воровствѣ, и въ составѣ не имѣя вины, раззоренъ и учиненъ нищимъ. Онъ же воръ на меня, холопа твоего, доводилъ, онъ же и свидѣтелемъ учиненъ; а въ вашихъ Государскихъ указахъ того нѣтъ, чтобъ извѣтчикъ свидѣтелемъ былъ: врагъ то, а не свидѣтель; а свидѣтель и свидѣтели бываютъ кромѣ извѣтчиковъ. Всѣ, премилостивый и Великій Государь, Пророки и Богословцы и Учители церко-

ковные не возмогли видѣти не токмо тѣлесными, но и душевными очима духа чиста и нечиста, и въ сей лукавой сложной клеветѣ и на страшномъ Божіемъ судѣ, егда пріидетъ свѣдущій тайныя тмы и объявляяй совѣты сердечныя, и тогда я не постыжуся вселукавой клеветы; ибо кромѣ Бога жива, и законовъ Его и Апостольскихъ и отеческихъ, не учился злу и богопротивному ничему, что Богу противно, и въ томъ свидѣтель ми есть той же Господь Богъ, вѣдущій предбудущая, настоящая и грядущая; просто рещи, яко вся тварь нага предъ очима Его Всевидца и ничтоже утаенно. А что твоимъ же Великаго Государя Боярамъ Давыдко Берловъ въ разспросѣ своемъ сказалъ, что будто, будучи у меня, холопа твоего, во дворѣ, видѣлъ, какъ будто я съ Стефаномъ Докторомъ и Спатаріемъ черную книгу запершись чли, и будто онъ къ намъ вшелъ въ палату неизвѣстнымъ дѣломъ; а та де книга въ полдесть, а толщиною пальца въ три; а училъ де по той книгѣ будто меня, холопа твоего, и

сынишка моего Николай Спатарій, и тѣ его рѣчи воровскія и составныя. Для чего онъ того не сказалъ, что чли, и какія дѣла, и какія слова слышалъ во чтеніи, и чему меня, холопа твоего, и сынишка моего училъ? А онъ воръ Давыдко и грамотѣ не умѣетъ, и бѣжалъ отъ Сотника Терпигорева отъ сохи, и дано изъ вашея Великаго Государя казны Сотнику, по челобитью Благовѣщенскаго Протопопа Андрея, пятьдесятъ рублевъ. Человѣкъ же мой, холопа твоего, карло Захарко, убояся и не претерпя пытки, затѣялъ на меня, холопа твоего, чтобъ ему отъ тѣхъ своихъ рѣчей свободну быти, и рѣчи свои рознилъ. Въ первой сказкѣ своей предъ всѣми Бояры въ разспросѣ и съ пытки говорилъ, что будто я, холопъ твой, съ Стефаномъ Докторомъ и съ Николаемъ Спатаріемъ книгу чли, а онъ Захарко въ то время за печью уснулъ и захрапѣлъ, и будто я, холопъ твой, услыша, что онъ храпитъ, взявъ его изъ запечья за волосы, и толкнулъ его черезъ порогъ вонъ въ заднюю палату; а та де была книга

не

не велика. А въ другой егожъ Захаркиной сказкѣ, какъ онъ сказывалъ костоправу Ивашку Максимову, что топталъ его карла Захарка я, холопъ твой, и переломилъ будто я, холопъ твой, у него два ребра. Въ первой сказкѣ, что передъ всѣми Бояры сказалъ, вытолкнулъ изъ палаты черезъ порогъ въ другую палату, а что переломилъ, и того не говорилъ. А въ другой сказкѣ, что сказалъ костоправу Ивашку Максимову, и въ той сказкѣ прибавилъ: два ребра переломилъ. И разспросныя его рѣчи стали несогласны, страха ради и болѣзни мукъ. А игралъ тотъ карло съ Иваномъ Соловцовымъ и съ робяты, и пихнулъ его съ стуломъ и переломилъ ему два ребра Иванъ Соловцовъ; а я, холопъ твой, по прiѣздѣ Думныхъ, Дворянина и Дьяка, въ Лаишевъ, того не вѣдалъ, что переломилъ ему Иванъ Соловцовъ. А допрашиванъ ли онъ Иванъ о томъ, или нѣтъ, и очистилъ ли меня, холопа твоего, или заперся, и дана ли ему съ тѣмъ карломъ очная ставка, или нѣтъ, того всего не вѣдаю. Давыдкожъ въ доводѣ своемъ сказалъ:

сказывалъ де ему человѣкъ мой карло Захарко, какъ лечилъ его Захарка онъ Давыдко, что онъ отъ моихъ, холопа твоего, побой боленъ; а билъ де будто я, холопъ твой, его за то, какъ будто я у себя въ домишкѣ въ палатѣ съ Стефаномъ Докторомъ чли черную книгу, и въ то де время пришло будто къ намъ въ палату нечистыхъ духовъ множество, и говорили будто намъ, мнѣ, холопу твоему, и Доктору Стефану, тѣ нечистые духи въ слухъ, что есть у насъ въ избѣ третій человѣкъ. Карложъ Захарко предъ твоими же, Великаго Государя, всѣми Бояры въ разспросѣ и съ пытки говорилъ, будто я, холопъ твой, а со мною сидѣлъ Стефанъ Докторъ и Николай Спатарій, и книгу чли, а онъ Захарко за печью былъ и уснулъ и захрапѣлъ. И то воровство и составъ Давыдковъ стали явны, и рѣчи Давыдковы и карла Захарка стали ложны. И врознь Давыдку карло Захарко сказалъ, что былъ въ палатѣ я, холопъ твой, и Стефанъ Докторъ; тотъ же карло Захарко предъ твоими Великаго Государя

сударя Бояры сказалъ, что книгу чли я, холопъ твой, Стефанъ Докторъ и Николай Спатарій, да онъ карло за печью, и того стало четыре человѣка, а не три. И я, холопъ твой, въ бѣдахъ своихъ и въ конечномъ раззореніи того не могу познать, кто изъ нихъ очолся, или въ счетѣ помѣшался, и палаты съ избою не познали, духиль проклятые и низверженные, или воры Давыдко и карло четырехъ человѣкъ считаютъ за три, а палату называютъ избою. Давыдко и карло сказывали, что будто мы сидѣли въ палатѣ, а духи будто говорили: что вы сидите? есть у васъ въ избѣ третій человѣкъ. И сіе, премногомилостивый Великій Государь, не воровство ли и не лукавный ли и явный составъ? Яко нѣсть въ нихъ истины, егда говорили, отъ своихъ говорили, яко ложь есть, и отецъ ихъ діяволъ лжи отецъ. Человѣкъ же мой карло Захарко сказалъ, что спалъ за печью, и у меня, холопа твоего, въ той палатишкѣ за печью спать не льзя: двѣ стѣны у печи свободны въ палатишкѣ, а третья печью придѣлана къ

самой палатишкѣ, и промежка нѣтъ; а четвертая стѣна, у той печное устье и въ томъ мѣстѣ кладутъ дрова, и то спало передъ печью. Онъ же карло Захарко сказалъ, что онъ спалъ и храпѣлъ. Какъ, Великій Государь, спящему человѣку возможно слышать, кто что говоритъ? И сіе мечтаніе, а не истинна. Или человѣку храпленіе свое слышать, отнюдь сему не возможно быть. А о лишнемъ четвертомъ человѣкѣ допрашиваны ли они, или нѣтъ, и о палатишкѣ и о избѣ, и въ палатишкѣ моей осматривалиль, что есть ли за печью гдѣ спать, и возможноль спящему слышать рѣчи и свое храпленіе; и что противъ вышеписанныхъ статей Давыдко и карло Захарко сказали, того всего не вѣдаю, и въ сказкѣ того мнѣ въ Казани не сказано. Мнѣжъ, холопу твоему, сказано, какову я, холопъ твой, далъ сказку въ Лаишевѣ Полуголовѣ Алексію Лужину за своею рукою: писано, что книги лечебныя на Славенскомъ языкѣ, въ которой многія тайныя статьи приписаны цыфирью, которую книгу будто укралъ

чело-

человѣкъ мой Ивашко Еврей, у меня, холопа твоего, нѣтъ; въ домишкѣ его Ивашковѣ я, холопъ твой, обыскивалъ, и такой книги нѣтъ. А человѣкъ де мой Ивашко Еврей у пытки въ разспросѣ сказалъ, что будто я, холопъ твой, у себя въ домишкѣ съ Думнымъ Дьякомъ съ Ларіономъ Ивановымъ смотрѣли лечебныя книги, а говорили будто: принесли де ко мнѣ книгу, годитсяль де она въ аптеку, и смотря отдалъ Алхимисту Ивану Ефимьеву, и велѣлъ отнесть въ аптеку и отдать Дьяку Ивану Патрекѣеву, и приказалъ, чтобъ показалъ Докторамъ; а будетъ въ ней дѣло есть, и ее бы держали въ аптекѣ; а будетъ не годится, и ее бы, показавъ Докторамъ, сжечь. И какъ будто Алхимистъ ту книгу отъ меня, холопа твоего изъ палаты вынесъ, и онъ де Ивашко ту книгу у того Алхимиста взялъ, и нынѣ де та книга у жены его Ивашковой въ Лаишевѣ положена въ ларчикѣ, схоронена въ сѣняхъ подъ мостомъ, въ присыпку Алексія Лужина. И по тѣмъ разспроснымъ рѣчамъ человѣка моего Ивашка

Еврея,

Еврея, будто моя, холопа твоего, вина, и о книгѣ сказка объявилась ложна. А какъ де я, холопъ твой, въ Лаишевѣ, въ присылку Алексія Лужина, обыскивалъ на дворишкѣ человѣка своего Ивашки Еврея книгъ, и писемъ осматривалъ и обыскивалъ, и въ ларчикѣ, который былъ во время того осмотра, стоялъ подъ головами у постели Ивашковой и жены его, была въ томъ ларчикѣ, и ту книгу та Ивашкова жена по приказу мужа своего въ Лаишевѣ сожгла. И естьлибъ та книга была не дурная, для чего бы было ту книгу подъ мостомъ хоронить и жечь? Мнѣжъ, холопу твоему, сказано, что я, холопъ твой, съ Думнымъ Дьякомъ съ Ларіономъ Ивановымъ книгу, про которую сказалъ Ивашко Еврей, не читалъ и въ аптеку не посылалъ съ Алхимистомъ Иваномъ Ефимовымъ. Да Думный Дьякъ Ларіонъ Ивановъ сказалъ: показывалъ де ему Ларіону я, холопъ твой, у себя книжку, величиною въ часовникъ, и при комъ въ аптеку послалъ, а съ кѣмъ, того не упомнитъ. И какъ, Великій Государь, прежъ сего въ сказ-

кѣ

кѣ моей, холопа твоего, написано, что я, холопъ твой, съ Думнымъ Дьякомъ съ Ларіономъ Ивановымъ ту книгу, что писаны многія статьи цыфирью, не читалъ и въ аптекѣ жечь не приказывалъ; а читали книгу лѣкарствамъ, что состроена въ новую аптеку съ цѣною. Такъ и Думный Дьякъ Ларіонъ Ивановъ сказалъ, что видѣлъ книгу; а какая она, и что въ ней писано, того не сказалъ; да и того не сказалъ же, что въ той же книгѣ многія статьи писаны цыфирью. И что я посылалъ къ Дьяку Ивану Патрекѣеву, и приказалъ, показавъ Докторамъ, буде не годится, и ее сжечь, того всего въ допросѣ Думнаго Дьяка Ларіона Иванова нѣтъ, и человѣка моего Ивашка Еврея рѣчи ложны, и клепалъ себя, не претерпя пытки. А что человѣкъ мой, онъ же Ивашко, и жена его сказали: Ивашко сказалъ подъ мостомъ въ сѣняхъ, а жена его сказала у постели подъ головами, и они рѣчи свои розвили, и въ тѣхъ мѣстахъ схоронить не льзя; для того что въ тѣхъ мѣстахъ обыскивалъ я, холопъ твой. А какъ по твоему,

Великаго Государя, указу пріѣзжали Думный Дворянинъ Ѳедоръ Прокофьевичь Соковнинъ, да Думный Дьякъ Василій Семеновъ, и въ Ивашковѣ дворѣ того ларчика не нашлижъ, и человѣка моего Ивашка Еврея жена его про тотъ ларчикъ Думному Дворянину и Дьяку не сказала, гдѣ схороненъ былъ; а нашли тотъ ларчикъ по моей, холопа твоего, посылкѣ къ нимъ, а по извѣту человѣка моего Никонка Павлова, и сысканъ тотъ ларчикъ въ самой нуждѣ. А у меня, Великій Государь, холопа твоего, книга не бывала, и я имъ хоронить и жечь не веливалъ, и того не вѣдаю, какая у нихъ книга была, и человѣкъ мой Ивашко Еврей и жена его на меня не говорили, что я, холопъ твой, о той книгѣ вѣдалъ, что у нихъ есть, и жечь ее не приказывалъ, и то слово кровію и смертію своею закрѣпилъ. А Алхимистъ Иванъ Ефимовъ въ допросѣ сказалъ: тому де нынѣ другой годъ, далъ ему Ивану человѣкъ мой Игнашка, вынявъ изъ поставца, книжку съ часовникъ величиною, и говорилъ ему Алхимисту, чтобъ онъ ту

шу книгу отдалЪ вЪ аптеку Дьяку Ивану ПатрекЂеву. И вЪ палатЂ ту книгу взялЪ у него Ивана человЂкЪ мой, холопа твоего, Ивашко Еврей, и положилЪ ее вЪ зЂпь кЪ себЂ; и онЪ де АлхимистЪ у него Ивашка той книги просилЪ недЂль сЪ шесть безпрестани. ИвашкожЪ Еврей ему Алхимисту сказалЪ, что онЪ тоя книги ему не отдастЪ. А АлхимистовЪ, Великій Государь, допросЪ противЪ допроса Думнаго Дьяка Ларіона Иванова, и человЂка моего Ивашка Еврея допроса и пытки врознь. Думный ДьякЪ сказалЪ: послалЪ будто я, холопЪ твой, книгу вЪ аптеку, а сЪ кЂмЪ, того не упомнитЪ; а АлхимистЪ сказалЪ, что далЪ ему книгу человЂкЪ мой Игнашка. ЧеловЂкЪ же мой Ивашко Еврей сказалЪ, что будто я, холопЪ твой, далЪ книгу Алхимисту, и велЂлЪ ее отнесть вЪ аптеку и показать ДокторамЪ; и буде не годится, и ее сжечь. А АлхимистЪ того не сказалЪ, что я вЪ аптеку сЪ нимЪ АлхимистомЪ послалЪ, и велЂлЪ отдать вЪ аптеку, а сказалЪ, что далЪ ему человЂкЪ же мой Игнашка. Да и того

Алхимистъ не сказалъ же, что и человѣкъ мой Игнашка приказалъ ту книгу, будетъ не годится, и ее сжечь. Въ сказкѣжь моей, холопа твоего, написано, какову я далъ Полуголовѣ Алексїю Лужину, что у меня никакой книги человѣкъ мой Ивашко Еврей не крадывалъ; и Алхимистъ Иванъ Ефимовъ сказалъ, что далъ ему человѣкъ мой Игнашка книжку не велику, а не я, холопъ твой; а взялъ ту книжку у него Ивана и положилъ въ зѣпь, и не отдалъ будто человѣкъ же мой Ивашко Еврей; и та моя сказка объявилась рѣчьми Алхимиста Ивана Ефимова и разспросомъ и пыткою человѣка моего Ивашка Еврея правая, а не лживая. Какъ я, холопъ твой, сказалъ, что у меня, холопа твоего, Ивашко Еврей не крадывалъ, такъ и въ дѣлѣ объявилось; и я, холопъ твой, тѣми рѣчьми очищенъ, для того что твой, Великаго Государя, указъ въ извѣтныхъ дѣлахъ рѣчи сводитъ: будетъ несоявнаго обличенія нѣтъ, идутъ несогласные врозь; и тому, Великій Государь, вѣрить не чему. А что Алхимистъ Иванъ Ефимовъ сказалъ, что

что у него взялъ книгу человѣкъ мой Ивашко Еврей, и ему не отдалъ, и въ томъ его Алхимистова какая правда? Молчалъ два года; мнѣ, холопу твоему, и въ аптекѣ Дьяку не сказалъ. А какъ вы, Великій Государь, указалъ вѣдать аптеку Боярину Князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому, для чего же онъ Алхимистъ ему Боярину не извѣщалъ? Во извѣтѣ вора Давыдка Берлова мнѣжъ, холопу твоему, сказано, что той книги безъ твоего Великаго Государя указа и безъ розыска жечь не довелось; потому что естьлибъ въ той книгѣ по моему, холопа твоего, или Докторскому осмотру объявилось худо, и мнѣ де было, холопу твоему, на того своего человѣка извѣстить тебѣ Великому Государю, а безъ розыску жечь было ее не довелось, помня страхъ Божій и твой Великаго Государя указъ. И я, холопъ твой, книги той въ аптеку не посылывалъ, и жечь ее въ аптекѣ, показавъ Докторамъ, будетъ не годится, не веливалъ, и Думный Дьякъ и Алхимистъ того не сказали, что я велѣлъ сжечь, и вина мнѣ, холопу тво-

 ему,

ему, съ рѣчей Думнаго Дьяка Ларіона Иванова и Алхимиста Ивана Ефимова, и людишекъ моихъ Ивашка, Еврея и Игнашки сказана; а моей, холопа твоего, вины по тѣмъ ихъ разспроснымъ рознымъ и несогласнымъ рѣчамъ не токмо дѣломъ, но и словомъ нѣтъ. Думный Дьякъ Ларіонъ Ивановъ сказалъ, съ кѣмъ я, холопъ твой, послалъ, того не упомнитъ; и въ той книгѣ злаго ничего не сказалъ. Алхимистъ сказалъ, что книгу далъ человѣкъ мой, а не я, и что въ ней видѣлъ злое, или благое, и того ничего не сказалъ, и мнѣ, холопу твоему, извѣщать было нечего и не на кого; а страхъ Божій имѣю, и вашъ Государскій имѣти не престану до послѣдняго моего издыханія. А и костоправъ Ивашко Максимовъ того въ допросѣ своемъ не сказалъ, что ему человѣкъ мой Захарко жарло сказывалъ, что онъ видѣлъ нечистые духи въ палатишкѣ моей, какъ будто мы съ Стефаномъ Докторомъ и Спатаріемъ чли книгу; и та, Великій Государь, костоправова сказка мнѣжъ, холопу твоему, ко оправданію отъ извѣта вора доводчика. А что костоправъ

правъ сказалъ, что переломилъ будто два ребра я, холопъ твой, и то костоправъ сказалъ, что слышалъ отъ человѣка моего карла Захарка. А Давыдко на меня, холопа твоего, извѣщалъ тебѣ, Великому Государю, затѣявъ воровски, и рѣчи приложилъ къ рѣчамъ человѣка моего Захарка, чего онъ ему не сказывалъ, избывая своей вины и не хотя платить деньги истцамъ, и тѣмъ доводомъ отъ великаго правежа хотя свободенъ быть. А какъ по твоему, Великаго Государя, указу допрашивали меня, холопа твоего, въ Лаишевѣ Думный Дворянинъ Ѳеодоръ Прокофьевичь Соковнинъ, да Думный Дьякъ Василій Семеновъ, и они меня, холопа твоего, допрашивали извѣтомъ человѣка моего карла Захарка, а не лѣкаря Давыдка Берлова. А въ Казани сказываны мнѣ, холопу твоему, будто мои вины и неправды, и въ той сказкѣ чли извѣтъ Давыдка Берлова, а не человѣка моего карла Захарка. А что воръ Давыдко затѣялъ на меня, холопа твоего, и на сынишка моего и на Спаѳарія, что будто меня училъ и сынишка

моего Спатарій, и онъ меня, холопа твоего, не училъ, не токмо что Богу противно, и ничему; да и не до ученья было въ вашихъ Государскихъ дѣлахъ; а сынишка моего училъ по Гречески и по Латинѣ, литерамъ малой части. А книги я, холопъ твой, читалъ и строилъ въ домишкѣ своемъ ради душевныя пользы, и которыя Богу не противны. А служа вамъ, Великимъ Государямъ, и желая вашея Государскія къ себѣ милости, сдѣлалъ книги съ товарищи своими, и съ приказными людьми, и съ переводчики, въ Посольскомъ Приказѣ, какія не бывали, и нынѣ на свидѣтельство мое, холопа твоего, и ихъ работы въ Посольскомъ Приказѣ. Первая книга: всѣхъ Великихъ Князей Московскихъ и всея Россіи Самодержцевъ персоны, и титла и печати (*), какъ они, Великіе Государи, сами себя описывали; такжe и всѣхъ Государей Христіянскихъ и бусурманскихъ, которые имѣютъ ссылки съ вами, Великимъ Госу-

(*) Копія съ сея и слѣдующія по ней книги находится въ книгохранительницѣ Его Свѣтлости Князя Григорія Григорьевича Орлова.

сударемЪ, персоны ихЪ и титла и печати. Другая книга вЪ лицахЪ же сЪ реченіемЪ: Избраніе и посылка на Кострому, и о прошеніи, и о приходѢ кЪ МосквѢ, и о вѢнчаніи на царство Московское дѢда твоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, всея Россіи Самодержца. Третія книга всѢхЪ предковЪ твоихЪ, благочестивыхЪ ВеликихЪ Государей Князей, и благочестивыхЪ ВеликихЪ Государей, Царей и СамодержцевЪ, славныхЪ вЪ ратныхЪ побѢдахЪ, вЪ лицахЪ сЪ исторіями; и тое книгу поднесЪ тебѢ, Великому Государю, при отцѢ твоемЪ ГосударевѢ, ВеликомЪ ГосударѢ, я, холопЪ твой. Четвертая книга вЪ лицахЪ и сЪ реченіемЪ, перевода Спатаріева, а письмо старца Маркела, что вЪ Тіунской; а переводилЪ книгу СвятѢйшаго Макарія, Патріарха Антіохійскаго. А естьлибЪ, Великій Государь, то дѢло не составное и не воровское, для чего онЪ ворЪ Давыдко молчалЪ многое время, и не извѢстилЪ на меня, холопа твоего, отцу твоему Государеву, Великому Государю,

какЪ онЪ Великій Государь здравствовалЪ, а какЪ уже повелѣніе Божіе пріиде и время дойде отшествію его вЪ вѣчныя обители, а благоволеніемЪ БожіимЪ и благословеніемЪ отца твоего Государева, Великаго Государя, учинилися вы ВеликимЪ ГосударемЪ ЦаремЪ, за что топЪ же Давыдко на меня, холопа твоего, не извѣщалЪ многое время. А какЪ мнѣ, холопу твоему, сказано на Верьхотурьѣ, и безо всякой моей, холопа твоего, вины отлученЪ отЪ милости твоей Великаго Государя, и тѣ мои видя и слыша упадки, приложилЪ и затѣялЪ рѣчи, и сталЪ воровски доводить на меня, холопа твоего. А я, холопЪ твой, свидѣтельствовался ГосподомЪ БогомЪ и отцами своими духовными, ПреосвященнымЪ АрхіепископомЪ СеміономЪ ТферскимЪ, да УспенскимЪ ПротопопомЪ КондратомЪ, что за мною такихЪ богонегодныхЪ дѣлЪ нѣтЪ и не бывало; а жилЪ и живу по се время, какЪ законЪ Божій повелѣваетЪ; хотя и грѣшникЪ предЪ БогомЪ, только не вЪ тѣхЪ дѣлахЪ, и что годно очищаюсь покаяніемЪ, и святой тайнѣ, тѣлу и

кро-

крове Христа Спасителя нашего прі- общаюсь; и отцевъ моихъ духовныхъ не допрошено, и имъ и мнѣ, холопу твоему, и тремъ человѣкамъ племянникамъ моимъ, и девяти человѣкамъ людишкамъ моимъ, не повѣрено, еще и осмотру Думнаго Дворянина Ѳедора Прокофьевича Соковнина, и Думнаго Дьяка Василья Семенова, что они осматривали въ рухлядишкѣ моей, и книги не нашли, для того что ее не бывало, не повѣреножъ; а повѣрено, Великій Государь, одному вору Давыдку лѣкарю, и то непотребному. А вашъ Великихъ Государей указъ, хотя бы кто мнѣ, холопу твоему, честью былъ равенъ, а сталъ бы на меня, холопа твоего, что затѣвать безъ свидѣтелей истинныхъ, и тому не вѣрить. Еще и для того, что Слово Божіе изъ Его пречистыхъ устъ речено: всякій глаголъ станетъ истиненъ двою, или трію свидѣтели; а мнѣ, холопу твоему, два человѣка, отцы мои духовные, три человѣка племянники мои, девять человѣкъ людишекъ моихъ, не свидѣтели! Думныхъ осмотру и обыску не повѣреножъ.

чѣмъ же мнѣ, холопу твоему, быть оправдану? Повѣрено, Великій Государь, лѣкарю, и еще ни къ чему негодному, а мнѣ, холопу твоему, будучи еще по вашей Государской милости и по своей заслугѣ въ Боярахъ, не повѣрено. А при отцѣ твоемъ Государевѣ, Великомъ Государѣ, въ вашемъ Государскомъ общемъ здоровьѣ, въ посольскихъ, въ полковыхъ и смутныхъ и во всякихъ вашихъ Государскихъ дѣлахъ было повѣрено, и былъ я, холопъ твой, у вашихъ Государскихъ дѣлъ многія лѣта безъ всякаго претыканія. А что Стефанъ Докторъ въ допросѣ по извѣту вора Давыдка сказалъ, говорилъ ли онъ на себя и на меня, или себя и меня очищалъ, и того мнѣ, холопу твоему, въ сказкѣ не сказано. А Спатарій во ученіи и во чтеніи книги допрашиванъ ли, училъ ли меня и сынишка моего, или не допрашиванъ до посылки Китайской, и безъ его допроса то дѣло вершено, и того мнѣ, холопу твоему, не сказано, и въ томъ воля твоя Великаго Государя. А что на меня, холопа твоего, ненависти и

зависти ради, воспоминая ко мнѣ милость блаженныя памяти отца твоего Государева, Великаго Государя, тебѣ Великому Государю доносятъ, будто я, холопъ твой, многія взяткиималъ и тѣсноту твоимъ, Великаго Государя, людямъ чинилъ; покупалъ отчины тѣснотою, и которые городы по указу отца твоего Государева, Великаго Государя блаженныя памяти вѣдалъ я, холопъ твой, въ приказѣ Новогородскомъ и въ четвертяхъ въ Володимирской и въ Галицкой, Новгородъ, Псковъ, городъ Архангельскій, Холмогоры, Олонецъ, Вятка, Соль-Камская, Вологда, Нижній, Арзамасъ, Володимиръ, Коломна и иные многіе городы, и тѣ вышеписанные твои, Великаго Государя, городы ничѣмъ отъ меня, холопа твоего, не токмо раззорены, и малою тѣснотою не истѣснены. И видя надо мною гнѣвъ Божій, и твою Государскую опалу, и конечное мое раззореніе, и въ упадкѣ моемъ явномъ на меня, холопа твоего, тебѣ Великому Государю не бивали челомъ тѣ городы и уѣзды, и впредь бити челомъ

ломъ тебѣ Великому Государю на меня, холопа твоего, ни въ чемъ не будутъ. А которыми городами меня, холопа твоего, везли въ Пустоозерскій острогъ, а тѣ городы были вѣдомы въ Новогородскомъ Приказѣ, Соль Камская, Кай городъ, Еренескъ, Турья; и я, холопъ твой, отъ тѣхъ жителей кромѣ пріятства и поданія домовыхъ ихъ пищъ, какъ подаютъ убогимъ и раззореннымъ, не слыхалъ на себя никакого пореченія; и не токмо я, холопъ твой, но и приставъ мой. А что на меня, холопа твоего, билъ челомъ тебѣ, Великому Государю, Иванъ Лаврентьевъ сынъ Салтыковъ, также буде и иные объ отчинахъ, и я, холопъ твой, у Ивана отчины не купливалъ, а купилъ у Петра Пушкина; и Петрова челобитья на меня, холопа твоего, быти не въ чемъ. Купчія мои, холопа твоего, записаны въ Помѣстномъ Приказѣ безъ челобитья съ допросами; а отчины, Великій Государь, купливали, и нынѣ купятъ и впредь всякими образцы купить будутъ. А въ помѣстномъ Приказѣ смотрятъ того, чтобъ во-

ров-

ровства и подписи въ крѣпостяхъ не было, и челобитья о запискѣ. А буде кто осмотритъ, а послѣ записки хотя и челобитье будетъ, кромѣ воровства, и такимъ челобитчикамъ отказывать вашими Государскими указы; а заказа о куплѣ и о продажѣ и о мѣнѣ отчинъ и помѣстей вашихъ Великихъ Государей нѣтъ, чтобъ не покупать и не продавать и не мѣнять, въ томъ ваша Государская милость, дана воля продать и купить и мѣнять. А что на меня, холопа твоего, били челомъ тебѣ, Великому Государю, Андрей Безобразовъ о человѣкѣ, и Дьякъ Иванъ Гороховъ о человѣкѣ же, и у меня, холопа твоего, тѣхъ людей взяли безъ суда, и суда на меня, холопа твоего, въ тѣхъ людяхъ не дали; а человѣка того отказалъ послѣ смерти отецъ Андреевъ Илья по дружбѣ, и жилъ тотъ человѣкъ у меня, холопа твоего, послѣ смерти отца Андреева многія лѣта по крѣпости до твоего Государскаго гнѣва. А Дьяка Ивана Горохова человѣкъ служилъ у меня, холопа твоего, по крѣпости и съ отпускною; на челобит-

битной его подписано, Думнаго Дьяка, Гарасима Докторова, и изЪ Приказа холопья суда его Дьяка дана ему воля; а не неволею, ни подговоромЪ тотЪ человѢкЪ у меня, холопа твоего, служилЪ. И многихЪ побрали, и дали волю безЪ суда, и ни надЪ кѢмЪ такихЪ образцовЪ не бывало, что надо мною, холопомЪ твоимЪ, учинено. А ваши Государскіе законы не допускаютЪ выдать человѢка на раззореніе и погибель, прежде даже оклеветаемый не имать оправданія своего предЪ лицемЪ клевещущихЪ его, и мѢста отвѢта пріиметЪ о своемЪ согрѢшеніи. И не судитЪ законЪ человѢка, аще не слышитЪ отЪ него прежде, и разумѢетЪ, что творитЪ.

А при отцѢ твоемЪ ГосударевѢ, блаженныя памяти ВеликомЪ ГосударѢ, которые были вЪ винахЪ, и сами на себя говорили вЪ противныхЪ и богоотметныхЪ книгахЪ, и тѢ книги у нихЪ и заговоры выняты, и тѢмЪ отца твоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, милость и пощада была. Также и при тебѢ, ВеликомЪ ГосударѢ, вЪ такихЪ же дѢ-

лахЪ

лахъ милость твоя Великаго Государя показанажъ; и кто въ какомъ чинѣ былъ, чинъ ихъ и помѣстья, и отчины, и дворы, и животы не отняты; а законъ, Великій Государь, согрѣшившаго мучитъ; человѣколюбіе же Божіе и царство согрѣшившаго милуетъ. А я, холопъ твой, кромѣ работъ своихъ всегдашнихъ къ чести, къ славѣ, къ повышенію имени Вашему Государскому, и къ пространству государства вашего ни въ чемъ зло не согрѣшилъ, а раззоренъ кромѣ вины. А служилъ я, холопъ твой, блаженныя памяти дѣду твоему Государеву, Великому Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу, всея Россіи Самодержцу, въ житьѣ въ Стряпчихъ, въ Головахъ стрѣлецкихъ, и былъ въ полковыхъ службахъ съ Бояриномъ и Воеводою Княвъ Яковомъ Куденетовичемъ Черкасскимъ, товарищемъ на Волуѣ; съ Стольникомъ и Воеводою, Князь Матвѣемъ Васильевичемъ Прозоровскимъ съ товарищи въ Переславлѣ Рязанскомъ; при отцѣ твоемъ Государевѣ, Великомъ Государѣ, Царѣ и Великомъ Кня-

Князь Алексій Михайловичь, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержць, съ Бояриномъ и Воеводою съ Князь Никитою Ивановичемъ Одоевскимъ съ товарищи на Ливнахъ, въ Бѣлѣградѣ; со Стольникомъ и Воеводою Князь Михайломъ Щетининымъ на Карповѣ Стороже вьѣ; съ Бояриномъ и Воеводою Князь Дмитріемъ Алексіевичемъ Долгоруковымъ на Волуйкѣ на размѣнѣ; съ Аѳанасьемъ Отяевымъ въ Царевѣ Алексіевѣ городѣ. А послѣ тѣхъ полковыхъ служебъ, по указу отцаж ъ твоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, посыланъ къ Гетману Хмѣльницкому призывать въ подданство. Я же, холопъ твой, посыланъ съ Бояриномъ и Дворецкимъ съ Васильемъ Васильевичемъ Бутурлинымъ съ товарищи приводить Гетмана Богдана Хмѣльницкаго къ вѣрѣ на вѣчное подданство подъ вашу Великаго Государя руку. А какъ отецъ твой Государевъ, блаженныя памяти Великій Государь, ходилъ войною на Польскаго Короля Яна Казимира, за его многія неправды и нарушеніе вѣчнаго докон-

кон-

кончанія, подЪ СмоленскЪ, и я, холопЪ твой, вЪ томЪ походѢ и на приступѢ подЪ СмоленскимЪ былЪ же, и на сЪѢздѢ подЪ СмоленскЪ сЪ БояриномЪ ИваномЪ БогдановичемЪ МилославскимЪ посыланЪ былЪ же; и милостію Божіею, а вашимЪ ГосударскимЪ щастіемЪ, СмоленскЪ сговорили сЪ чины рѢчи Посполитой, которые и нынѢ тебѢ Великому Государю служатЪ. И какЪ Воевода Смоленскій Обуховичь сЪ чины рѢчи Посполитой СмоленскЪ отдавЪ, шолЪ изЪ Смоленска, и предЪ отцемЪ твоимЪ ГосударевымЪ, какЪ онЪ Великій Государь сидѢлЪ вЪ сбруѢ ратной, и обстояли около его всѢ чины множественной его Государской рати, конными и пѢхотою; а тотЪ вышепомянутый Воевода Обуховичь со всѢми чины и пѢхотою, знамена и барабаны, и мушкеты, и всякой ратной строй клали на землю и сами лежали, а учинилЪ то БояринЪ ИванЪ Богдановичь Милославскій. И я, холопЪ твой, воспоминая преждебывшее дѢло подЪ тѢмЪ же СмоленскимЪ, да яжЪ посыланЪ изЪ подЪ Смоленска кЪ Гетману Бог-

дану Хмѣльницкому для вашихъ Государскихъ дѣлъ. Да яжъ, холопъ твой, съ Бояриномъ и Дворецкимъ и Воеводою, съ Васильемъ Васильевичемъ Бушуклинымъ съ товарищи, и съ Гетманомъ Богданомъ Хмѣльницкимъ, подъ Каменцомъ Подольскимъ, подо Львовымъ, и посыланъ былъ съ Бояриномъ и Воеводою, съ Князь Григорьемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ подъ Польской городъ Чертковъ, и на приступѣ былъ; и послѣ того на сговорѣ былъ съ Державцомъ того города, и Петра Потоцкаго и Калиновскаго сговорилъ и привезъ въ Таборъ къ Боярину Князю Григорью Григорьевичу, и Бояринъ, приведши къ вѣрѣ, послалъ въ полкъ къ Отцу твоему Государеву, Великому Государю. Яжъ, холопъ твой, посыланъ съ нимъ же Бояриномъ за Львовъ на Гетмана Станислава Потоцкаго подъ городъ Соленой, и Божіею милостію, а вашимъ Государскимъ щастіемъ Гетмана Потоцкаго побили, и въ языкахъ Яна Потоцкаго, Болобана, Врища и иныхъ двѣсти человѣкъ взяли; обозъ и два города высѣкли. А какъ, Вели-

Великій Государь, БояринЪ сЪ товарищи сЪ ратными людьми пошли отЪ Львова, и вЪ то время приходили на обозы ХанЪ Крымскій сЪ ордою, да Андрей Потоцкій, Староста Каменецкій со многими людьми, и БояринЪ посылалЪ меня, холопа твоего, изЪ обоза сЪ выборнымЪ полкомЪ противЪ тѣхЪ ратей, и бои были, а вашимЪ Великаго Государя ратнымЪ людямЪ урона никакого не учинилЪ, и бився отошолЪ вЪ обозЪ вЪ цѣлости. МенякЪ, холопа твоего, посылалЪ БояринЪ Василій Васильевичь сЪ БояриномЪ Князь ГригорьемЪ ГригорьевичемЪ РомодановскимЪ, и сЪ ГетманомЪ БогданомЪ ХмѣльницкимЪ, на сЪѣздЪ кЪ приказнымЪ отЪ Хана Крымскаго кЪ МурзамЪ, СкупханЪ кЪ АзыАгѣ, да кЪ Отлатыршѣ Мурзѣ Сулешеву сЪ товарищи, о мирѣ и о размѣнѣ Стольника Ивана Андреева Сына Бутурлина сЪ товарищи, и размѣну и мирЪ учиня разошлись. А какЪ, Великій Государь, Бояре и Воеводы и ратные люди пошли изЪ подо Львова, и пришла самая нужда: отецЪ сына, братЪ брата мечутЪ, и пришолЪ

холодъ и голодъ, солдаты и стрѣльцы, Дворяне, и пушки всѣ большія, числомъ всѣхъ 59, порохъ, фитиль и свинецъ, и всякіе ратные припасы покинули на степи и разбѣжались; а Бояринъ и Воевода Василій Васильевичь Бутурлинъ съ товарищи, и которые ратные люди его не покинули, пошолъ скорымъ походомъ напередъ для ратныхъ людей, а меня, холопа твоего, оставилъ съ тѣми пометанными пушки и со всякими запасы на степи; и я, холопъ твой, съ остаточными людьми, что у меня, холопа твоего, въ полку осталось, впрягаясь сами подъ пушки, всѣ 59 пушекъ и съ запасы допровадилъ до Бѣлой церкви и до Москвы, а урона вашимъ, Великаго Государя, ратямъ не учинилъ. А какъ, Великій Государь, отецъ твой Государевъ, блаженныя памяти Великій Государь, ходилъ войною на Свѣйскаго Короля за его неправды и за нарушеніе вѣчнаго докончанія, подъ Ригу, и я, холопъ твой, былъ же. А какъ блаженныя памяти отецъ твой Государевъ, Великій Государь, пошелъ изъ подъ Риги къ Москвѣ,

сквѣ, а меня, холопа твоего, указалъ
послать къ Литовскому Гетману Ви-
кентію Корвину Гонсевскому для ва-
шихъ Великаго Государя дѣлъ; и бу-
дучи я, холопъ твой, и развѣдывая,
писалъ всякія вѣдомости неложно, и
какъ писалъ, такъ послѣ надъ ваши-
ми Государскими рати и учинилось.
Да яжъ, холопъ твой, посыланъ къ
Гетману Богдану Хмѣльницкому выго-
варивать, какъ онъ соединеніе учи-
нилъ съ Свѣйскимъ Королемъ и съ Ра-
коціемъ, и давалъ часть войска За-
порожскаго Ракоцію безъ воли и ука-
за отца твоего Государева, Великаго
Государя; и Гетманъ Богданъ Хмѣль-
ницкій вину свою къ отцу твоему
Государеву, Великому Государю, при-
несъ, и добилчеломъ и въ поддан-
ствѣ утвердился, и въ листѣ своемъ
писалъ, что по вѣкъ живота своего
безъ воли и указа вашего Государ-
скаго войска Запорожскаго непріятелю
не дастъ. Яжъ, холопъ твой, посы-
ланъ къ Гетману Ивашкѣ Выговскому,
и пріѣхавъ отъ него, отцу твоему
Государеву, блаженныя памяти Вели-
кому Государю извѣстилъ, что онъ

 на-

измѣнникъ и добра отъ него не будетъ. И послѣ того моего, холопа твоего, пріѣзда и извѣта вскорѣ своровалъ и измѣнилъ, и твоимъ Великаго Государя ратнымъ людямъ великій уронъ учинилъ. Да яжъ, холопъ твой, былъ съ Бояриномъ и Воеводою Князь Алексіемъ Никитичемъ Трубецкимъ съ товарищи подъ Конотопомъ. А какъ волею Божіею упадокъ учинился вашимъ Государскимъ людямъ, и того ради упадка отступили ваши Великаго Государя Бояре и Воеводы, и шли отводомъ до Путивля, окопъ и обозъ, и образецъ, и путь, строилъ я, холопъ твой, и то извѣстно вашимъ Великаго Государя Боярамъ и ратнымъ людямъ, и отошли въ Путивль въ цѣлости; а непріятельскихъ Польскихъ и Крымскихъ ратныхъ людей многихъ побили. И какъ по указу отца твоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, пришолъ Окольничій и Воевода Петръ Алексіевичь Долгоруковъ съ товарищи съ ратными людьми, и Бояре и Воеводы, Бояринъ и Воевода Князь Алексій Никитичь Трубецкій съ то-

варищи, хотѣли итти въ Черкасскiе го-
роды, и ратные люди, которые не
похотѣли итти за Семь въ Черкасскiе
городы, учинили бунтъ, и привели
его Боярина за епанчу, и я, холопъ
твой, съ стрѣльцами его Боярина от-
нилъ. А какъ пришли въ Переславль
на раду, и на радѣ при нихъ Боярахъ
и Воеводахъ работишка моя, холопа
твоего, былажъ. Да яжъ, холопъ
твой, былъ съ Бояриномъ съ Князь
Петромъ Ивановичемъ Прозоровскимъ
у Святѣйшихъ Вселенскихъ Патрiар-
ховъ, и Святѣйшiе Вселенскiе Патрi-
архи со всемъ освященнымъ соборомъ
учинили статьи церковному исправле-
нiю. А въ началѣ написали двѣ статьи,
вашего Царскаго чина и вашихъ Го-
дарскихъ достоинствъ не свѣдая; и
дошло до того времени, приклады-
вать руки. И я, холопъ твой, до-
ложа Боярина Князь Петра Иванови-
ча Святѣйшимъ Вселенскимъ Патрi-
архамъ, и всему освященному собору
рукъ прикладывать не далъ. И Пре-
освященные Митрополиты, Павелъ
Крутицкiй и Ларiонъ Рязанскiй, на
меня, холопа твоего, яростiю и не-

навистію великою вознегодовали. А какъ Бояринъ Князь Петръ Ивановичь извѣстилъ отцу твоему Государеву, блаженныя памяти Великому Государю, и отецъ твой Государевъ, Великій Государь, съ ближними Бояры, тѣхъ статей слушавъ, указалъ отставить тѣ двѣ статьи; а Преосвященные Митрополиты, Павелъ и Ларіонъ, стояли упорно, чтобъ учинить имъ по своему намѣренію и тѣхъ статей не отставить, и рукъ приложить не хотѣли, и за то отъ Вселенскихъ Патріарховъ были они въ отлученіи. Яжъ, холопъ твой, взятъ у Святѣйшихъ Вселенскихъ Патріарховъ и посланъ былъ на раду въ Глуховъ, съ Бояриномъ и Воеводою, съ Князь Григорьемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ, и раду учинили, и Гетмана войскомъ выбрали, и къ вѣрѣ привели; и съ той рады ваши, Великаго Государя, подданные утвердились подъ вашею Государскою рукою и донесь. И на тѣхъ всѣхъ вышеписанныхъ Бояръ и Воеводъ, которые нынѣ при вашей Государской милости предстоятъ, шлюсь, какъ я, холопъ

твой,

твой, съ ними былъ у вашихъ Государскихъ дѣлъ, нигдѣ на меня, холопа твоего, челобитья и явокъ и извѣтовъ ни въ какихъ дѣлахъ не бывало. А какъ я, холопъ твой, съ рады изъ Глухова пріѣхалъ, и отецъ твой Государевъ, блаженныя памяти Великій Государь, указалъ мнѣ, холопу твоему, сидѣть въ Малороссійскомъ Приказѣ, и я Гетмана и начальныхъ людей чрезъ посланцовъ ихъ вашею Государскою милостію обнадеживалъ, и свое подаяніе, елику силу имѣлъ, подавалъ для тишины и покоя. И ваши Государскіе подданные, Гетманъ и все войско, безъ всякаго премѣненія и по сіе время у васъ Великаго Государя въ подданствѣ; и на увѣреніе вѣрныя своея службы и дѣтей своихъ къ вамъ Великимъ Государямъ прислалъ жить къ Москвѣ. Подай всемогій Богъ и до скончанія вѣка дней быти имъ у васъ Великихъ Государей! А какъ увидѣли вашу Государскую премногую милость, и призрѣніе къ себѣ великое, и Гетману Демкѣ не потерпѣли: со единомышленники его связавъ, прислали къ вамъ,

 Вели-

ВеликимЪ ГосударямЪ, при моемЪ же, холопа твоего, сидѣньѣ вЪ ПриказѢ Малыя Россіи. А какЪ объявился ворЪ самозванецЪ, именемЪ брата вашего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя Царевича и Великаго Князя Семіона Алексіевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, и отЪ того вора учали быти на Запорожьѣ и на Украйнѣ Черкасской смуты великія: и я, холопЪ твой, по указу отца твоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, посылалЪ на Запорожье ваши Государскія милостивыя и обличительныя грамоты, увѣряя истинною, чтобЪ они кЪ тому вору и самозванцу и кЪ его воровству не приставали и помнили свое обѣщаніе. А какЪ, Великій Государь, прислали изЪ Запорожья послѣдній листЪ на искушеніе, и чаяли, что я у нихЪ приму: и я, холопЪ твой, имЪ сказалЪ, что о томЪ ихЪ пріѣздѣ и о листахЪ Кошеваго Атамана и самозванца вора извѣщу вамЪ ВеликимЪ ГосударямЪ; и по моему, холопа твоего, доношенію отецЪ твой ГосударевЪ, Великій Государь, тѣ листы указалЪ

при-

принять, и при себѣ указалъ вычесть. И выслушавъ на нихъ кручинился, и свою Великаго Государя милостивую и обличительную грамоту при себѣ, Великомъ Государѣ, на каменномъ крыльцѣ запечатавъ, отдать посланцамъ мнѣ, холопу твоему, повелѣлъ: и услышавъ отъ посланцовъ своихъ Атаманъ Серко съ войскомъ милость и гнѣвъ отца твоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, и грамоту милостивую и обличительную слыша, того вора и самозванца сковавъ, прислалъ къ вамъ, Великимъ Государямъ; и та моя службишка тебѣ, Великому Государю, извѣстна, и твоимъ Великаго Государя Боярамъ вѣдома. При отцѣ же твоемъ Государевѣ, блаженныя памяти Великомъ Государѣ, съ другаго Андрусовскаго договора Бояринъ и Царственныя большія печати и Посольскихъ дѣлъ Оберегатель, Аѳанасій Лаврентьевичь Ординъ-Нащокинъ, пріѣхавъ и запись съ того договора привезъ, что поставилъ съ великими и полномочными послы, по которой записи обѣщаніе предъ святымъ Евангеліемъ

ге-

говоритъ отцу твоему Государеву, Великому Государю. И учало, Великій Государь, доходить къ великимъ тѣснотамъ; для того что въ тѣхъ договорахъ поставлено: ставить съ стороны Вашего Царскаго Величества межъ Днепра и Днестра, или куда воинскій случай употреблять будетъ, двадцать пять тысящъ конныхъ и пѣшихъ; а будетъ Турскій Султанъ, или Ханъ Крымскій, наступитъ съ войски своими изъ обоихъ Великихъ Государей на которое ни есть государство, и тѣ обои Великіе Государи должны всѣми своими силами поступать противъ общаго непріятеля Турскаго Султана и Хана Крымскаго, и ихъ силъ. А буде изъ оныхъ обоихъ Великихъ Государей одинъ другому повѣритъ въ войскѣ, и тотъ Государь долженъ обои войски во владѣніи имѣть. И по тому договору назначены къ вамъ, Великимъ Государямъ, быть великіе и полномочные послы, Янъ Гнинскій, Воевода Хельминскій, для обѣщанія и подтвержденія предъ святымъ Евангеліемъ. А въ Посольскомъ, Великій Государь,

Приказѣ, кромѣ Андрусовскихъ договоровъ и Московскаго поставленія, инаго ничего нѣтъ, чтобъ сыскано на Посольскую страну къ нарушенію договоровъ, и чѣмъ бы ту запись остановить и тѣ договоры не подтвердить. А я, холопъ твой, еще будучи въ Малороссійскомъ Приказѣ, то дѣло по вашей Государской милости вѣдалъ, и служа вамъ, Великимъ Государямъ, посылалъ въ Черкасскіе городы для листовъ Королевскихъ и Сенаторскихъ и книгъ укоризненныхъ, вѣдая ихъ неопасные нравы; и изъ Черкасскихъ городовъ привезли многіе прописные листы, которые объявились противны Андрусовскимъ договорамъ и Московскому поставленію, и книгу Пашквилъ, реченіемъ Славенскимъ: подсмѣяніе, или укоризна, печатную, которая печатана въ Польшѣ. Въ той книгѣ положенъ совѣтъ лукавствія ихъ: время доходитъ поступать съ Москвою такимъ образомъ, и время ковать цѣпь и Троянскаго коня, а прочая явственнѣе въ той книгѣ. Въ договорѣжъ, Великій Государь, Андрусовскомъ и Московскомъ

скомЪ поставлено между вами, Великими Государи, такЪ, чтобЪ совѣта и умышленія ни тайно, ни явно кЪ недружбѣ одному Государю противЪ другаго Государя не искать; а искать долженЪ братЪ брату лучшаго. И вЪ то время по доношенію моему, холопа твоего, отецЪ твой ГосударевЪ, блаженныя памяти Великій Государь, всѣхЪ вышеписанныхЪ статей и записи, и прописныхЪ листовЪ, и книги, слушавЪ сЪ Бояры, указалЪ послать изЪ посредства великихЪ и полномочныхЪ ПословЪ, которые вЪ то время были наряжены, Думнаго Дворянина Ивана Ивановича Чаадаева, чтобЪ ПольскихЪ ПословЪ упередить, и застать ихЪ отЪ Королевскаго Величества неотпущенныхЪ кЪ Москвѣ, кЪ вамЪ ВеликимЪ ГосударямЪ; а велѣно ему, будучи вЪ отвѣтѣ, СенаторамЪ говорить, чтобЪ Королевское Величество велѣлЪ дать своимЪ великимЪ и полномочнымЪ ПосламЪ полную мочь на договариваніе нѣкакихЪ новыхЪ статей, которыя явились противны договорамЪ кЪ сторонѣ вашего, ВеликихЪ Государей; Цар-

Царскаго Величества. И Думный Дворянинъ, Иванъ Ивановичъ Чаадаевъ, къ отцу твоему Государеву, блаженныя памяти, Великому Государю, привезъ Королевскую грамоту; а въ той грамотѣ писано, что накажетъ Посламъ своимъ противныя статьи исправити. И какъ, Великій Государь, Польскіе Послы отца твоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, очи видѣли и посольство правили, и послѣ того, въ отвѣтѣ будучи, ближнему Бояриму и Тверскому Намѣстнику, Князю Юрью Алексіевичу, и брату его Бояринужъ и Суждальскому Намѣстнику, Князю Дмитрію Алексіевичу Долгорукову съ товарищи, говорили, чтобъ по записѣ вышеписанный отецъ твой Государевъ, блаженныя памяти Великій Государь, учинилъ обѣщаніе предъ святымъ Евангеліемъ, а прежде подтвержденія ни въ какіе договоры вступать не будутъ. И естьлибъ, Великій Государь, не тѣ прописные листы и книга укоризненная, нечегобъ было противъ записи и статей говорить съ Послами. А какія были трудности и премногіе отвѣты вашимъ, Велика-

го

го Государя, БоярамЪ, и то извѣстно тебѣ, Великому Государю. ОднакожЪ по вашему Государскому указу Бояре службою своею и разумомЪ учинили такЪ, какЪ вамЪ ВеликимЪ ГосударямЪ годно: тѣ отвѣты совершили во благо, и прежніе договоры, чтобЪ КіевЪ отдать и войско ставить, то все отложено до того времени, какЪ прежніе договоры исправлены будутЪ и вЪ своей силѣ станутЪ; и учиненЪ сЪ ПольскимЪ государствомЪ покой. У отца же твоего Государева блаженныя памяти Великаго Государя, были Свѣйскаго Короля послы, ГрафЪ ГуставЪ ОксенстирнЪ сЪ товарищи, и объявили вЪ отвѣтѣ вашимЪ Великаго Государя БоярамЪ, ближнему Боярину и Намѣстнику Тверскому, Князю Юрью Алексіевичу, да сыну его ближнему Боярину и Суждальскому Намѣстнику, Князю Михайлу Юрьевичу ДолгорукимЪ, нарушенныя статьи, которыя были сЪ стороны вашея, Великаго Государя, и вЪ тѣхЪ отвѣтѣхЪ Бояре имѣли великія трудностижЪ. Однако же, Великій Государь, тѣхЪ ПословЪ и самихЪ учинили винныхЪ паче вашея, Вели-

Великаго Государя, стороны, въ прискахъ; и съ Москвы они поѣхали съ великою печалію; и моя же работишка, холопа твоего, была, и свидѣтельствуюсь ими, ближними Бояры. Да у отцажъ твоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, были Цесарскаго Величества чрезвычайные Посланники, Аннибалъ Францискъ де Ботоній съ товарищемъ; а прежъ сего и въ той Цесарской грамотѣ и въ отвѣтныхъ письмахъ писалъ къ вашимъ Царскаго Величества лицамъ Пресвѣтлѣйшество, также и всѣмъ Христіянскимъ Великимъ Государямъ, Королю Испанскому, Королю Французскому, Королю Датскому, Королю Польскому, Королю Аглинскому, и тѣмъ умаляетъ честь всѣхъ Государей и Курфирстовъ; такожде пишетъ для чести и повышенія имени своему. А во время, Великій Государь, царствованія блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Бориса Ѳеодоровича, всея Россіи Самодержца, и блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Василія Іоанновича,

всея Россіи Самодержца, у Цесарскихъ Посланниковъ чрезъ великую куплю учинили, что и Пресвѣтлѣйшество написали въ титлѣ, и тому Великій Государь выписка есть въ Посольскомъ Приказѣ. А я, холопъ твой, съ Цесарскими Посланниками договоръ за руками учинилъ, чтобы впредь васъ, Великихъ Государей, въ грамотахъ и въ отвѣтныхъ письмахъ писать Величествомъ, а не Пресвѣтлѣйшествомъ, и такъ, какъ Цесарю приписуютъ. Да яжъ, холопъ твой, остерегая вашея Государскія чести, и не допуская до васъ Великихъ Государей трудности, учинилъ съ Польскими и Свѣйскими великими и полномочными Послы договоръ, что имъ Посламъ, пришедъ передъ палату, въ которой палатѣ вы, Великій Государь, изволите посольство и грамоту принять, и передъ тою палатою шапки и шляпы снимать, и на скамьѣ передъ вами, Великимъ Государемъ, въ шапкахъ и въ шляпахъ не сидѣть; и о томъ споры и описки къ Государямъ ихъ отъ нихъ были; однакожъ учинили они такъ, какъ вашей Государской

чести

чести достоитъ быть. А Цесарскіе Посланники когда ваши Государскія очи видѣли, и на посольствѣ въ селѣ Коломенскомъ были, и за дворомъ шляпы сняли. А прежде сего, Великій Государь, Польскіе и Свѣйскіе Послы при дѣдѣ твоемъ Государевѣ, блаженныя памяти Великомъ Государѣ, въ палату входили и сидѣли на скамьяхъ въ шапкахъ; а изъ Думныхъ Дьяковъ только одинъ Иванъ Грамотинъ оговаривалъ ихъ въ такомъ ихъ дерзновеніи. А при Бояринѣ, Аѳанасьѣ Лаврентьевичѣ Ординѣ-Нащокинѣ, Биневской также и въ палату входилъ и сидѣлъ на скамьѣ въ шляпѣ; а договора о томъ съ ними Послы до меня, холопа твоего, никто не учинилъ. Яжъ, холопъ твой, съ Польскимъ Посланникомъ, съ Александромъ Кладницкимъ, договоръ учинилъ; а каковъ его былъ пріѣздъ и съ чемъ, и каковъ отвѣтъ учиненъ, и то извѣстно твоимъ, Великаго Государя, Боярамъ. А какъ, Великій Государь, вашъ Государскій и всѣхъ Государей Христіянскихъ непріятель, Турскій Султанъ, у Польскаго Короля Каме-

 нецъ

нецЪ Подольскій взялЪ, и Дорошенко учинился у негожЪ вЪ подданствѣ, и дошло Польскому Королю кЪ великой тѣснотѣ, и по Королевскому и всей Рѣчи Посполитой указу, Послы его сЪ Турскими Послы договорЪ и мирЪ учинили, и ту всю Заднѣпрскую сторону поступили Турскому Султану до стараго рубежа; и сЪ тѣми поставленными статьями присланЪ кЪ отцу твоему Государеву, блаженныя памяти Великому Государю Польскій Посланник Іеронимъ КомарЪ; а просилЪ Королевское Величество совѣта у отца твоего Царскаго Величества, что тѣ статьи держать ли, или не держать; и ему Комару отвѣтЪ учиненЪ: какЪ Государь ихЪ изволитЪ, держать, или не держать. А вЪ договорахЪ поставлено, что одинЪ Государь безЪ другова Государя ни вЪ какіе (дѣла) договоры вступать сЪ ТурскимЪ СултаномЪ не долженЪ, и тѣмЪ договоромЪ Дорошенко сЪ тою стороною отЪ подданства увольненЪ. И какЪ, Великій Государь, учало быть кЪ тѣснотѣ сей сторонѣ вашимЪ ГосударскимЪ поданнымЪ отЪ

До-

Дорошенка, а Гетманъ учалъ присылать о многихъ замѣшаніяхъ, и я, холопъ твой, докладывалъ отца твоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, что дошло время призывать Дорошенка съ тою стороною Днѣпра, для того что Король Польскій поступилъ Дорошенка съ тою стороною Турскому Султану, и тѣмъ бы пріемомъ отдѣлить войну отъ Турскаго Султана отъ Кіева и отъ иныхъ Черкасскихъ городовъ. И отецъ твой Государевъ, блаженныя памяти Великій Государь, съ Святѣйшимъ Питиримомъ, Патріархомъ Московскимъ и всея Россіи, и со всемъ освященнымъ Соборомъ совѣтовавъ, указалъ къ Дорошенку послать свою Великаго Государя грамоту, и призывать его отъ Турскаго Султана велѣлъ. И я, холопъ твой, посылалъ ваши Государскія милостивыя грамоты, чтобъ онъ былъ подъ вашею Государскою рукою; и каковы ваши Государскія грамоты и его листы, и каково его было желаніе въ подданство и на раду ѣхать, и то все есть въ Приказѣ Малыя Россіи. А какъ увидѣлъ въ подданствѣ

той стороны начальныхЪ людей, и все войско подЪ вашею Великаго Государя рукою, и ту сторону вЪ запустѣніи, и переходЪ тамошнихЪ жителей на сю сторону, и та сторона учинилась пуста, и Дорошенко тебѣ, Великому Государю, добилЪ челомЪ, и ЧигиринЪ отдалЪ, и самЪ пріѣхалЪ на вѣчную службу. Да отецЪ же твой ГосударевЪ, блаженныя памяти Великій Государь, по челобитью Гетмана и всего войска Запорожскаго, и по отпискѣ и по статьямЪ Боярина Князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго сЪ товарищи, изволилЪ войну готовить на КрымЪ, и о томЪ походѣ указалЪ послать свою, Великаго Государя, грамоту кЪ Польскому Королю. А какЪ волею Божіею отецЪ твой ГосударевЪ, Великій Государь, отЪиде вЪ вѣчныя обители, а та война по твоему Великаго Государя указу отставлена, и такова твоя Великаго Государя грамота послана, и отписана на прежнюю грамоту отца твоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя; и то тебѣ, Великому Государю, извѣстно, и при отданіи твоей,

ей, Великаго Государя, грамоты Резиденту Павлу Свидерскому въ столовой твоей Государское милостивое слово ко мнѣ, холопу твоему, было. Да по указужъ отца твоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, были многія посылки къ поддачнымъ вашимъ, ко Князь Каспулату Муцаловичу Черкасскому и къ Таишамъ, чтобъ они шли на Крымъ, или Улусныхъ своихъ людей послали. И хотя они Таиши Улусныхъ своихъ людей и посылывали, а до Юртовъ они не дохаживали, только въ стадахъ дальныхъ отъ Перекопи бывали. А какъ отецъ твой Государевъ, блаженныя памяти Великій Государь, указалъ быть къ Москвѣ Князю Каспулату Муцаловичу; и какъ онъ видѣлъ очи отца твоего Государева, и я, холопъ твой, съ нимъ договоръ учинилъ, и онъ обѣщался по своему закону, хотя нужи великія, или самую смерть приметъ, а милость отца твоего Государева заплатитъ; и по своему обѣщанію такъ и учинилъ: въ Крыму войною былъ, а съ нимъ Стольникъ и Воевода Иванъ Леонтьевъ, съ ратными людьми и съ коза-

козаки Донскими и Запорожскими, и Калмыки былижъ; а прежде сего никогда ваши Государскіе ратные люди въ Крымъ не хаживали, и славы о томъ походѣ такой имени Вашему Государскому не бывало. Яжъ, холопъ твой, будучи въ Приказѣ, вамъ Великимъ Государямъ служа, учинилъ прибыли великія: а вновь учинилъ аптеку, кружечный дворъ, и изъ тѣхъ сборовъ сдѣлалъ дворы каменные, Посольскій, Греческій, лавки; а въ расходы иманы что годъ, въ Приказы Тайныхъ дѣлъ, въ Стрѣлецкій, въ Иноземскій, въ Хлѣбный, тысящъ по штидесять и больше, кромѣ покупокъ въ мастерскія палаты и во Дворецъ. А въ Кіевъ, и въ Черниговъ, и въ Переяславль, и въ Нѣжинъ, и въ Остръ, ратнымъ людямъ жалованья и на хлѣбную покупку все посылывано изъ доходовъ изъ Новгородскаго Приказа и съ четвертей, а изъ иныхъ Приказовъ не посылывали. А до моего, холопа твоего, сидѣнія въ Малороссійскомъ Приказѣ, посылывали вашимъ, Великаго Государя, ратнымъ людямъ въ Кіевъ и въ иные городы хлѣбные

за-

запасы изо Брянска въ судахъ; а тѣ суда дѣлывали тутъ же во Брянскѣ, и четверть цѣною ставливалась въ Кіевѣ по седми рублевъ и больше. А какъ я, холопъ твой, учалъ посылать на хлѣбъ деньги, и четверть дороже рубля въ куплѣ не бывала; а и за тѣми расходы послѣ преставленія отца твоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, объявилъ тебѣ, Великому Государю, я, холопъ твой, сто осьдесятъ двѣ тысячи золотыхъ и ефимковъ и денегъ мѣлкихъ. Денежный дворъ 15 лѣтъ стоялъ пустъ, пуда серебра въ заводѣ на дѣло денежное не бывало; яжъ, холопъ твой, завелъ дѣлать на томъ дворѣ деньги, и отъ того дѣла непрестанная прибыль была въ твою Государскую казну; и за всѣ вышеписанные мои, холопа твоего, службишки пожалованъ я былъ вашею Государскою милостію, честью Боярствомъ, отчинами, помѣстьями; и куплены отчины вашимъ же Государскимъ жалованьемъ, а нажиткомъ отца моего, который онъ наживалъ на вашихъ Государскихъ службахъ,

вЪ посольствѣ вЪ Царѣградѣ и вЪ Кизылбашахъ, также и у вашихЪ Государскихъ дѣлЪ. А я, холопЪ твой, наживалЪ вашею Государскою милостію на службахЪ полковыхЪ, и вЪ посылкахЪ, и вЪ Посольскихъ подаркахЪ, и у вашихЪ Государскихъ дѣлЪ будучи, и собирали мы ихЪ вЪ 67 лѣтЪ, и то все безЪ остатка безЪ вины отнято. Есть, Великій Государь, которые вЪ чужихЪ домахЪ живали, и чужія платья нашивали, и чужій хлѣбЪ ѣдали, и тѣ при дѣдѣ твоемЪ Государевѣ, блаженныя памяти ВеликомЪ Государѣ, и при отцѣ твоемЪ Государевѣ, блаженныя памяти ВеликомЪ Государѣ, настолькожЪ, или и больше моего, у такихЪ же дѣлЪ будучи, наживали. ОдинЪ я, холопЪ твой, возненавидѣнЪ и оглашенЪ многими деньгами, и золотыми, и животы; а нынѣ о всѣхЪ моихЪ деньгахЪ и о всей моей, холопа твоего, рухлядишкѣ тебѣ, Великому Государю, извѣстно: не таковы объявились, какЪ обЪ нихЪ донесено. Да у меняжЪ, холопа твоего, дьякЪ ИванЪ ГороховЪ спрашивалЪ многое число пороха, свинца, пушекЪ, караби-

биновЪ, пистолетовЪ, Пансырей, наручней, шапокЪ; и я, холопЪ твой, сказалЪ: какЪ поволокся сЪ Москвы, были для опасенія отЪ воровскихЪ людей двѣ пушечки небольшія, да самыхЪ малыхЪ меньшихЪ пистолетовЪ небольшоежЪ число, и вЪ томЪ прежде сего заповѣди не бывало, и многіе и на Москвѣ по ближнимЪ деревнямЪ держатЪ; а которые Бояре и Воеводы хаживали вЪ Казань, и у нихЪ на судахЪ пушки для опасенія воровскихЪ людей бывали, и у торговыхЪ людей на судахЪ пушки бывалижЪ, и нынѣ есть же; и взялЪ у меня, холопа твоего, пороха только два пуда; а карабиновЪ и мушкетовЪ и на МосковскомЪ дворишкѣ нѣтЪ, а пистолей малое число, и что всего пансырей, наручней, шапокЪ, и то извѣстно тебѣ, Великому Государю, по переписи домишка моего, кто переписывалЪ на МосковскомЪ моемЪ дворишкѣ, и то держалЪ для вашея Государскія службы. РаботалЪ вамЪ ГосударямЪ чистымЪ сердцемЪ, а не лукавымЪ, и лукаваго не помышлялЪ, и впредь помышлять не буду, дондеже дышу, и

за твое Государское повелѣніе долженъ и послѣднюю каплю крови своей источить, и въ томъ свидѣтельствуюсь Господемъ Богомъ. А во время случаевъ злыхъ, какъ были на Москвѣ въ Коломенскомъ, въ Путивлѣ, въ Переяславлѣ, и я, холопъ твой, служа вамъ, Великимъ Государимъ, всегда былъ ко унятію починщикъ, и то тебѣ, Великому Государю, извѣстно, и твоимъ, Великаго Государя, Боярамъ вѣдомо. Да яжъ, холопъ твой, будучи многія лѣта въ Полковникахъ и Стольникахъ и въ Головахъ стрѣлецкихъ, работалъ вамъ Великимъ Государямъ на приступахъ и на бояхъ, въ скорыхъ и частыхъ посылкахъ и на пожарахъ, изувѣченъ, и все тѣло и кости мои сокрушены, кровь моя какъ вода пролита за васъ Государей, и вопію ко Всесильному Богу на тѣхъ, которые меня, холопа твоего, безъ всякія моея вины отъ милости твоей Государской отлучили, и посланъ въ заточеніе въ Пустоозерскій острогъ, гдѣ гладомъ и тамошніе жители таютъ и скончаваются, а мнѣ, холопу твоему, гладажъ ради прежде време-

ни душа извреши. Дано, Великій Государь, мнѣ, холопу твоему, изъ нажитковъ отца и моего пожитченка тысяча рублевъ денегъ, которые пожитченки наживалъ чрезъ смерти и кровь и работы свои непрестанныя, и то твое, Великаго Государя, жалованье не вѣмъ, на что издавать, на пищуль себѣ, или и червю своему бѣдному сиротинѣ въ наслѣдіе. Охъ увы! охъ горесть! слезы и кровавыя слезы! не имѣючи и въ мысли своей вины, не токмо въ словѣ, или въ дѣлѣ. Однако же, Великій Государь, надежда моя Господь Богъ, да ваше Царское премилостивое разсмотреніе и милость. Глаголетъ премудрый Царь Соломонъ: якоже устремленіе водное, тако и сердце Царево въ руцѣ Божіи: аможе хощетъ обратити, тамо и уклонитъ е. Умилосердися, благочестивый Великій Государь! буди подобенъ Царю и пророку Давиду милосердому, иже непрестанно вопіетъ: сотворихъ судъ и правду. Не предаждь меня обидящимъ мя. Умилостивися, благосердый Великій Государь, буди славенъ и подобенъ славному и премудрому Царю Соло-

ломону, иже рече: даждь рабу твоему сердце смысленно на послушаніе, и осужденіе людемъ твоимъ въ правду, еже разумѣвати посреди добра и зла. Умилися, многомилостивый Великій Государь Царь и Великій Князь Өеодоръ Алексіевичь, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ! буди подобенъ и милостивъ Царю сроднику Пророка Даніила, когда осудиша на умертвіе Сусанну, она же возопи гласомъ веліимъ: Боже вѣчный и сокровенныхъ Свидѣтелю, свѣдый все прежде бытія ихъ! Ты вѣси, яко лжу послушествоваста на мя: и се умираю несотворша ничтоже, еже сія слукавствоваста на мя. И послуша Господь глагола ея, воздвиже отрока юна, емуже имя Даніилъ, и возопи гласомъ веліимъ: чистъ азъ отъ крове ея, и двою древесы, терніемъ и чресминою, и двоюнадесяти лѣтъ, старцамъ и судіямъ судія бѣ, нача судъ и соверши. Возврати раззореніе мое невинное, и даждь благодареніе и славу имени своему Государскому! утоли мое со убогимъ моимъ червемъ рыданіе слезное для блаженныя памяти благоче-

честиваго и милостиваго отца своего Государева, Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца; воспомяни милость его и свою Государскую ко мнѣ сиротѣ и сынишку моему, и неимѣющимъ помощи, которую милость вашу на всякое время воспомянувъ, горькими и кровавыми слезами обливаемся, что безо всякія вины ненависти ради отогнаны, и отъ приставовъ и отъ карауловъ такъ стѣснены, какъ злодѣи, что и описати не возможно. Не только, Великій Государь, въ нуждахъ моихъ противъ приказанія Божія и закона Христіянскаго и вашего Государскаго указа умилиться, или какая ослаба учинить, но и того не могъ съ горькими и кровавыми слезы упросить, чтобъ съ начала посылки моей, какъ меня, холопа твоего, изъ Казани повезли въ Пустоозерскій острогъ, чтобъ челобитную мою приняли и послали къ тебѣ, Великому Государю; чтобъ объ моей невинности тебѣ, Великому Государю, было извѣстно. Не оставь насъ сиротъ бѣдныхъ и неимѣ-

имѣющихъ помощи странствовать межъ чужихъ жилищъ, и вели насъ изъ того заточенія взять и изъ за пристава свободить, и жить намъ бѣднымъ и за тебя, Великаго Государя, и за весь вашъ Государскій домъ Господа Бога молить, гдѣ твоя Государская милостивая воля будетъ. Царь Государь! смилуйся.

Вторая челобитная, какова послана въ прошломъ 187 годѣ изъ Пустоозерскаго острога съ нарочнымъ посыльщикомъ, съ Андреемъ Мезенцомъ.

Царю Государю и Великому Князю Θеодору Алексіевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу, всеконечно раззоренные и ни отъ кого милости и помощи и заступленія въ невинностяхъ своихъ неимѣющіе, развѣ Всевысочайшаго и Всесильнѣйшаго Бога, и тебя Помазанника Его, Государя премилостиваго, бьютъ челомъ холопи твои, Артемошка Матвѣ-

швѣевъ, съ убогимъ своимъ червемъ съ сынишкомъ. Въ первой, Великій Государь, моей, холопа швоего, челобишной, которая писана въ Казанѣ, во 185 годѣ, Іюня въ 13 день, и не пришята, а пришята въ Пустоозерскомъ остротѣ, и послана къ шебѣ, Великому Государю во 186 годѣ, Іюня въ 26 день, и въ шой моей, холопа швоего, челобишной, старости ради и увѣчья отъ вашихъ Государскихъ службъ и работъ, и скорыхъ и часшыхъ посылокъ погорбленъ, а наипаче всего, гнѣва ради швоего Государскаго и опалы и отлученія отъ вашея Государскія милости, и разворенія моего страннаго, обезпамятѣлъ, и многое что видѣлъ въ Божественномъ писаніи, и шого безпамятствомъ не написалъ; а что вспамяшовалъ для очищенія себя, чтобъ паче невинность моя предъ шобою, Великимъ Государемъ, отъ лукавыхъ и злосердыхъ человѣкъ очистилась, и то написалъ всѣмъ швоимъ Великаго Государя Боярамъ. Лѣкарь Давыдко въ разспросѣ сказалъ: лечилъ де онъ Давыдко у меня, холопа швоего, человѣка моего

карла Захарка, и ему де карло Захарко сказывалъ, что онъ боленъ отъ моихъ побой; билъ де будто я его за то, какъ будто я у себя въ домишкѣ въ палатѣ съ Стефаномъ Докторомъ чли черную книгу, и въ то время будто пришло къ намъ въ палату нечистыхъ духовъ множество, и говорили намъ, мнѣ, холопу твоему, и Стефану Доктору, тѣ нечистые духи въ слухъ, что есть у васъ въ избѣ третій человѣкъ, и то, Великій Государь, по наученью лукавыхъ затѣялъ воръ Давыдко, хотя себѣ свободы отъ правежа; и человѣкъ мой карло, сиротина увѣчный, убояся страха и пытки, не спорилъ вору Давыдку. Не токмо такой сиротина увѣчный, но многіе въ крѣпости и въ силѣ великой, не претерпя мукъ, клевещутъ на людей невинныхъ, и сами на себя говорятъ, чего не дѣлали, и тѣхъ, Великій Государь, дѣлъ въ Приказахъ много. А я, холопъ твой, отъ воровскаго ихъ состава и наученья очищаюсь Божественнымъ Писаніемъ: Книги Моисеовы, 5 глава, 5 ст. Всевысочайшій Господь глагола къ Моисею:

Азъ

АзЪ есмь Господь БогЪ твой, БогЪ ревнивЪ, отдая грѣхи отецЪ на чада до третіяго и до четвертаго рода ненавидящимЪ мя. Паки: Не пріемли имени Господа Бога твоего всуе; не очиститЪ бо Господь пріемлющихЪ имя Его туне. И паки: ГласЪ слышанЪ Архангельскій, когда созва и собравЪ АрхистратигЪ МихаилЪ весь родЪ Ангельскій и начальныхЪ ВоеводЪ, и рекЪ великимЪ гласомЪ: вонмемЪ, премирныи друзи мои, и разумѣемЪ, чесо ради созданы быхомЪ БогомЪ ТворцемЪ нашимЪ, тому единому со страхомЪ и трепетомЪ падше поклонимся, и дадимЪ славу и честь непостижимой благости создавшаго насЪ. И паки, Христа Сына Божія глаголюща: Аще и всю поднебесную кто овладѣетЪ, и всего свѣта славу и богатство соберетЪ, не можетЪ дати измѣну за душу свою. По Евангельскому слову: весь свѣтЪ не точенЪ есть, единаго когождо души. А я, холопЪ твой, отЪ благочестивыхЪ своихЪ родителей отЪ юности моея вЪ наказаніи истинныя вѣры воспитанЪ быхЪ, вЪ ней же и до днесь

 Бо-

Божіею помощію укрѣпляемъ пребываю, уповая на щедроты Божественнаго милосердія Его, яко и до изхода души моея непоколебимо въ ней сохранитъ мя. А что, премилостивый и Великій Государь, нынѣшняго времени злохитрою ковнію вселукаваго врага и супостата народа Христіянскаго, который отъ начала міра и до днесь не престая воюетъ на невинность различными ковньми, пріемля во орудіе злонравныхъ и несмысленныхъ человѣкъ, и злодѣйскими составы въ пагубу сводитъ невинныхъ, какъ нынѣ злонравнаго вора Давыдка, наученнаго и вооруженнаго поострилъ лукавствы, и сиротину моего пьянаго и увѣчнаго карла Захарка, и въ сѣти, которыя они льстивно и скрытно на насъ, холопей твоихъ, неповинныхъ уготовали, сами впадутъ, по писанному: Въ сѣти сей, юже скрыша, увязе нога ихъ. Знаемъ есть Господь, судьбы творяй въ дѣлѣхъ рукъ своихъ, и отъ тѣхъ сѣтей очищаемся Божественнымъ Писаніемъ, какъ о томъ Пророцы и Апостоли и Учители церковные пишутъ, что отъ живыхъ су-

сущихЪ не возможно видѢти духи чистые и нечистые, и души человѢческія. И такЪ, ПомазанникЪ благочестивый, и милостивый Великій Государь, явное свидѢтельство вЪ МаргаритѢ, слово 3 о ІовѢ: Бысть, рече, яко день сій, пріидоша Ангели Божіи предстати Господеви, и діаволЪ посреде ихЪ. Убо со Ангельскою ли службою предстоитЪ діаволЪ, и посреди ли святыхЪ духовЪ нечистый духЪ предстоитЪ? Никако же, ниже бо святіи Ангели предсташа Богови тѢлеснѢ, ниже сатана тѢлеснѢ, но всяка служба предстояніе глаголется: сице и діаволЪ ста не на небеснемЪ мѢстѢ, ниже вЪ премирныхЪ силѢхЪ, яко созданіе Божіе, повелѢваемЪ бываетЪ творити подобающая. ВЪ строительства, Великій Государь, вЪ человѢцѢхЪ святіи Ангели посылаеми суть. На беззаконныхЪ же человѢкЪ муки бѢсамЪ повелѢваеми суть. Егда святые Ангели, поминаетЪ АпостолЪ святый ПавелЪ, глаголя: Не вси ли суть служебніи дуси, на служеніе посылаеми ради хотящихЪ наслѢдовати спасеніе? Отнюду же вѢдомо,

 яко

яко святіи Ангели служатъ на спасенія человѣческая, гордыи же бѣсове на грѣшныхъ мученія. И посла Богъ, Давидъ рече, на Египетъ ярость и гнѣвъ и скорбь посланіе аггелы лютыми. Лукавіи убо и нечистіи бѣсове аще и отпадоша предложеніемъ, но подъ игомъ лежатъ работы. Сего ради отвѣщавающу на Ахава, Богъ глаголетъ: Кто пойдетъ, и прельститъ Ахава, и падетъ? Отвѣща духъ лукавый: се азъ; вѣдяше бо, яко на се учиненъ есть діаволъ. Посылаютъ же ся и къ праведнымъ, не яко мучатъ, но да искусятъ; понеже Ангелъ святый послужити искушенію не повелѣваемъ есть, и не бо Богъ повелѣваетъ недостойное Ангелу. Сего ради бѣсове на сіе повелѣваеми суть на искушенія; не гласъ бо исходитъ отъ Бога къ лукавому бѣсу, ниже сподобляется сіе неприступное оно произволеніе. Естество бо благо, предложеніе же зло; діаволъ бо не естества есть имя, но произволенія; не бо діаволъ бысть изначала, и не сотвори Богъ діавола, но Ангелъ убо созданъ бысть, діаволъ же имя ново,

яко

яко оболгуяй Бога, чистъ и не чистъ Богу. Іоаннъ святый Дамаскинъ глаголетъ, книга Небеса, глава 4: Отъ сихъ Ангельскихъ силъ первостоятель приземнаго чина и земли вручивыйся отъ Бога, не естествомъ лукавъ бысть, но благъ сый, и во блазѣ бывъ, самовластнымъ произволеніемъ превратися отъ сущаго по естеству въ сущее чрезъ естество; того же бо естества Ангеломъ суще, злы быша, произволеніемъ вольно отъ благаго ко злу уклонишася. Глава 19: Духъ глаголется же, и силы Духа Святаго, дуси, духъ, и Ангелъ благій духъ и демонъ; духъ и душа есть же, егда и умъ духъ глаголется, духъ и вѣтръ и воздухъ. Глава 14: Душа убо есть существо живущее, простое и безтѣлесное, тѣлесными очесы по свойственному естеству невидимое, безсмертное, словесное же, умное, безобразное. Глава такожде: Безтѣлесное же, невидимая и безобразная по двоимъ образомъ имѣемъ: ово убо по существу, ово же по благодати, и ово убо естествомъ суще, ово же къ вещи дебелости; въ Бозѣ убо естествомъ, во Ангелахъ же и демонахъ

нахъ и душахъ благодатію. Святый же Аѳанасій Александрійскій, безсмертный умъ глаголетъ, духи служебные огненный пламень наричетъ, за безтѣлесное ихъ и легкое и выспреносное и скорѣйшее, идѣже аще повелѣннѣ бывши содѣтелемъ устремляются. Ѳеодоритъ глаголетъ: Творяй Ангелы своя духи, и слуги своя огнь палящъ; указуетъ его не видимыхъ Творца суща точію, но и невидимыхъ Содѣтеля; тѣ же духи и огнь нарече, сильное и скорое обоимъ показуя, быстро бо естество духа, крѣпкожъ огненное дѣйство; слуги же имѣяй аггелъ: всѣмъ Богъ добро творитъ достойнымъ, и мучитъ противные. Святый Григорій Богословъ Назіанзинъ въ словѣ 6 глаголетъ: Къ началомъ, ко владычествамъ, подвизаемся, къ неявленнымъ гонителямъ и мучителямъ, къ миродержавцемъ тмы вѣка сего, къ духамъ лукавства поднебеснымъ. Благочестивый и милостивый Великій Государь! что глаголетъ Богословъ неявленнымъ? А когда неявленны, видѣти ихъ человѣкомъ не возможно. Книгажъ, Великій Госу-

сударь, Ключь разумѣнія, глаголетъ: Два естества наичестнѣйшіи Богъ сотвори, Ангельское, человѣческое, на образъ свой и подобіе. Такъ рекъ самъ Богъ, глава 1 въ Библіи: Сотворимъ человѣка по образу своему и по подобію. Обаче не по тѣлу, но по душѣ человѣкъ есть образомъ Божіимъ. Богъ всевысочайшій, невидимый, и душа человѣческая невидима. Въ Маргаритѣжъ бесѣда 5: Что есть душа; убо воздухъ ли, или духъ, или вѣтръ? Ни что же отъ сихъ рекутъ; сія бо вся тѣлеса суть. Коринѳяномъ нравоученіе 29: Аще бы мощно было извреща душу изъ тѣла неправеднаго, видѣлъ бы еси ю: но не возможно. Нравоученіе 23: Аще бы мощно душа видѣти, якоже въ воинствѣ сраженію мимошедшу, иныя убо мертвы есть видѣли, иныя же уранення плоти, а души видѣти не возможно. Во нравоученіижъ, Великій Государь, къ Колоссаемъ 11: Аще бы тѣло разсѣкше коегождо душу мощно было видѣти, показалъ бы имъ; но не возможно. Въ Маргаритѣжъ въ словѣ, о еже предста Царица, той

 же

же Златоструйный глаголетъ о добродѣтели тѣлесной: Что есть доброта тѣлесная, явѣ есть, яко отъ естества, а не отъ произволенія. Онъ же глаголетъ: Пойдемъ къ души, зри оную; не бо можеши видѣти ю, невидима бо есть. Іоаннъ же святый Дамаскинъ глаголетъ, книга 1: Въ насъ есть духъ отъ нашего естества, ниже воздухъ есть вдохновеніе, и отъ дохновенія вдыхаемо и отдыхаемо, иже во время глаголанія, егда что рцемъ, и гласъ слова учиняется и на воздухъ разсыпается. Древній же философъ Сократъ, его же Златоглаголивый во нравоученіи 125 похваляетъ, всѣхъ сущихъ любомудріемъ одолѣвая глаголетъ: Солнца убо плоть вси человѣцы видятъ, плоти же духа ни единъ можетъ видѣти. Въ житіижъ, Великій Государь, чудотворца Аврамія Ростовскаго напечатано, Октября 29 день: Нѣкогда святому хотящу руцѣ умыти, влѣзѣ духъ лукавый во умывальницу святаго. Святый же разумѣвъ, а не видѣлъ коварства вражія, вземъ крестъ положи на умывальницу, и огради около сосу-

сосуда крестнымъ знаменіемъ, и не можаше изыти оттолѣ духъ лукавый. Княземъ же Ростовскимъ, пришедшимъ ко святому въ келію, и дерзнувшимъ крестъ сняти со умывальницы, и въ томъ часѣ изыде духъ смраденъ изъ сосуда, аки дымъ черенъ, и устраши нту всѣхъ сущихъ. На сіе паки свидѣтельство въ житіижъ, Великій Государь, святаго мученика другаго Конона, Марта 5 день, иже во Ассиріи: Пріятъ власть святый мученикъ надъ духи нечистыми, и въ корчазѣ заключи, и запечатавъ погребѣ подъ основаніемъ дома своего, и по смерти его дому его на церковь устроену, копающимъ же основаніе церкве, обрѣтоша сосудъ скудельный, и мнивше злато, сокрушивше единъ сосудъ, и изыдоша духи въ видѣніи огня, и вси устрашишася, яко не мощи прейти изъ дома до захожденія солнца. И по сему, Великій Государь, вышеписанному естеству ихъ измѣны нѣсть; но токмо славы Божія не видятъ, и отъ мѣста своего пали и не возстанутъ; а видѣти ихъ высокіе угодники Божіи не могли, но токмо коварство

ихЪ разумѣли, и благодатїю Божїею и молитвами своими имѣли власть затворити ихЪ; а и благородные Князи аще и дерзостно учинили, крестЪ сЪ сосуда сняли, а духа нечиста не видѣли. А моему сиротинѣ, глупцу пьяному и спящему за печью, какЪ онЪ вралЪ, котораго запечья нѣтЪ и вЪ палатишкахЪ моихЪ во всѣхЪ, духи нечистые, безтѣлесные, безобразные, тѣлесными пьяными глазы видѣть? Суди Господи и воздаждь, который, или и не единЪ, ненавидя и завидя милости ради вашея Государскїя, и злобою на меня, холопа твоего, дыша, безвинно осудили, не воспоминая Божїя слова, еже рече: Вню же мѣру мѣрите, возмѣрится и вамЪ. Сей судЪ, которымЪ я, холопЪ твой, осужденЪ, противенЪ будетЪ законамЪ; аще воля твоя, Великаго и милостиваго Государя, о малыхЪ дѣлахЪ, кто оспоритЪ челобитьемЪ своимЪ кЪ тебѣ, Великому Государю, и вашЪ Государскїй указЪ и Боярскїе приговоры, изЪ Уложенья выписываютЪ подЪ дѣла. А по сему воровскому составному доводу довелось вы-

ши-

писать изЪ книгЪ Божественнаго Писанія. Возможноль тому быть, чтобЪ духи нечистые видѣти, или не возможно, какЪ о томЪ вЪ первой моей, холопа твоего, челобитной писано, и вЪ сей во второй кЪ тебѣ, Великому Государю. А кто, Великій Государь, показуя себя ненависти ради и недружбы, и показуя себя во многомЪ глаголаніи, и хотя вЪ разумѣ услышанЪ быти, возможно было ему и нашихЪ кровавыхЪ слезЪ правдою вЪ разумѣ услышану быти, и показати себя мудростію безЪ мученія насЪ убогихЪ холопей твоихЪ. ОтЪ прилѣжныхЪ, Великій и милостивый Государь, вЪ Божественное Писаніе чтятся, внимаются, уразумѣваются и вЪ памяти полагаются. Сего ради всепремудрый ХристосЪ Спаситель нашЪ рекЪ: ОтходятЪ отЪ обручницы своей церкви, и никогда же отступая и пребывая неотступно, ключи разумѣнія оставилЪ, еже согласующимЪ сЪ нимЪ тайны Божія чрезЪ разумЪ открывающій отверзаетЪ', отЪ невнимающихЪ же разумѣнія заключаетЪ. А я, холопЪ твой, не отЪ своего ра-

разумишка сіе смыслилъ, но Пророкомъ и Апостоломъ и Учителемъ сіе въ Писаніи ихъ изнесъ; но аще писанія достоинства святаго чтоша, или чтуще оныхъ, разумъ уразумѣти могош : аще паки чести возгнушаша, или чтуще разумѣти нерадиша, не по моему челобитью, холопа твоего, да приносятъ неразумѣнія, но своему неразсмотренію, немилосердія ради и ненависти и злобы, да пріимутъ непохваленіе, по писанному: разумнаго есть благое избирати, злое же отвергати; и онъ, или единомысленніи, и злое мнѣ, холопу твоему, избрали, а благое отвергли. Богобоязливый, почитая и страшася закона Божія, и высотою любве шествуя, не точію въ Бозѣ друговъ, но и враговъ Бога ради любитъ, и укоризну пріемши, не точію просящему прощенія и обиду оставляетъ, но и самъ смиритися ускорнетъ, по реченному отъ Всевысочайшаго: Любите враги ваша. А что Давыдко сказалъ, что нечистые духи говорили будто мнѣ, холопу твоему, и Доктору Стефану въ слухъ, что есть у васъ въ избѣ третій человѣкъ; а карло въ разспросѣ и

сѣ

съ пытки говорилъ, будто я со Стефаномъ Докторомъ и съ Николаемъ переводчикомъ книгу чли, а онъ Захарко спалъ въ то время, и того четыре человѣка, а не три. Да Давыдкожъ и карло сказали, что книгу чли въ палатѣ, а духи нечистые говорили, что вы сидите въ избѣ? Чему, Великій Государь, вѣрить, кто счету не знаетъ? Воры ли доводчики и глупцы, или нечистые духи, счету людямъ и палаты съ избою не знаютъ? Сіе ли, Великій Государь, не воровство и не лукавый явный составъ? А въ вашемъ, Великаго Государя, указѣ и въ соборномъ Уложеньѣ напечатано, глава 2, статья 12: Будетъ кто на кого учнетъ извѣщати великое ваше Государское дѣло, а свидѣтелей на тотъ свой извѣтъ никого не поставитъ, и ничѣмъ не улучитъ, и сыскать про такое великое дѣло будетъ нечѣмъ, и про такое великое дѣло указъ учинить по разсмотренію; а рабъ и доводчикъ Божіими и вашими Государскими законы свидѣтели не бываютъ, и мнѣ отъ того ихъ составнаго наученія и воровства очища-

щатися, кромѣ Божественнаго Писанія и вашихъ Государскихъ указовъ и Уложенья, нечѣмъ, какъ писано выше сего. А что они по наученью врали, и тому быти не возможно. Человѣкъ же мой карло сказалъ, будто я, холопъ твой, вскоча и смотря его Захарка за печью, и сорвавъ съ него шубу, и поднявъ ударилъ его о землю, и топталъ и выкинулъ за мертво: и у меня, Великій Государь, въ той палатишкѣ запечья нѣтъ, и спать за печью не льзя; двѣ стѣны у печи свободны, а третья стѣна печи придѣлана къ самой палатишкѣ, и промежка нѣтъ, а четвертая стѣна, у той печное устье, и въ томъ мѣстѣ кладутъ дрова, и то передъ печью. Мнѣжъ, холопу твоему, сказанъ твой, Великаго Государя, указъ: Давыдко на очной ставкѣ съ Стефаномъ Докторомъ на карла Захарка въ томъ вышеписанномъ слался, что Стефанъ Докторъ на очной ставкѣ говорилъ ли онъ на себя и на меня, или себя и меня очищалъ, того всего мнѣ не сказано. А противъ вашего Государскаго указа и Уложенья, по той же выше-

пи-

писанной 12 статьѣ, доводчики свидѣтели не бываютъ. Давыдкожъ сказалъ, будучи онъ у меня, холопа твоего, во дворѣ, будто видѣлъ, какъ я, холопъ твой, со Спатаріемъ и со Стефаномъ Докторомъ черную книгу запершись чли; потому что онъ будто вшолъ къ намъ въ палату изневѣстно; а та де книга въ полдесть, а толщиною пальца въ три. А училъ де будто меня и сынишка моего Андрюшку Николай Спатарій: и меня, холопа твоего, Спатарій и сынишка моего злому, что Богу неугодно, ничему не училъ; и желаніе мое было съ початка лѣтъ моихъ все на благое, и въ вашихъ Государскихъ дѣлахъ былъ въ великихъ, въ ратныхъ, въ Посольскихъ посылкахъ, въ Приказахъ великихъ, и по вашей Государской милости былъ въ Боярахъ, и въ близости крайней, и повѣрено было, и былъ многое время безо всякаго претыканія; а сынишка моего училъ малое время малымъ литеркамъ по Греческу. А допрашиванъ ли онъ воръ лѣкарь Давыдко о книгѣ, по чему разумѣлъ назвать черною книгою,

по кожѣль, или по разуму, что вѣ ней слышалѣ, какое дѣло и чему меня и сынишка моего Николай Спатарій училѣ, и что слышалѣ во ученіи, какія слова, и по чему знаетѣ то ученіе, и кто его тому училѣ, и даналь ему сѣ нимѣ Николаемѣ очная ставка, и что на очной ставкѣ Николай говорилѣ, очищалѣ ли себя и меня и сынишка моего, или на себя и на насѣ говорилѣ: и того всего мнѣ, холопу твоему, вѣ сказкѣ не сказано. А воровство Давыдково и всѣ рѣчи, Великій Государь, явное и воровское умышленіе. Сказалѣ онѣ вѣ вышеписанномѣ разспросѣ, какѣ будто мы книгу запершись чли, а онѣ будто видѣлѣ и вшолѣ кѣ намѣ вѣ палату изневѣстнымѣ дѣломѣ. И вѣ запертую, Великій Государь, палату кто видѣти можетѣ сквозь стѣну, кто что дѣлаетѣ? Вѣ запертуюжѣ палату кто изневѣстно входитѣ, покамѣстѣ кого позовутѣ, или пустятѣ? Затвоременному внутрь уду вратѣ не возможно избѣжати, такожѣ не возможно пройти внутрь, бывѣ внѣ. Сіе ли, Великій Государь, не явное воровство на-

наученное, и не составъ явно ложный отъ безумныхъ? Слово ихъ и совѣтъ ихъ судятъ, и осуждаютъ ихъ самихъ; словомъ человѣкъ своимъ оправдится, словомъ и осудится. А допрашиванъ ли онъ воръ Давыдко, или нѣтъ, какъ видѣлъ сквозь стѣну палату, и въ запертую палату внезапу какъ входилъ, того мнѣ, холопу твоему, въ Казанѣ въ сказкѣ не сказано; а въ вашемъ, Великаго Государя, указѣ и въ Соборномъ Уложеньѣ, и въ малыхъ дѣлахъ, естьли кто рѣчи свои не противъ дѣла станетъ говорить, и тому не вѣрить. А человѣкъ же мой карло Захарко предъ твоими, Великаго Государя, всѣми Бояры въ разспросѣ и съ пытки говорилъ, будто я, холопъ твой, съ Стефаномъ Докторомъ и Спатаріемъ книгу чли, а онъ Захарко за печью въ то время былъ и уснулъ и захрапѣлъ: и будто я услышалъ, что онъ храпитъ, взявъ его изъ запечья за волосы и толкнулъ его черезъ порогъ вонъ въ заднюю палату, а та де была книга не велика, а Давыдку де онъ о томъ сказывалъ; а какъ де его будто изъ палаты вытол-

толкнулъ, и книга де въ то время передъ нами была на столѣ. И въ томъ, Великій Государь, я, холопъ твой, свидѣтельствуюсь Писаніемъ же, что не возможно спящему и неспящему духи нечистые видѣть и слышать свое храпленіе. Къ Римляномъ нравоученіе 24 глаголетъ: Азъ убо сіе реку, иже во глубоцѣй нощи спящимъ же и храпящимъ уподобимся вси; и аще бы мощно существо безплотное было видѣти, показалъ быхъ вамъ, како убо множайшіи храпятъ, а діаволъ прокапываетъ стѣны, и закалаетъ лежащихъ, и отъемлетъ сущая внутрь сонь; спя убо ниже зло вѣщаетъ что, ниже благо. Да нетомо, Великій Государь, духи, или души, спящему и храплящему человѣку видѣть, или слышать кое глаголаніе, нѣсть мощно человѣку видѣти искренняго; кто бо видѣ отъ человѣкъ, рече, яже въ человѣцѣ, развѣ духъ человѣка, иже въ немъ? Премилостивый и благочестивый Великій Государь! се не возможно видѣти духи чистые и нечистые; а о измѣнѣ существа ихъ духовъ нечистыхъ и низу верžен-

женныхъ и проклятыхъ никто не написалъ, чтобъ въ естествѣ ихъ была измѣна. Сего ради и видѣти ихъ по естеству не возможно, какъ Златоустый глаголетъ: Естество благо, предложеніе же зло. И какъ писали въ посланіяхъ святіи Апостоли, Петръ, зачало 66, во 2 посланіи: Аще бо Богъ Ангеловъ согрѣшившихъ не пощадѣ, но плѣницами мрака связавъ, предаде на судъ мучимыхъ блюсти. Іуда, зачало 77: Ангелъ же несоблюдшихъ свое начальство, но оставльшихъ свое жилище, на судъ великаго дне узами вѣчными подъ мракомъ соблюде. Никто же, Великій и милостивый Государь, выше можетъ сихъ учителей себя разумѣніемъ явити, какъ Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, достославныхъ Архіереовъ, и Кирилла и Аѳанасія Александрійскихъ, и иныхъ множайшихъ, иже древле въ церквѣ восточнѣй процвѣтоша, и не токмо чтоша книги Божественнаго Писанія, но и написаша. И нѣкто написа о сихъ, а паче о Златоустѣ: все бо Іудейское писаніе и Христіянское зѣло тонко на-

написа и истолкова, яко инъ никтоже. Всѣмъ же писаніямъ его считати число не человѣку есть; сіи вси о видѣніи духовъ благихъ и злыхъ, и душахъ человѣческихъ написали, невидими суть: и то все ученіе ихъ отставлено, а воровскому составному доводу повѣрено. А того человѣкъ мой не говаривалъ, какъ будто мы съ Стефаномъ Докторомъ и со Спатаріемъ чли книгу, и въ то время пришло къ намъ въ палату нечистыхъ духовъ множество, и говорили будто намъ тѣ нечистые духи въ слухъ, что есть у насъ въ избѣ третій человѣкъ. А въ Казанѣ, какъ мнѣ, холопу твоему, по твоей, Великаго Государя, грамотѣ вины и неправды сказываны, которыми я, холопъ твой, не виненъ, и тѣ вышеписанные Давыдковы извѣты, а не карла Захарка, и то воръ Давыдко въ извѣтѣ своемъ прибавилъ и затѣялъ по наученію. Да онижъ въ тѣхъ же разспросахъ рѣчи свои рознили. Давыдко въ разспросѣ сказалъ, что чолъ книгу я, холопъ твой, да Стефанъ Докторъ, а карло былъ въ то время за печью; а человѣкъ

вѣкЪ мой карло сказалЪ, что будто я, холопЪ твой, изЪ палаты его вытолкнулЪ, а книга вЪ то время была будто передЪ нами; а чли будто я, холопЪ твой, да СтефанЪ ДокторЪ, да переводчикЪ Николай Спатарій; а Давыдко про Спатарія не сказалЪ, а духи нечистые прибавилЪ; и будто пришелЪ вЪ палату Давыдко, а карло того не говорилЪ. ДоводчикЪ ворЪ не самовидѣцЪ, избывая свою бѣду и наученЪ, и вѣрить ему противЪ законовЪ Божіихъ и вашихЪ ГосударскихЪ не довелось многихЪ ради причинЪ: 1) что многое время не извѣщалЪ; 2) что свидѣтелей никого не поставилЪ; 3) что я, холопЪ твой, сЪ нимЪ на очной ставкѣ не ставленЪ; 4) что ссылки моей на него не бывало. А что онЪ ворЪ Давыдко свидѣтеля раба моего, сиротину увѣчнаго карла учинилЪ, и рабЪ свидѣтелемЪ на господина не бываетЪ; а вЪ вашемЪ Великаго Государя указѣ и вЪ СоборномЪ Уложеньѣ, вЪ главѣ 2, вЪ 13 статьѣ напечатано: будетЪ учнутЪ извѣщать ваше Государское дѣло чьи люди на тѣхЪ, у кого они слу-

служатъ, и въ томъ дѣлѣ ни въ чемъ ихъ не уличатъ, и тому ихъ извѣту не вѣрить, и учиня имъ жестокое наказаніе, бивъ кнутомъ нещадно, отдать тѣмъ, чьи они люди; и они, Великій Государь, не токмо уличили, и сами межъ себя изобличились. Въ вашемъ же, Великаго Государя, указѣ и въ Соборномъ Уложеньѣ не токмо въ такомъ великомъ дѣлѣ (за что не имѣя въ себѣ такія вины раззоренъ), но и о малыхъ судныхъ дѣлахъ напечатано, глава 10, 160 статья: буде кто пошлется изъ виноватыхъ, а тѣ люди по допросу скажутъ не противъ его ссылки, да не всѣ въ одну рѣчь, хотя одинъ не по немъ скажетъ, и его обвинитъ, потому что онъ на тѣхъ людей слался изъ виноватыхъ, а они сказали не противъ его ссылки; а онъ Давыдко доводилъ на насъ, холопей твоихъ, и слался на людей моихъ, и для того взяты изъ Ланшева людишки мои, Ивашко Еврей да карло Захарко къ Москвѣ. Онъ же Давыдко на Москвѣ въ томъ же дѣлѣ, на очной ставкѣ съ Стефаномъ Докторомъ, на человѣка моего

кар-

карла слался жЪ, и тѣми вашими Великаго Государя указы и СоборнымЪ УложенiемЪ, что писано выше сего, я же очищенЪ, а обвиненЪ и странно разворенЪ безЪ вины чрезЪ твой Великаго Государя указЪ и Уложенье. А что костоправЪ Ивашко МаксимовЪ, который того карла лечилЪ, сказалЪ, что переломлены были у того карла два ребра; а сказывалЪ де ему костоправу тотЪ карло, что топталЪ его карла будто я, холопЪ твой: и мнѣ костоправЪ ИванЪ МаксимовЪ не свидѣтель противЪ твоего, Великаго Государя, указа и Уложенья. Когда бы онЪ костоправЪ видѣлЪ, а не слышалЪ, и ябЪ на него слался, а онЪ бы сказалЪ, что я тому карлу переломилЪ два ребра: тогда бы былЪ свидѣтелемЪ мнѣ. А вЪ твоемЪ, Великаго Государя, указѣ и вЪ СоборномЪ Уложеньѣ напечатано вЪ 10 главѣ, во 172 статьѣ: будетЪ которая ссылка по допросу скажетЪ, что онЪ про такое дѣло слышалЪ отЪ людей, а самЪ того дѣла не вѣдаетЪ, и та ссылка не вЪ ссылку. ИгралЪ тотЪ карло Захарко сЪ ИваномЪ Со-

ловцовымъ съ робяты, и пихнулъ его карла стуломъ Иванъ Соловцовъ, и переломилъ ему два ребра; а я, холопъ твой, того по пріѣздѣ Думнаго Дворянина Ѳедора Прокофьевича Соковнина, и Думнаго Дьяка Василья Семенова въ Лаишевъ, не вѣдалъ, что переломилъ ему два ребра Иванъ Соловцовъ; а допрашиванъ ли онъ Иванъ, или нѣтъ, и очистилъ ли онъ меня, или заперся, и даналь ему Ивану съ тѣмъ карломъ очная ставка, того всего я, холопъ твой, не вѣдаю. Онъ же карло рѣчи свои рознилъ: въ первой сказкѣ передъ твоими, Великаго Государя, Бояры сказалъ, будто я, холопъ твой, вытолкнулъ его изъ палаты черезъ порогъ въ другую палату; а въ другой сказкѣ, что сказалъ вору Давыдкѣ, что онъ былъ боленъ отъ моихъ, холопа твоего, побой; а въ третьей сказкѣ разсказалъ костоправу, и прибавилъ, будто я, холопъ твой, переломилъ два ребра; и противъ вашего, Великаго Государя, вышеписаннаго указу и Уложенья виненъ въ воровствѣ онъ съ воромъ Давыдкомъ, и вѣрить

имъ

имЪ противЪ Уложенья не доведется. МнѢжЪ, холопу твоему, твой Великаго Государя указЪ сказанЪ, что по тому розыску объявилась будто моя ложь и неправда, и моей, холопа твоего, лжи и неправды во всемЪ вышеписанномЪ челобитьѢ не объявилось, свидѢтельствуюсь ГосподомЪ БогомЪ и Его угодники, ПисаніемЪ и вашими Государскими указы и УложеньемЪ, а не изЪ своего разумишка выбираю себѢ на избавленіе. МнѢжЪ, холопу твоему, вина сказана, какову я далЪ сказку вЪ ЛаищевѢ ПолуголовѢ АлексѢю Лужину за своею рукою, что книги лечебныя на СлавянскомЪ языкѢ, вЪ которой многія статьи приписываны цыфирью, которую книгу будто укралЪ у меня человѢкЪ мой Ивашко Еврей, у меня нѢтЪ, и не крадывалЪ, и вЪ домишкѢ лечебныя книги нѢтЪ. А человѢкЪ мой Ивашко Еврей у пытки вЪ разспросѢ сказалЪ, что будто я у себя вЪ домишкѢ сЪ ДумнымЪ ДьякомЪ, сЪ ЛаріономЪ ИвановымЪ, смотрѢли книги лечебныя, а говорили будто: принесли де ко мнѢ книгу, годится ли де она вЪ аптеку, и смо-

тря отдалъ Алхимисту Ивану Ефимьеву, и велѣлъ отнесть въ аптеку и отдать Дьяку Ивану Патрекѣеву, и показавъ Докторамъ, и будетъ годится та книга, и ееъ держали въ аптекѣ; а будетъ не годится, и ееъ, показавъ Докторамъ, сжечь; и какъ будто Алхимистъ тое книгу отъ меня изъ палаты вынесъ, и онъ Ивашко тое книгу у того Алхимиста взялъ, и та де книга у жены его Ивашковой въ Лаишевѣ положена, и въ ларчикѣ схоронена въ сѣняхъ подъ мостомъ, въ присылку Алексія Лужина. И по тѣмъ разспроснымъ рѣчамъ человѣка моего Ивашка Еврея будто моя, холопа твоего, вина и о книгѣ сказка объявилась ложна, и какъ я, холопъ твой, въ сказкѣ своей написалъ, что человѣкъ мой Ивашко Еврей у меня книги лечебныя не крадывалъ, такъ противъ моея сказки и въ дѣлѣ явилось, по которому дѣлу я, холопъ твой, обвиненъ невинно. Алхимистъ Иванъ Ефимьевъ въ допросѣ сказалъ: далъ ему Ивану человѣкъ мой Игнашка, вынявъ изъ поставца, книжку съ часовникъ, и го-

во-

ворилЪ ему Ивану, чтобЪ онЪ тое книжку отдалЪ вЪ аптеку Дьяку Ивану Патрекѣеву, и вЪ передней палатѣ ту книжку взявЪ у него Ивана человѣкЪ мой Ивашко Еврей, и положилЪ вЪ зѣпь кЪ себѣ, и онЪ де ИванЪ у него Ивашка просилЪ недѣль сЪ шесть безпрестани; и Ивашко де Еврей ему Ивану сказалЪ, что онЪ той книжки ему не отдастЪ. А тот г. АлхимистЪ не сказывалЪ, что я, холопЪ твой, послалЪ сЪ нимЪ книжку кЪ Дьяку Ивану Патрекѣеву, и велѣлЪ сжечь; да и человѣкЪ мой Игнашка не приказывалЪ же сЪ АлхимистомЪ, чтобЪ тое книжку сжечь же. А какая та была межЪ ихЪ книжка, и я того не вѣдаю; И сказка, Великій Государь, моя, холопа твоего, объявилась права, а не лжива, какЪ вЪ сказкѣ моей написано, что у меня человѣкЪ мой Ивашко Еврей не крадывалЪ, такЪ и вЪ дѣлѣ явилось; взялЪ у Алхимиста, а не у меня укралЪ. А что противЪ того людишки мои, Ивашко Еврей и Игнашка, разспрашиваныль, или нѣтЪ, какая та была межЪ ихЪ книжка, и что вЪ кра-

жѣ

жѣ Ивашко послѣ допроса говорилъ; того не вѣдаю; а вина мнѣ, холопу твоему, сказана, а моей вины нѣтъ. Взялъ человѣкъ мой Ивашко у Алхимиста, а не укралъ; да и по тому разспросу человѣка моего Ивашка можно знать, что онъ говорилъ на себя внѣ себя, какъ будто книжку казалъ я Думному Дьяку Ларіону Иванову, и говорилъ, принесли де мнѣ книжку, годитсяль де она въ аптеку: и мнѣ, холопу твоему, Думному Дьяку для чего было книжка казать, вѣдаючи подлинно, что Думный Дьякъ Ларіонъ Ивановъ Докторскихъ и Медицинскихъ и Алхимистскихъ наукъ неискусенъ; да и Докторамъ, Великій Государь, показывати не для чего: такожде всѣ Доктора Славянскаго письма и разума неискусны. А Божій законъ, и вашъ Великаго Государя указъ, и Соборное Уложеніе, рабамъ безъ свидѣтелей благихъ вѣрить не повелѣно и въ малыхъ дѣлахъ, не токмо въ такихъ великихъ затѣйныхъ. Мнѣ же, холопу твоему, вина и неправда сказана, какъ въ присылку Але-

ксія Лужина обыскивалъ на двориш-
кѣ человѣка своего Ивашка Еврея книгъ
и писемъ осматривалъ и обыскивалъ,
и въ ларчикѣ, которой былъ во вре-
мя того осмотра, стоялъ подъ голо-
вами у постели Ивашковой жены его,
было въ томъ ларчикѣ, и ту книгу
та Ивашкова жена по приказу мужа
своего въ Лаишевѣ сожгла; и естьлибъ
та книга была не дурная, для чего бы-
ло тое книгу подъ мостомъ хоронить
и жечь? И какъ по твоему Великаго
Государя указу въ Лаишевъ присланъ
былъ Полуголова Алексій Лужинъ
для людишекъ моихъ и для лечебныя
книги, и я, холопъ твой, ему ска-
залъ, какъ писано о книгѣ въ сказкѣ
моей; ему же Алексію многое время
говорилъ подъ твоимъ, Великаго Госу-
даря, страхомъ, чтобъ онъ пошелъ
тотчасъ въ рухлядишки мои и пере-
смотрѣлъ, и обыскалъ вездѣ на дво-
ришкѣ моемъ, и къ человѣченку мо-
ему Ивашку на дворишко пошолъ
обыскать: и онъ Алексій не послу-
шалъ, и осматривать и обыскивать
не пошелъ. А кто, Великій Государь,
имѣетъ совѣсть нечисту въ какомъ
дѣлѣ,

дѣлѣ, долженъ то дѣло сохранить, а не на смотръ даетъ свободно всякому смотрѣть, какъ бы грѣхъ и вину свою ухоронить. А что человѣкъ мой Ивашко Еврей и жена его сказали, Ивашко сказалъ: въ сѣняхъ подъ мостомъ, а жена его сказала у постели подъ головами, и они рѣчи свои рознили, и говорили страха ради пытки. Въ тѣхъ мѣстахъ обыскивалъ я, холопъ твой. А какъ по твоему Великаго Государя указу прiѣзжали Думный Дворянинъ Θеодоръ Прокофьевичь Соковнинъ, и Думный Дьякъ Василiй Семеновъ, и человѣка моего Ивашка Еврея въ дворишкѣ его, гдѣ онъ былъ поставленъ, осматривали и обыскивали, и ларчика вышеписаннаго, въ которомъ они книжку будто схоронили, не нашли, а схоронила тотъ ларчикъ и не сказала Думнымъ человѣка моего Ивашка жена его; а при самомъ ихъ отъѣздѣ изъ Лаишева нашли они Думные тотъ ларчикъ въ самомъ нужномъ мѣстѣ. По моей же, холопа твоего, къ нимъ присылкѣ, а по извѣту человѣка моего Никонка Павлова, а того всего вышеписаннаго

я, холопъ твой, какая у нихъ была книжка и какъ сожгли, не вѣдалъ, и человѣкъ мой Ивашко Еврей и жена его на меня у разспроса и пытки не говорили, что я о той книгѣ вѣдалъ, что у нихъ есть, и жечь ее не приказывалъ; да и того не вѣдалъ, что жена его сожгла по приказу мужа своего, и то слово человѣкъ мой Ивашко Еврей кровію и смертію своею закрѣпилъ. И въ томъ, Великій Государь, винны мужъ и жена: мужъ велѣлъ, а жена сожгла; а моей, холопа твоего, предъ тобою, Великимъ Государемъ, вины и неправды нѣтъ. Мнѣ же, холопу твоему, твой, Великаго Государя, указъ, вины и неправды сказаны, что я съ Думнымъ Дьякомъ, съ Ларіономъ Ивановымъ, книги, про которую сказалъ человѣкъ мой Ивашко Еврей, не читалъ, и въ аптеку съ Алхимистомъ съ Иваномъ Ефимьевымъ не посылывалъ. А Думный Дьякъ Ларіонъ Ивановъ сказалъ: показывалъ де ему Ларіону книжку величиною въ часовникъ, и при немъ въ аптеку послалъ, а съ кѣмъ, того не упомнитъ. И какъ прежде сего въ сказкѣ моей,

 холо-

холопа твоего, писано, что я съ Думнымъ Дьякомъ Ларіономъ Ивановымъ тое книги, что писаны многія статьи цыфирью, не читалъ, и у меня цыфирной книги лечебника и на Славянскомъ языкѣ не бывало; потому что цыфирныхъ книгъ не учился, а и Думный Дьякъ Ларіонъ Ивановъ со мною по цыфири ни по какой книгѣ не читывалъ; а читали книгу масламъ, порошкамъ и обще всѣмъ лѣкарствамъ, что состроены въ новую аптеку для цѣны, чтобъ лишняго сверьхъ устава не имали. А и Думный Дьякъ Ларіонъ Ивановъ сказалъ: смотрѣлъ книгу, а съ кѣмъ я, холопъ твой, послалъ, того не упомнитъ, и что видѣлъ: благое ли, или злое, и приказалъ ли я сжечь, или нѣтъ, того всего въ сказкѣ его нѣтъ. А я, холопъ твой, очищаюсь не хитростію, какъ есть правда, не токмо предъ лицемъ Государскимъ хитро что изнести, аще изгнанъ неростно ненависти и зависти и злобы ради на послѣднюю черту государства твоего, гдѣ обитаютъ языки, незнающіи Бога; однако же не могу въ челобитьѣ своемъ

емъ написати лжу. Естьли будетъ воля твоя Государская, повели спросить въ аптекѣ, прежде моего, холопа твоего, сидѣнья книга о цѣнѣ на двуязыкахъ, на Славянскомъ и на Латинскомъ, была ли, или не была? Тое книгу мы, я, холопъ твой, и Думный Дьякъ Ларіонъ Ивановъ, смотрѣли, а не лечебника, и та книга и нынѣ въ аптекѣ. А вышеписаннымъ винамъ и неправдамъ и съ его сказки мнѣ, холопу твоему, вина и неправда наведена, которымъ винамъ и неправдамъ не токмо словомъ, или дѣломъ, но и помышленіемъ не виненъ, а раззоренъ туне. Мнѣжъ, холопу твоему, сказано, что той книги безъ указа твоего, Великаго Государя, и безъ розыска жечь не довелось, по тому, естьлибъ въ той книгѣ по моему, холопа твоего, или Докторскому осмотру объявилось худо, и мнѣ де было на того человѣка извѣстить тебѣ, Великому Государю, а безъ розыска жечь было ее не довелось, помня страхъ Божій, и твой, Великаго Государя. И я, холопъ твой, книгу въ аптеку не посылывалъ и

жечь ее не веливалЪ, и гдѢ мое, холопа твоего, то слово, что я приказалЪ сжечь? И Думный ДьякЪ Ларіонъ ИвановЪ, и АлхимистЪ ИванЪ ЕфимьевЪ, на меня того не сказали, что я велѢлЪ сжечь; а человѢкЪ мой Ивашко Еврей первыя рѢчи свои перемѢнилЪ, а сказалЪ, что онЪ женѢ своей приказалЪ сжечь; а жена его сказала, что она по приказу мужа своего сожгла; а безЪ вины моей вина наведена, кромѢ сиротЪ моихЪ вЪ ихЪ винахЪ, на меня, холопа твоего. А вЪ твоемЪ, Великаго Государя, указѢ, и вЪ СоборномЪ УложеньѢ, вЪ 22 главѢ, вЪ 100 статьѢ напечатано: на которыхЪ людей учнутЪ говорить вЪ разспросѢ до пытки, а сЪ первыя, и сЪ другія, и сЪ третія пытки сЪ нихЪ учнутЪ сговаривати, и тому сговору вѢрить, и первыя рѢчи отставливать, а вины сказывать, буде вина есть, по послѢднимЪ рѢчамЪ. А человѢкЪ мой, холопа твоего, Ивашко Еврей сЪ пытки умерЪ, а говорилЪ, что онЪ женѢ своей велѢлЪ сжечь; и послѢднія его рѢчи отставлены, чѢмЪ было быти мнѢ, холопу твоему, противЪ

тивЪ твоего , Великаго Государя ,
указа и Уложенья праву. А вина ска-
зана по первымЪ человѣка моего Ива-
шка Евреи рѣчамЪ, что, помня страхЪ
Божій и вашЪ Государскій , книги жечь
не велѣлЪ; а я тое книгу и не зналЪ
и не знаю , не токмо жечь велѣлЪ; и
я , холопЪ твой, противЪ твоего ,
Великаго Государя , указа и Соборнаго
Уложенья , и по послѣднимЪ рѣчамЪ
человѣка своего свободенЪ отЪ вины.
Рабу безЪ свидѣтелей вѣрить не по-
велѣно. А извѣщать было мнѣ , хо-
лопу твоему, нечего и не на кого и
не умѣю , и ДокторамЪ казать было
не для чего , потому что они Сла-
вянскому реченію неискусны , и рѣчи ,
Великій Государь , всѣ вышеписанныя
противны БожіимЪ и вашимЪ Госу-
дарскимЪ законамЪ. А страхЪ Божій
и вашЪ , Великаго Государя , имѣлЪ и
имѣю , и имѣти буду до послѣдняго
моего издыханія; а раззоренЪ странно
и учиненЪ нищимЪ кромѣ вины. Кто
бы , благочестивый и милостивый Ве-
ликій Государь , многое богатство, зла-
то и ризы многоцѣнныя далЪ мнѣ , и
за сія хотѣлЪ бы взяти очи мои ,

далъ ли бы я? И аще бы далъ, тогда бы былъ безумнѣйшій паче всея твари. Аще же тако щажу око тѣлесное, и вся противу его ничтоже вмѣняю, то кольми паче достоинъ хранити око душевное ума, да не будетъ затмѣнно. Не хотѣлъ бы я, холопъ твой, за сію малую книгу лечебникъ наслѣдіе отца моего и прижитки, такожде и мои службами и работами, и кровавыми моими потами, и трудами нажитыя погубити, и раззореніе и муку терпѣти, какъ нынѣ пріемлю; и видя вашу Государскую милость, и будучи у такихъ великихъ дѣлъ, держалъ бы то, что Богу не угодно, или лечебникъ. По вашей Государской милости было кому лечить, кромѣ домовыхъ лечебниковъ, и могъ бы я, холопъ твой, естьли бы была такая книжка, и видѣлъ бы, что въ ней злое, и не показавъ бы Думному Дьяку Ларіону Иванову, и Дьяку Ивану Патрекѣеву, и Докторамъ на свидѣтельство, и не посылая въ аптеку съ Алхимистомъ, въ домишкѣ своемъ безъ свидѣтелей сжечь. А что со всѣми вышеписанны-

ии противЪ законовЪ БожіихЪ и ва-
шихЪ ГосударскихЪ я не ставленЪ, и
суда и очныя ставки мнѢ не дано, и
вЪ томЪ воля твоя, Великаго Госуда-
ря. Сироты мои и раба моя взяты кЪ
очнымЪ ставкамЪ, а я, холопЪ твой,
за что не взятЪ? ПротивЪ моей же
холопа твоего, ссылки, отцевЪ мо-
ихЪ духовныхЪ, Преосвященнаго Архі-
епископа Симеона Тверскаго, и Ус-
пенія Пресвятыя Богородицы Собора
Протопопа Кондрата не допрошено
и не повѢрено; Думнаго Дворянина,
Өедора Прокофьевича Соковника, да
Думнаго Дьяка Василья Семенова, что
они осматривали книги, которой не
бывало, не повѢреножЪ обыску о той
же книгѢ. А вЪ обыску было твоего,
Великаго Государя, двора СтряпчихЪ
два человѢка, ДворянинЪ Московскій,
девять человѢкЪ людишекЪ моихЪ,
которые непрестанно жили у меня,
холопа твоего, вЪ томЪ же дѢлѢ Дум-
ный ДьякЪ ЛаріонЪ ИвановЪ, ДокторЪ
СтефанЪ, Николай переводчикЪ,
ИванЪ СоловцовЪ, и всего было 21 че-
ловѢкЪ; яжЪ, холопЪ вашЪ, по вашей
Государской милости еще вЪ то время

былЪ вЪ БоярахЪ. И всѢмЪ вышеписаннымЪ 21 человѢку не повѢрено еще, и вашЪ, Великаго Государя, указЪ и Уложенье отставлено, по которыхЪ статьямЪ довелися Давыдко и карло винамЪ и жестокому наказанію; да не токмо, Великій Государь, противЪ твоего, Великаго Государя, указа жестокому наказанію, но и смерти, и то отставлено; а чего ради, того я, холопЪ твой, не вѢдаю; а сиротинѢ домишка моего единому и лѢкаришку непотребному, новокупленному, вору наученному, тѢмЪ повѢрено, и чрезЪ законы Божіи и ваши Государскіе, и чрезЪ всякую мою правду и безвинность, и чрезЪ всякія мои и отца моего великія службы, какЪ писаны вЪ челобитьѢ моемЪ кЪ тебѢ, Великому Государю, вЪ первой моей, холопа твоего, челобитной, а раззоренЪ странно и всеконечно, не имѢя вины. Божественному ли Великій Государь, Писанію, и вашимЪ ГосударскимЪ указамЪ вѢрить, или ворамЪ и плутамЪ и составщикамЪ, лѢкаришку одному, и сиротѢ карлу увѢчному, порожденію ехиднину? Чего и помыслить не возмож-

можно, что на меня, холопа твоего, видя милости и помощи и заступленія отлученна, затѣяли! А сверьхъ сего вышеписаннаго свидѣтельствуюсь Господемъ Богомъ, что неусыпнаго Его не утаится очесе, и прежде, неже грѣхъ содѣяти, видя душу, не требуетъ свидѣтелей, иже вся вѣдый, какъ на страшномъ Его Божіи судѣ стати, и помышленіемъ своимъ отъ сихъ дѣлъ чисту, и ничтоже бываемыхъ свѣдущу, что нанесено тебѣ, Великому Государю. А въ лѣта благочестивыя державы отца твоего Государева, Великаго Государя, ближнему Боярину Князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому въ маломъ дѣлѣ данъ судъ въ двухъ пустошахъ, самъ отецъ твой Государевъ, блаженныя памяти присноспоминаемый Великій Государь, слушалъ съ Бояры челобитья его, и Келаря Троицкаго допрашивалъ; а мнѣ, холопу твоему, и съ рабы моими и съ доводчикомъ воромъ лѣкаришкомъ, плутомъ наученымъ, суда и очныя ставки не дано, не токмо передъ Бояры, но и особно никто мнѣ, холопу твоему, судіею по твоему Вели-

каго Государя указу не учиненъ. Но въ пустошахъ ваша Государская милость, честь моя Боярство и сынишка моего чинъ, домы, животы, отчины, помѣстья, люди, всѣ безъ остатка отняты безъ суда, и очныя ставки безо всякія моей, холопа твоего, вины и по се время не могу упросить милости у тебя, Великаго Государя, и бѣду терплю четвертый годъ напрасно, и къ тому же раззоренію и мѣсто указано, гдѣ прежде времени со всякихъ нуждъ умрети напрасно. Ближній Бояринъ, Князь Никита Ивановичь Одоевской, малой обиды о двух пустошахъ не могъ презрѣти, билъ челомъ: я ли, холопъ твой, престану? Ни до дне смерти моея: тлѣнное мое, холопа твоего, имѣніе и погибающее богатство идетъ, еже вся оставляти здѣ, что и есть, якоже родихся нагъ, такъ нагъ и отходити имамъ; ничтоже отъ сихъ съ собою взимлю, но вѣчный животъ и безсмертную славу и душу, еяже ничтоже дражайше можетъ быти; да не оставлю сего, что на меня, холопа твоего, воръ съ ворами затѣялъ.

Же-

Желаю и милости прошу, и тобою, Великимъ Государемъ, отъ поношенія сего себя и червя своего очистить, въ законѣ оскорбленъ, чему статися не возможно, тому повѣрено. Глаголетъ Божественный Апостолъ Павелъ: добро ми паче умрети, нежели похвалу мою да упразднитъ кто: не рече законъ, но похвалу. Или я, холопъ твой, оставлю то, что на меня затѣяно и нанесено тебѣ, Великому Государю? Мнѣ, холопу твоему, законъ паче, нежели честь и нажитки. Помнилъ, и помню, и помнити не престану до разлученія души моея реченное слово всевысочайшаго и всесильнѣйшаго Христа Царя и Бога: Аще кто исповѣсть мя предъ человѣки, исповѣмъ его и азъ предъ Отцемъ моимъ, иже есть на небесехъ. И паки: Аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, и не піете крови Его, не имате видѣти живота въ себѣ во вѣки. Какъ въ первой моей, холопа твоего, сказкѣ, что далъ я въ Лаишевѣ Думному Дворянину Ѳедору Прокофьевичу Соковнину, да Думному Дьяку Василью Семенову, хотя они меня и разспра-

спрашивали со всякимЪ устрашеніемЪ; сиротины моего извѣтомЪ. А какЪ вины и неправды сказываны вЪ Казанѣ, которыми я, холопЪ твой, не виненЪ, и вЪ то время извѣтЪ вора наученаго Давыдка чли, а не сиротины моего карла, и вЪ то время сказалЪ, что я, холопЪ твой, всегда сЪ I[illegible]гомЪ, и вЪ томЪ свидѣтельствовался я отцами своими духовными, и частымЪ исповѣданіемЪ, и пречистыми тайны, и тому Великій Государь не повѣрено, или не осмотрѣно, или вЪ реченіи громогласія затѣснено. А которые вЪ такихЪ явныхЪ дѣлахЪ обличены, и вынято ихЪ воровство, и тѣмЪ милость отца твоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, показана, и не отнято у нихЪ ни чести ихЪ, ни домы, ни пожитки; а я, холопЪ твой, не виненЪ, а раззоренЪ туне безЪ вины. Кому, Великій и милостивый Государь, повѣрено? Пьяному вору и нехранителю чести своему Великому Государю, и недоброхоту, Датскому Нѣмчину, который будучи на Москвѣ при васЪ ВеликихЪ ГосударяхЪ, Государю своему

ему какія прислуги учинилЪ на вѣчную славу, только что онЪ пьяница былЪ, вездѣ ругались, отЪ всѣхЪ друзей его возили, чрезЪ лошадь и чрезЪ сѣдло перекиня пьянаго, вЪ коретѣ, положа верьхЪ ногами пьянагожЪ. Петру Марселсу пьянЪ разрѣзалЪ рюмкою горло, чаять отЪ того и скончался. Томасу Келдерману шандаломЪ пьянЪ голову пробилЪ; меня, холопа твоего, пріѣхавЪ ко мнѣ вЪ домишко, по наученію моихЪ благодѣтелей, своихЪ друзей, обезчестилЪ, и чрезЪ ближняго Боярина Князя Юрья Алексіевича Долгорукова перепросилЪ, чтобЪ я, холопЪ твой, тебѣ Великому Государю на него не билЪ челомЪ, и иныя многія нестроенія зазорныя чинилЪ; а больше сего своему Государю чести и прибыли не учинилЪ. А вЪ обычаяхЪ, Великій Государь, всѣхЪ васЪ ВеликихЪ Государей, вашихЪ великихЪ и полномочныхЪ ПословЪ и ПосланниковЪ, и РезидентовЪ, и посланныхЪ, и гонцовЪ, повелѣнія и указЪ и свои обученые искусы вЪ себѣ имѣютЪ во украшеніи нравовЪ, отступанія, и отЪ поклоновЪ, и отЪ

взора и отъ гласа въ реченіи тихомъ и отъ слова любовнаго и удивительнаго, и просто рещи, яко всему образу вездѣ являшися достоитъ, и удивити имъ мощи зрящихъ и слышащихъ. И сего ради, Великій и милостивый Государь, не токмо вы, Великіе Государи, но и ваши Государственные народы, и сами Посольскія особы отъ того пріемлютъ великія славы и похвалы; а онъ пьяница, будучи въ государствѣ вашемъ, Великихъ Государей, только славы учинилъ, какъ его возили пьянаго отъ пьяныхъ, а робята вопили въ слѣдъ: *пьяница! пьяница! шишь на кокуй!* И сему пьяному повѣрено. Чего ради я, холопъ твой, съ нимъ не ставленъ и не допрошенъ? Будетъ бы я, холопъ твой, забылъ страхъ Божій, и вашу Государскую премногую и неизреченную милость, дерзнулъ безумствомъ своимъ такъ учинить, какъ онъ затѣялъ, достоинъ бы былъ смерти поносной на многое время; а будетъ онъ пьяный чьимъ наученіемъ, или обнадеживаніемъ злолукавыхъ человѣкъ затѣялъ, какъ уже то его коварство и

съ

съ прочими вашему Государскому лицу и слуху предстало, что онъ своровалъ, съ наученія затѣялъ: за что онъ воръ не возвращенъ съ пути? За что на него Государю его не написано о его воровствѣ? Вѣсть Господь Богъ помышленія человѣческая; ей ей истинно пишу и милости прошу. Сокрушаетъ кости моя милость ваша Государская; жалѣю паче своего раззоренія, что не къ славѣ разсмотренію одной мысли и совѣту и наученія Датской Нѣмчинъ воръ съ воромъ Давыдкомъ многія лѣта тотъ пьяница Нѣмчинъ жилъ на Москвѣ, ничего на меня, холопа твоего, не извѣщалъ. А какъ по твоему Великаго Государя указу отпущенъ съ Москвы и отъѣхалъ далеко въ путь, сталъ ядъ испущати по наученью за злобу свою, что я ему въ дѣлѣхъ его неподобныхъ не молчалъ. Такожде и Давыдко воръ того же совѣту и разума и наученія оставленъ былъ на иное время доводить, а не съ нимъ пьянымъ, чтобъ тебѣ, Великому Государю, не явенъ былъ ихъ совѣтъ и лукавство, за что я, холопъ твой, не ставленъ съ ни-

ми воры и очныя ставки и суда съ ними воры не дано. Всѣмъ по твоему Великаго Государя указу судъ, а я, холопъ твой, отъ суда и очныя ставки сосланъ безвинно. Воръ Стенька Разинъ какое раззореніе государству вашему Великихъ Государей учинилъ, какіе городы побралъ, какія крови Христіянскія невинныя розлилъ и церковные входы и помосты кровьми ихъ обагрилъ, сколько вдовъ чистыхъ и дѣвъ нескверныхъ посквернилъ, колько младенцевъ отъ сосецъ матернихъ погубилъ многообразно, и на какой конецъ тому дѣлу тщился, естьли бы не всемилосердый Господь Богъ тому проклятому препону въ совѣтѣ его зломъ положилъ заслону вашими Государскими ратьми, съ которыми поспѣшилъ вашъ Великихъ Государей ближній Бояринъ и Воевода Князь Юрій Алексіевичь Долгоруково съ товарищи, и явнымъ милосердіемъ въ руки слабыя Донскимъ козакамъ предалъ, а въ томъ дѣлѣ работишка моя, холопа твоего, была. Прежде взятья Астрахани писалъ я, холопъ твой, къ отцу твоему Великому Госуда-

сударю въ Троицкой походъ, чтобъ его вора Стеньку изъ Астрахани не отпущать для многихъ его воровскихъ причинъ, какъ онъ первое ходилъ на море, и есть, Великій Государь, тому и свидѣтели, только нынѣшняго ради твоего Государскаго гнѣва и опалы, и всеконечнаго моего невиннаго разворенія, умолчатъ, и тебѣ, Великому Государю, не извѣстятъ. А чаю я, холопъ твой, что въ Приказѣ тайныхъ дѣлъ рука моя, холопа твоего, о томъ дѣлѣ есть. И тому вору и разорителю и мыслящему всякое зло данъ по вашему Государскому указу судъ, Бояре все на земскомъ дворѣ разспрашивали, и брата его и иныхъ, и очныя ставки давали; вора самозванца, которой именемъ брата вашего, блаженныя памяти Великаго Государя Царевича и Великаго Князя Симеона Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, назвался въ запорогахъ, и къ какимъ кровямъ и разоренію учало доходить? Якъ, холопъ твой, служа вамъ Великимъ Государемъ, сколько всепремудрый Господь Богъ вразумилъ вашими Государ-

 ски-

скими жестокими и милостивыми часстыми указы привлекЪ юзами на тотЪ же земской дворЪ, и Бояре вЪ томЪ же земскомЪ дворѢ разспрашивали, и вътѢмЪ вышеписаннымЪ ворамЪ по вашему Государскому указу и по уложенію данЪ судЪ; а я, холопЪ твой, по вашей Государской милости былЪ вЪ БоярехЪ, и новѢрено было паче всего вЪ вашемЪ ГосударскомЪ здоровьѢ, кромѢ вашихЪ ГосударскихЪ великихЪ дѢлЪ, и былЪ многое время вЪ работахЪ своихЪ непрестанныхЪ, какЪ вЪ первой моей, холопа твоего, челобитной о томЪ написано. Когда ненависть и злоба не имѢла силы, ни судимЪ предЪ вашими Государскими Бояры, еще будучи вЪ БоярехЪ и тоже лику, ни отвѣта о себѢ сого творилЪ, осужденЪ и посланЪ такЪ холопЪ твой сЪ Москвы, что и весла кормоваго не дано и до Коломенскаго брелЪ безЪ весла, кормою и носомЪ переворачивало, показали образЪ, что впредь мнѢ, холопу твоему, будетЪ. СвидѢтель ми есть ГосподьБогЪ, что не лгу: видя богобоязливые и Христолюбивые люди мою невинную бѢду, и

по-

помня страхъ и законъ Божій, не токмо удивились, но и прослезились, видя такъ немилосердо отъ твоея Государскія милости кромѣ всякихъ нашихъ винъ отторженныхъ и посланныхъ на заточеніе. А я, холопъ твой, кромѣ работъ своихъ всегдашнихъ во вся лѣта своя, къ чести, къ славѣ и къ повышенію имени вашего Государскаго, къ пространству государства вашего, ко урядству всякихъ ратныхъ строевъ и къ собранію прибылей и окладу у многихъ денегъ и золотыхъ и ефимковъ, ничего злаго не учинилъ; а и въ дачахъ въ расходъ съ самымъ береженьемъ не токмо въ вашихъ Государскихъ домовыхъ расходѣхъ, но и въ Посольскихъ пріѣздахъ въ расходъ съ великимъ береженіемъ берегъ, и тому свидѣтельствуетъ расходная книга, что до моего холопа твоего сидѣнья великимъ Посломъ и посланникамъ и гонцамъ и посланцамъ Гетманскимъ давано, и что при моемъ сидѣньи тому же свидѣтельство береженію вашія Государскія казны; что денегъ и золотыхъ и ефимковъ собрано, и объявилъ те-

 бѣ,

бѣ, Великому Государю, по преставленіи въ вѣчную жизнь блаженныя памяти отца твоего Государева, Великаго Государя, и искалъ вамъ Великимъ Государемъ всякаго благополучія, а злаго ничего не мыслилъ и не совѣщалъ, свидѣтель ми есть всевидящее Око. Аще ли же не тако, но нѣчто лукаво о мнѣ, холопѣ твоемъ, изъищутъ въ вашихъ Государственныхъ великихъ дѣлѣхъ судомъ правымъ, законами Божіими и вашими Государскими, и свидѣтельми благими, не вели милости сотворить; аще ли кто не токмо слово, или дѣло мое лукавое, аще и мысли моей кто будетъ вѣдатель и истязатель, долженъ стати суду и дати отвѣтъ; аще ли не буду оправданъ вышеписанными законами и свидѣтели, да буду смертію жестокосердою скончанъ, да мещутъ составы моя на всякой день псамъ на растерзаніе, да и прочіе образъ видя страхъ пріимутъ; аще ли благочестивый Великій Государь кто отъ ненавидящихъ и отъ злобствующихъ не станетъ со дерзновеніемъ и свидѣтели благими мнѣ на обличеніе. Умилися,

ся, благочестивый Великій Государь! за что раззоренъ и учиненъ нищимъ и стражду и умираю туне четвертое лѣто, не имѣя вины? Кому, Великій Государь, повѣрено? Воръ Давыдко, избывая бѣды своей и хотя тѣмъ доводомъ отъ правежу быть свободенъ, по наученію сталъ доводить. Глаголетъ Мудрость: отъ изхода словесе знается мужъ. Онъ воръ козн ствуетъ на истинну, коварство его явлено всѣмъ, какъ напрасно наученъ и какъ явѣ познался, якоже тьма нѣсть свѣтъ, тако ниже лжа истинна. Никто, Великій и милостивый Государь, порицаемъ о прелюбодѣйствѣ, отвѣтъ даетъ о татьбѣ. Давыдка вора бьютъ на правежѣ въ долгу, а онъ твое Великаго Государя дѣло на насъ сказываетъ, и время сказалъ тому назадъ два года, и сему повѣрено, кто не вѣсть? Кто не зритъ ясно сего, яко сіе скоростію сдѣлано, кромѣ законовъ и правды отнятіе превеликое милости отца твоего Великаго Государя и твое Государское милостивоежъ честь мою Боярство, и сынишка моего чинъ безъ

 ви-

вины за мои, холопа твоего, службы и работы и крови, дворы и животы, прижитые еще прежде меня родичи моими, и мои нажитые за службы и за крови помѣстья и отчины, всѣ въ скоромъ времени въ Казани взяты, а челобитья моего, холопа твоего, словеснаго и челобитной не принято до Пустоозерскаго острогу годъ, или слишкомъ. А принявъ челобитную къ тебѣ, Великому Государю, твоего Государскаго милостиваго указу за безвинность свою и за службы и крови и непрестанныя свои работы, и за великія свои прибыли не дождусь, какъ обычай во тмѣ сѣдящимъ свѣтъ видѣть; не вѣдаю, донесеналь до тебя, Великаго Государя, или нѣтъ, годъ и два мѣсяца, и нѣтъ милостиваго твоего указу Государскаго. Общая, Великій Государь, невинность моя, холопа твоего, и Доктора Стефана и переводчика Николая. А какъ, Великій Государь, по вашему Государскому указу мнѣ, холопу твоему, невинныя вины въ Казани сказываны, и Доктора Стефана и переводчика Николая въ той твоей, Великаго Государя, грамо-

тѣ

тѣ и въ винѣ невинной не именовано, и потому чаяніе мое, холопа твоего, что имъ не такъ учинено одного дѣла, и извѣту воровскаго, какъ надо мною, холопомъ твоимъ, учинено, и въ томъ воля твоя Государская; однакожъ мы холопи твои обидимые должны милости просить какъ винные и невинные. Указы ваши Государскіе писать, которымъ въ равномъ дѣлѣ невиннымъ и въ равномъ дѣлѣ виннымъ не равная милость показана. Глаголетъ нѣкто, Великій Государь, учитель мудрый: истинна и судъ Господь есть; творяй же истинну и судъ Господень есть, а Господь глаголется Богъ. И самъ Господь Богъ рекъ: милостивый человѣкъ уподобися милостивому Богу. Великій учитель Григорій Богословъ глаголетъ: ни чимъ бо тако всѣхъ, яко милостію, Богъ угождается, яко ниже свойственнѣйшее иного сего Богу, Ему же милость и истинна предшествуютъ, и Ему же просительно прежде суда. Въ законѣхъ, Великій Государь, Божіихъ, въ пятыхъ Моисеевыхъ книгахъ вторый законъ писанъ: аще станетъ послухъ не-

неправдивъ на человѣка, има же есть пря предъ судіями, иже будутъ въ тыя дни, и да испытаютъ ихъ судіи прилѣжно, и да не пребудетъ послухъ единъ въ послушество на человѣка по всякой винѣ и обидѣ и по всякому грѣху, иже аще согрѣшитъ, но при устѣхъ двою свидѣтелей, или тріехъ, да станетъ всяко слово. Въ вашемъ же, Великій Государь, указѣ и въ Соборномъ Уложеньѣ напечатано, глава 2, 12 статья: буде кто на кого учнетъ извѣщать ваше Великаго Государя великое дѣло, а свидѣтелей на тотъ свой извѣтъ не поставитъ никого, и ни въ чемъ не уличитъ, и сыскать будетъ про такое дѣло нѣчемъ, и про такое дѣло указъ учинить по разсмотренію. А отецъ твой Государевъ, приснономинаемый блаженныя памяти Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичь, Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, въ двадесять пятое лѣто возраста своего, въ третіе лѣто Богомъ хранимыя своея державы, со Святѣйшимъ Іосифомъ, Патріархомъ Московскимъ и всея Россіи, и со всемъ

освя-

освященнымЪ СоборомЪ и сЪ Бояры и сЪ Окольничими и со всею Палатою и сЪ чины отЪ большаго и нижайшаго совѣтовавЪ о уложеніи книги, которую за благословеніемЪ Божіимъ и его Государскимъ указомЪ учинили и руками утвердили; а первое вЪ предисловіи постановили, что быти суду и расправѣ во всякихЪ дѣлѣхЪ всѣмЪ равно. Повели своей Государской Палатѣ разсмотрѣти и разсудити милосердо; воспомяни Божіе слово, чрезЪ Пророки глаголанное, Исаія глава 5: Егда обрящете мужа творяща судЪ и ищуща правды, милосердЪ буди ему. И Іезекіиль, глава 18, глаголетЪ: Аще снабдитЪ вся заповѣди моя и сотворятЪ судЪ и правду, и вся согрѣшенія, елико будетЪ сотворилЪ, не помянутся ему. Кая милость, благочестивый и милостивый Великій Государь отЪ Бога, и присвоеніе кЪ Нему, и чаяніе воздаянія отЪ Него, видя меня невиннаго разорити и совлещи сЪ меня единаго неимѣющаго помощи, и облещи другихЪ, которые и безЪ кровавыхЪ моихЪ пожитковЪ были изобильны? Ни кій же прибытокЪ

шолько непрестанныя слезы ко Всевысочайшему на обидимыхЪ. Кая слава, кая похвала, что меня, холопа твоего, сЪ червемЪ моимЪ и сЪ сироты уморишь гладомЪ за работы мои, но за едину ненависть и злобу, приносимую кЪ тебѢ Великому Государю неправедно? На которыхЪ вамЪ ВеликимЪ ГосударемЪ, отцу твоему Государеву, блаженныя памяти Великому Государю, и тебѢ Великому Государю бивали челомЪ городами, уѢздами и иными многими особными челобитьями, и тѢмЪ ваша Государская милость показана, не совлекли сЪ нихЪ и иныхЪ не облекли: а я, холопЪ твой, неимѢющій помощи, раззоренЪ завистію, приношеніемЪ присноневраведнымЪ присѢдящій, и укрѢпися гнѢвЪ твой Государской не по винѢ. Сіе како не люто! и отЪ печалей лютыхЪ обливаюся слезами. Кто не восплачетЪ богобоящійся, видѢвше сія? А больщи сего бити челомЪ и писать вЪ челобитьи своемЪ кЪ тебѢ великому Государю не смѢю, и иное слезами моими кровавыми предЪ СотворшимЪ всячеськая затру. Умилостивися, милостивый

Ве-

Великій Государь! воспомяни Божіе слово къ премудрому Царю и правосудному Соломону, еже рече: Занеже не просилъ еси богатства, ниже проси души врагъ твоихъ: но просилъ еси себѣ мудрости и разума, да послушаеши суда, и се сотворю по глаголу твоему: се дамъ ти сердце смысленно и мудрость, якоже не былъ мужъ предъ тобою, и по тебѣ не возстанетъ ни единъ мужъ подобенъ ти во Царѣхъ во вся дни твоя. Умилосердися, благочестивый Великій Государь Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Алексіевичь, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ! воспомяни милость отца твоего Государева, благочестиваго и присноминаемаго блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Государя премилостиваго, и свою Государскую премногую и неизреченную ко мнѣ и къ сынишку моему убогому червю милость; и работы и крови мои, какъ въ первой моей, холопа твоего, челобитной писано, и невинность мою и всеконечную

ную мою бѣду и раззореніе и кровавыя мои слезы видя, возгласи страшнымъ своимъ Государскимъ и праведнымъ судомъ, да исчадія ехидина, пондающія насъ, холопей твоихъ, отъ вашего Государскаго гласа устрашася отбѣгнутъ. Буди яко орелъ высокопаркый, покрый гнѣздо свое, Богомъ дарованное. Премудрый во Царѣхъ Соломонъ въ Притчахъ, глава 20, глаголетъ: Егда Царь сидетъ на престолѣ своемъ, не станетъ противу очію его ничтоже лукаво. И паки той же глаголетъ: милость и истина сбыдетъ престолъ его въ правду, въ родъ и родъ до вѣка, буди буди. Повели, благочестивый Великій Государь развѣяти повелѣніемъ своимъ Государскимъ плевелы ихъ и зло, ихъ ядъ и составы, ложные подавляющіе насъ безвинныхъ холопей твоихъ, помощи и заступленія обнаженныхъ и отторженныхъ, умиленно предъ высокимъ престоломъ вашимъ Государскимъ подражательно со страхомъ отъ усердія нашихъ душъ прилѣжное рабское поклоненіе до лица земнаго, съ горькими и кровавыми слезами множественно полагаемъ, да пре-

престанутъ наши кровавыя, непрестанныя невинныя слезы на обидимыхъ, дондеже къ намъ, холопемъ твоимъ, въ мѣсто плачевное, въ Пусто Озеро, гласъ паки плачевный и толико скорбный, и яко истиннымъ боголюбцемъ не возможно не плакати по писанному: и бысть плачь великъ, воздыхаша начальницы и старцы и юноши и дѣвы, и всякъ сѣдящій въ печали, о преставленіи и о пресѣченіи смертномъ благочестивыя Великія Государыни Царевны и Великія Княжны Ирины Михайловны и отшествіи ея въ небесныя обители. И сего ради преставленія и упокоенія души ея въ царствіи Божіи и ослабѣ души ея отъ грѣхъ, какъ глаголетъ великій учитель святый Григорій Богословъ: Нѣсть бо праведника, иже что неимуща грѣха, аще и единъ день житія его. Паки просимъ милости о своемъ невинномъ газзреніи. Вмѣсто милостыни, глаголетъ святый и великій безсмертный умъ, Аѳанасій Александрійскій: Аще и на воздухѣ во благочестіи скончавыйся положенъ быстъ, не отрицайся масла и свѣчь, Христа Бога призывая

за-

запалити; пріятно бо есть сіе Богу; и многія сія приносяща воздаянія; аще и праведникъ, да мздамъ приложеніе будетъ. Повели возвратити раззореніе наше невинное, даждь славу и благодареніе своему Государскому имени, и вели насъ изъ сего злоключенія взять и жить намъ бѣднымъ, гдѣ твоя Государская премилостивая воля будетъ, чтобъ намъ бѣднымъ и злоключеннымъ прежде времени со всякихъ нуждъ душъ не извлещи. Умилися, пресвѣтлый и милостивый Великій Государь, и виждь, яко смиренны лестію и труждаемся въ бѣдахъ, во гладѣ, въ дыму, въ студени и во всякой нуждѣ. Не ложно холопи твои у тебя Великаго Государя чрезъ кровавыя свои слезы милости просимъ: съ голоду страждемъ и не можемъ части мяса купить; да не токмо, Великій Государь, мяса, или калачъ, или иныхъ потребныхъ нуждъ, ей ей и хлѣба на двѣ деньги купить не добудемъ, нѣтъ и не знаютъ того съ початку, какъ почали по вашему Государскому указу жить въ Пустоозерскомъ острогѣ; единъ борщъ ядятъ,

да

да прибавливаютъ по горсти муки ржаной; и то, Великій Государь, прожиточные люди ядятъ, а убогіе единъ борщъ, да и тотъ не родится въ Пустоозерскомъ, привозятъ съ Ижмы; да не токмо, Великій Государь, купить, милостины имени ради Божія выпросить не у кого: сами межъ себя просятъ, и дать не кому и не чего; и бредутъ врознь глада ради, и достальные Государь въ тотъ же путь смотрятъ. А у меня, холопа твоего, что ни взято было, и тѣ запасенка перемѣнами, переволоками, горами, водами, порогами, потоплено; помочено, погнило, разсыпано, разброcано; разкрадено, съ голоду разтеряно; мало что до Пустоозерскаго довезено, и въ томъ нашемъ безвинномъ раззореніи, и въ такой нуждѣ и голоду; ничтоже намъ, холопемъ твоимъ, чается, точію смерть, послѣдствующая отъ скудости всякой. И сего ради милости просимъ. Аще совершенной милости недостойни и свободить насъ до своего Великаго Государя указу безвинно страждущихъ четвертой годъ и раззоренія нашего

не-

невиннаго возвратити не велишь, вели насъ, холопей своихъ, перевести въ деревнишки наши въ хлѣбныя мѣста, и вели насъ съ сиротами нашими за невинность нашу и раззореніе наше странное, невинное, нищетное, кормить, давать хлѣбъ и денежной кормъ на харчь изъ нашихъ невинныхъ взятыхъ пожитченковъ, какъ тебѣ Великому Государю Господь Богъ милосердый повелитъ. А по вашему Государскому указу и винныхъ и къ смерти приговоренныхъ по винѣ, и тѣхъ кормятъ; а мы, холопи твои, страждемъ и умираемъ съ голоду безвинно, и непрестанно горькими и кровавыми слезами обливаемся, и отмщенія у Господа Бога просимъ на тѣхъ, которые насъ безо всякія нашея вины отлучили отъ вашея Государскія милости и раззорили неправедно, злобы, ненависти и зависти ради. За совѣсть свою неправую мнози, Великій и милостивый Государь, невинны оболгуемы отъ злобы и зависти страдали, не токмо я, холопъ твой, червь, съ червемъ моимъ бѣднымъ, но и благородные величествомъ имени и

Архі-

Архіереи Богу угодившіе, и иные мнози славные укоризну, поношеніе, заточеніе, отЪ мѣстЪ своихЪ воспріяли; да не сіи точію, но и самЪ Спаситель нашЪ досажденія и укоризны пріятЪ отЪ рода лукава: глаголаху оканнніи и тупоумніи: бѣса имать, и лжепророкЪ и ядца и винопійца, мытарямЪ и грѣшникамЪ другЪ, и о Велзеулѣ, князѣ бѣсовстемЪ, изгонитЪ бѣсы, не воспоминая реченнаго слова, еже рече имЪ: испытайте писанія. А мы, холопи твои, уповаемЪ на всемилостивѣйшія щедроты Его, и на тебя, великаго и милостиваго Помазанника Его, благочестиваго Царя; и сія вся со благодареніемЪ терпимЪ, возлагающе вся на Него, судящаго праведно по писанному: моя месть, азЪ воздамЪ, глаголетЪ Господь, вЪ неправдѣ. Правду, благочестивый и милостивый Государь, виждь, и вЪ толикомЪ злѣ плавающимЪ и утопающимЪ человѣколюбіе подаждь и милосердіе; милости, умиленія, отрады просимЪ. Премилостивый Царь Государь! смилуйся.

Третія челобитная егожъ Боярина Артемона Сергѣевича, посланная изъ Пустоозерскаго острога по 189 году съ ссыльнымъ съ Самарскимъ Офицеромъ, съ Васильемъ Пастуховымъ.

Царю Государю и Великому Князю Өеодору Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу, Государю на всей селеннѣй единому Христіянскому, православному, озлобленные странно, и раззоренные до конца и отторженные отъ вашея Государскія превысокія милости безъ вины, и заточенія въ Пуссылкѣ, на послѣдней чертѣ къ Пустому морю, и за карауломъ жестокимъ въ тѣснотѣ сѣдящіи и ни отъ кого помощи и заступленія не имѣющіи, развѣ всесильнаго и всевысочайшаго Царя Царемъ и Бога, и тебя Великаго и милосердаго Государя, бьютъ челомъ холопъ твой, Артемошка Матвѣевъ съ убогимъ червемъ съ сынишкомъ моимъ Андрюшкою предъ высокимъ престоломъ вашего Царскаго Величества верженіемъ главъ нашихъ, лица до лица земли преклоняемъ, и пла-

плачливую пѣснь на землѣ чуждей и зѣло злоубогой и всякой пищи лишенной и горькослезной, непрестанно воздыхающе и стенящe со всякихъ нуждъ отъ жителей, живущихъ на ней, такожъ и мы, холопи твои, тужъ плачевную пѣснь поюще, паки и паки бьемъ челомъ. Великую нѣкую по сердцу Божію избранный мужъ и Царь и царственнѣйшій Пророкъ Давидъ помощь себѣ чувствуя, разгнѣванную, или косную ко услышанію Божію утробу плачемъ своея тѣсноты преклоняетъ, глаголя: Приклони Господи ухо твое, и услыши мя, яко нищъ есмь азъ и убогъ, во скорби сердца моего. Имать бо сіе свойство Божіе, еже присно въ тѣснотѣ просящихъ послушати, отъ него же образъ пріемшіи мы, холопи твои, по Бозѣ убо у высокаго престола вашего Христа Господня падаемъ, обиду и странное раззореніе наше оплакиваючи слезно. Аще бо Богъ о бѣдныхъ слезами удобь примиряется, то кольми тебѣ Христу Его по долгу подобаетъ подражати Помазателя на царство. Въ кія степени велехвальный и славный Царь

Александръ Македонскій, языческій Государь, оружіемъ бывъ предъ многими вои и иныхъ множайшихъ, цѣломудрый же яко воистинну мужъ и Владычнихъ хранитель заповѣдей. И вамъ, Христіянскимъ Великимъ Государемъ обычаями своими подобенъ нѣкогда себѣ вопрошающимъ, вскую бы жалобы, челобитье послушая, едино ухо затворялъ, другое отверсто хранилъ? Славенъ, страшенъ, удивителенъ, умилителенъ, милостивъ отвѣтъ Царь премудрый и ратоборный подаде, рече: Обидимымъ сохраняю; и всю мою мудрость привожу къ познанію благонравія моего. Велія то мудрость, еже благое отъ злаго распознати знаетъ, себѣ вѣчныя славы желая, или воздаянія небеснаго чаяше. Мы, холопи твои, Христіянскаго ушесе обидими у вашего высокаго Царскаго престола просимъ, еже и одержати надежды не погубляемъ, вѣдуще васъ Великаго Государя Христіянскаго Царя памятовать, еже великій Архіерархъ Мелетій Папа, и Патріархъ великаго града Александріи, и блюститель и судія селен-

леннҍй престола Константинопольской славы и учитель глаголетъ: Имҍяй слухъ обидимымъ отворенъ, неправдующимъ же прельщеннымъ, и увҍреннословіемъ затворенни же, усумнҍвайся васъ, земнаго Царя, и небеснаго убо царства желати, еже есть безъ дҍлъ возбранно. Сугубаго плача съ пролитіемъ слезъ прошеніе наше, холопей твоихъ, вамъ Великому Государю внесохомъ; двоякій убо насъ страхъ содержащій: гладъ бо насъ страшитъ смертію, а смерть страшитъ гладомъ. Вопіемъ къ тебҍ, Великому Государю Царю милосердому, по преставленіи въ небесныя обители блаженныя памяти благочестивҍйшаго и во православіи пресвҍтло сіяющаго во Царехъ всея селенныя Христіянъ, Великаго Государя Царя, отца твоего и Великаго Князя Алексҍя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бҍлыя Россіи Самодержца, Государя премилостиваго, въ вҍчную жизнь, шестое лҍто наста, и не услыша насъ, холопей твоихъ, вопіющихъ, вскую, Великій и милостивый Государь, показаны намъ болҍзни, непрестанныя смущенія сер-

децъ, горесть неутѣшимая, страхомъ вашея Государскія опалы, умираемъ на всякое время, противу намъ, холопемъ твоимъ, судъ бысть въ гладѣ, въ жаждѣ, злостраданіи, во хладѣ, въ наготѣ, внѣуду навѣтующая, внутрь уду противодѣющая гоненія, узилища, стражду, яко львы рыкающи, Богу снабдѣвающу, или на горшая держащу бѣдныхъ, хотя мы, холопи твои, и не ради живуту, яко нѣкто написа: не родитися лучше есть, или рожденну вскорѣ умрети, неже злая страдати невиннѣ. Третьею сею челобитною, хотя указу по первой и второй не имѣю, докучати тебѣ, Великому и благоутробному Государю, понуждаюся напросливо. Нужда времени не знаетъ. Надѣемся мы, холопи твои, аще правды ради нашея не будемъ отъ тебя Великаго и милосердаго Государя помиловани, то докуки нуждъ нашихъ ради будемъ пожалованы, что сотворили, чѣмъ прогнѣвали тебя, Помазанника Божія Христіянскаго, православнаго Царя? Какую измѣну учинили, или учинить хотѣли? Кое недоброхотство показали,

ли, или показать хотѣли? О вѣчный всемилостивый Боже! Боже, всея видимыя и невидимыя твари едине Содѣтелю! Ты вѣси сердца содѣтельствованныхъ; Ты вѣси вся прежде бытія помышленія человѣческая, и исповѣсть тыя Тебѣ: аще есть неправда въ сердцѣ нашемъ, воздаждь намъ. И паки, кое благо вамъ Великимъ Государемъ не обрѣтохъ, и коликимъ безчестіемъ безъ вины завидящу поносимъ есмь! Кія болѣзни мимоидоша меня, холопа твоего, въ пожарѣхъ, въ огни, въ ратѣхъ, въ бунтахъ, въ посылкахъ и въ смерти! А нынѣ превзыдоша ми сто кратъ: язвы неизцѣльными уранюся. Въ ратѣхъ отъ вашихъ Государскихъ непріятелей и отъ мечей непріятельскихъ противился, и ваши Государскія рати за помощію Божіею блюдохъ, не точію свой полкъ, и общіе; а нынѣ мы, холопи твои, хлѣбомъ не можемъ накормити тѣло свое; кровь свою источилъ, кости высушилъ, а нынѣ не имѣю чѣмъ ублажити. Юность моя, Великій Государь, силу погубила, а старость покоя не обрѣте. Люди въ юности дѣ-

лаютЪ, чтобЪ старость безЪ труда была; а намЪ противно: вЪ юности сѣяхомЪ пшеницу, а сѣдина наша пожинаетЪ волчецЪ. По вашей Государской милости выслужилЪ себѣ вЪ ратѣхЪ и во всякихЪ службахЪ честь и славу, а нынѣ не сЪ ратiю кровавою и не вЪ трудахЪ, но со гладомЪ боремся, срамоту воспрiемлемЪ и слезы выливаемЪ надЪ нуждою непрестанно. Аще бы я, холопЪ твой, вѣдалЪ тогда будущее мое зло, избралЪ быхЪ со прочими умрети, нежели жити. Но не такiя, Великiй и милостивый Государь, я, холопЪ твой, чаялЪ на старость свою милости. РаботалЪ отцу твоему Государеву, Великому Государю, зналЪ совѣты всякiе, когда и не причтенЪ былЪ кЪ высокому лику вашея Государскiя Палаты; не сидѣлЪ сЪ Бояры, а тайну вашихЪ Государскихъ дѣлЪ полковыхЪ, ратныхЪ, посольскихЪ и иныхЪ всякихЪ потор жнинЪ вѣдалЪ, радѣлЪ, промышлялЪ, прилѣжалЪ, какЪ писано вЪ челобитьи моемЪ, холопа твоего, первомЪ, и за то имѣлЪ милость, славу и честь отЪ отца твоего Государева Великаго Государю

су-

сударя. Туюжъ милость и отъ тебя, Великаго и милосердаго Государя, видѣлъ, покамѣстъ предъ лицемъ Вашего Царскаго Величества стоялъ. Равно тебѣ Великому Государю работалъ Евангелія вѣры, дондеже не обыде мя ненависть и злоба и зависть; усматривалъ по времени дѣла, какъ, Государь, Богъ вразумлялъ, и доносилъ вамъ Великимъ Государемъ, не по выпискамъ и не льготилъ себѣ, какъ прежъ сего бывало; а нынѣ не вѣмъ, всякую тяжелость носилъ на себѣ, и Господь Богъ, видя правую мою работу къ вамъ Великому Государю, а злобствующими на мя туне и всуе отъ того высокаго дѣла вашимъ Государскимъ указомъ учинилъ, отъ тѣхъ дѣлъ мя безъ пороку свободна, а послѣднюю свою работу я, холопъ твой, тебѣ Великому и милостивому Государю и должность рабскую извѣстно учинилъ въ твоей Великаго Государя комнатѣ, при твоихъ Великаго Государя ближнихъ Боярехъ, что уже доходитъ время съ самымъ приближеніемъ договоровъ Андрусовскихъ, и Московскому поставленію, и размѣръ тому жребодаянію

ужъ рвется, и кто тверже того разрыву конецъ удержитъ, тотъ будетъ въ радости. И та моя работа и извѣтъ холопа твоего отъ злобствующихъ учинилась неугодна, и Посланника Польскаго Чихровскаго мнѣ, холопу твоему, отпустить не дали, воровскаго ради письма Резидента Нѣмецкаго повѣрили пьяницѣ, вору. Тѣмъ же аще мы, холопи твои, умолчавше не станемъ бити челомъ, боимся, да не бы или винны, или не желающи милости вашея Государскія явихомся; и тако понуждаемся бити челомъ вамъ, Великому Государю, и всякою кротостію умиленною душею, яко тому, о немъ же речеся: Бога бойтеся, Царя чтите. И паки индѣ глаголетъ: Повинуйтеся, рече, раби Господіемъ вашимъ не точію кроткимъ, но и строптивымъ, во всемъ угождающе, яко Богу. Не точію, великій и милосердый Государь, тогда Богъ благъ есть, егда просимая намъ даетъ; но и паче тогда Богъ благъ есть, егда просимая возбраняетъ, да лучшая во свое время даруетъ. Подобнѣ и вы, Великіе Государи, царствующіе землею всегда блази,

аще

аще кому видится злый, когда нѣсть бо власть аще не отъ Бога. Отъ Бога аще и видится наказаніе, но благодать есть и благое, въ коемъ наказаніи мы, холопи твои, терпимъ. Но буди вамъ Великому Государю тако тяжко миловати, яко чтутъ въ исторіяхъ Римскихъ о Титѣ Цесарѣ, емуже тако тяжко бысть не миловати, яко познавши день единъ, егоже не сущу просяще, кому не сотвори милости, солнцу уже познавшу западъ свой, восплака и рече: Всю мою мзду, на нюже вся лѣта моя трудился, единымъ днемъ возглубилъ; не сотворихъ бо милости никомуже, воспоминаю себѣ съ высоты; нѣсть бо милости не сотворшему милости. Се, милосердый и милостивый Цесарь, зане никтоже проси, и яко не сотвори милости тужаще, и всю жизнь свою ни во что же почитая. А мы, холопи твои, шестое лѣто непрестанно просимъ, а милости не пріемлемъ. За что прогнѣвася ваше Христіянскаго Царя сердце на насъ, холопей твоихъ, и отъ очесъ вашихъ отвержены? яко праведно мудрыхъ реченіе на мнѣ, холопѣ твоемъ,

емъ, сбыстся: старый холопъ, яко старый песъ, прочь съ двора, или подъ лавку. Единъ бысть Цесарь Римскій и Греческій, иже тако возлюби судъ и правду, яко много дней ищущимъ по граду обидимаго не обрѣтаху жалобы, якоже и колоколъ повѣсити у своихъ Августалій, или у покою опочиванія его, да како отгоняеміи не приходятъ съ жалобою битичеломъ. Единою же нѣкоему господину изгнаша коня стараго, якобы непотребна. Сей пріиде и зацѣпи за колоколъ, и удари. Ощути Цесарь желаемое, услыша, несотворимое милостивое и правосудное ухо посла спросити, увидѣ звонъ колокола, и уразумѣ, даде судъ съ господиномъ. Господину глаголющу къ Цесарю: старъ есть и непотребенъ мнѣ. Цесарю отвѣчающу, и ты старъ еси убо, непотребенъ еси мнѣ, чуждъ еси имѣній; дондеже моглъ еси работати мнѣ, держахъ тя, а нынѣ вонъ, вонъ! О славныя памяти и вѣчныя славы человѣкъ! Еда ли вамъ Великимъ Государемъ я, холопъ вашъ, не работалъ, яко весьма наслѣдити мнѣ и

проклятіе праотчее: въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ? И еще я, холопъ твой дерзновенно реку: сугубо превыдохъ праотца всѣхъ; тому речеся: въ потѣ, капляхъ, а я, холопъ твой, съ червемъ моимъ въ кровавыхъ капляхъ нашихъ ядимъ хлѣбъ, подобенъ волчцу; и того недоволи, и съ горькими слезами, вѣры, яко въ книгахъ всевысочайшаго Царя Царемъ и Бога, помнится имя творящихъ благое. Вина мнѣ, холопу твоему, наведена о прежде бывшей васъ Великаго Государя скорби, Вашего Царскаго Величества Дядьки, ближніе Бояре, Князь Ѳедоръ Ѳедоровичь Куракинъ, да Иванъ Богдановичь Хитрово, сказали, что будто я, холопъ твой, въ пріемахъ Докторскихъ остатковъ, что послѣ васъ Великаго Государя въ пріемѣ оставалось въ рюмкѣ, не выпивалъ, и они, твои Великаго Государя Дядьки и Бояре, сказали удивительно, какъ въ такомъ превысокомъ дѣлѣ, не упомнили сказать, какъ было, и чаять отъ того, что въ памяти ихъ нѣкое смущеніе учинилось, что такъ сказать упомнили. А я, холопъ

лопъ твой, какъ въ первомъ своемъ челобитьѣ написалъ, такъ и нынѣ пишу и бью челомъ, и въ томъ свидѣтельствуюсь Господемъ Богомъ, и вами, Великимъ Государемъ: прежде, Государь, Докторы накушивали, потомъ Дядьки и Бояре, потомъ я, холопъ твой, накушалъ, подносилъ къ тебѣ Великому Государю; а что оставалось, я, холопъ твой, послѣ твоего Государскаго пріему вылью изъ рюмки на ладонь, и выпивалъ предъ тобою Великимъ Государемъ А хотя бы и не выпивалъ, и за то вины наложить на меня, холопа твоего, не за что. Вина бы моя, холопа твоего, была, чтобъ я, холопъ твой, не накушалъ, а твои Великаго Государя Дядьки и Бояре и того не сказали, что они накушивалиль, или нѣтъ. Спрашивали меня, холопа твоего, о Докторахъ, а наложили на меня, холопа твоего, вину безъ вины, и раззоренъ туне. Радѣлъ я, холопъ твой, желалъ истинно со всякимъ усердіемъ и съ чистою совѣстію всякаго вашего Государскаго здравія, и ваши Государскія ноги омывалъ, начастѣ многогрѣш-

грѣшными своими слезами ко Господу Богу о вашемъ Государскомъ здравіи, и въ томъ свидѣтель ми есть Господь Богъ и Ваше Царское Величество, и не устрашуся всеистиннѣ стати въ пришествіе всѣмъ страшнаго суда Божія, когда явлена и изъявленна будетъ истинна, и покажетъ, кто коего есть достоинъ. По семъ нѣцыи, подущеніемъ отъ любящихъ любохотнѣ оболгати ближнихъ своихъ, вмѣняютъ намъ, холопемъ твоимъ, его же никогда же отъ насъ чается, свидѣтель намъ есть Сѣдяй на Херувимѣхъ и Видяй бездны, отъ Него же и тьма не помрачится. Глаголютъ воры и глупцы, отца злобы и пагубы отъ царства подаемыхъ, рекше: духи въ палатишкѣ моей быти, что ниже кто въ правду ума чуждъ, и явственъ неистовъ глаголати можетъ. Но ничтоже, милосердый и Великій Государь, чудно, аще прелюбодѣйствуется за ненависть отъ враговъ моихъ на насъ, и оною тлею растлѣвается, сегожъ и раззореніе пріятъ, и въ прежнихъ бывшихъ родѣхъ таже злоба и ненависть и зависть дѣйство

ство свое чрезъ лукавыхъ и небоящихся Бога творила, какъ блаженныя памяти при Великомъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Василіѣ Ивановичѣ, всея Россіи Самодержцѣ, надъ Бояриномъ надъ Крюкомъ Колычевымъ учинено отъ вора Тушинскаго. Написали на Москвѣ грамоту, и подали ему грамоткою, и въ то время позвали его къ Государю. Онъ, услыша отъ званныхъ, пойде съ поспѣшеніемъ; а тѣ писавшіи и коварствующіи съ тою грамоткою привели его къ Государю, и извѣстили: вотъ твой измѣнникъ! Онъ же, о сихъ ничто же вѣдая, и пострада неразсмотреніемъ безъ вины до смерти. На тѣхъ же, Великій Государь, исполняется коварныхъ Божіе слово: Иже рѣсте во тмѣ, на кровѣ проповѣстся. Чаяли, что то будетъ утаенно и не знаемо, не токмо, Великій и милостивый Государь, тѣ завистницы и убійцы явно въ то время показались, но и нынѣ правнучата тѣхъ и иныхъ родовъ зрятъ, кто такое злохитрство учинилъ, и память ихъ впредь поминатися будетъ слово отъ слова, и

во

во иныхъ раждаетъ память и творитъ до скончанія вѣка благую и злую. А при дѣдѣ твоемъ Государевѣ, блаженныя памяти при Великомъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, всея Россіи Самодержцѣ, Государѣ милостивомъ, такожде ненависти ради подкинули письмо воровское, въ то время еще будучи въ Стольникахъ, на Боярина Илью Даниловича Милославскаго, будто онъ имѣетъ у себя перстень волшебной Думнаго Дьяка Ивана Грамотина, и по тому воровскому письму немного не пришелъ въ конечное раззореніе: былъ за приставомъ многое время, животы пересматриваны и запечатаны были, и ничего не найдено, и тѣмъ отъ тѣхъ подметныхъ писемъ и милостію и заступленіемъ богобоязливыхъ людей, и за свою невинность свобожденъ, и не такъ надъ нимъ учинено, какъ надо мною, холопомъ твоимъ; и у меня животы пересматриваны, и такожде ничего злаго не найдено, а честь наша и дворы, и животы, и помѣстья, и отчины взяты безъ вины. А при отцѣ твоемъ

емъ Государевѣ, блаженныя и присно-поминаемыя памяти Великомъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Алексiѣ Михайловичѣ, всея Великiя и Малыя и Бѣлыя Россiи Самодержцѣ, Государѣ милостивомъ, такожде завистiю и ненавистiю на отлученiя извѣтъ былъ составной же и наученой о волшебствѣ на Боярина Семена Лукьяновича Стрѣшнева, и за тотъ извѣтъ страдалъ невиннѣ, честь была отнята, и сосланъ былъ на Вологду, а животы, и помѣстья, и отчины, и дворы не отняты. Да и на многихъ, Великiй Государь, такихъ воровскихъ писемъ было; а на иныхъ и въ смертномъ страху были, только они не воспоминали того, и своею невинностiю намъ невиннымъ помощи не учинили, какъ имъ помощь чинена. А и я, холопъ твой, отъ ненавидящихъ и завидящихъ при отцѣ же твоемъ Государевѣ Великомъ Государѣ не много не пострадалъ: такожде воры, составя письмо воровское подметное, кинули въ грановитыхъ сѣняхъ и въ проходныхъ, и хотѣли учинить Божiей волѣ и отца твоего Государева

Ве-

Великаго Государя намѣренію, и къ супружеству второму браку препону, а написали въ письмѣ коренья. А всесильный Богъ елико восхотѣлъ выше естества и разумѣнія неразумной и смертной твари сотворилъ, и всякую злую мысль человѣческую далече отъ судебъ своихъ отринулъ. Еще, Великій Государь, въ то время завидящіи мнѣ, холопу твоему, всячески умышляли, чѣмъ бы отлучить отъ вашея Государскія милости. Съ того же образца и совѣту лукавыхъ и Нѣмчинъ Датской письмо съ дороги отъѣхавъ прислалъ воровское съ надеждою; а довелося было, премилостивый Великій Государь, вора пьяницу съ дороги возвратить и дать намъ очная ставка. Мы же, холопи твои, во всѣхъ своихъ работахъ и въ вѣрной своей службѣ, и во всякомъ доброхотствѣ, уповаемъ на щедроты всевысочайшаго Бога, по семъ на ваше Государское разсмотреніе; очищалися, и очищаемся, и очищати себя въ невинности своей и впредь будемъ. Услыши, премилостивый Государь, что глаголетъ Господь ко Іереміи Пророку: Прежде,

 не-

неже создахъ тя, во чревѣ познахъ тя, и прежде, неже изыти ти отъ матери, освятихъ тя, Пророка во языки дахъ тя. Сей блаженный Пророкъ глаголетъ: Въ дебелое сіе плотце облеченнымъ, занеже якоже не мощно превзыти свою сѣнь, и зѣло спѣшащуся или зримымъ приближатися зраку безъ сущаго въ средѣ свѣта и воздуха, или водѣ внѣ плавательному естеству проползатися: тако не мощно сущимъ въ тѣлѣ безтѣлесныхъ видѣти. Ездра же премудрый и по Пророческомъ безчисленномъ страданіи лютомъ, и по нашествіи брани, и избіеніи всѣхъ, и по сженіи книгъ, въ сего паки мужа чуднаго вдохну, яко еже изложитися, и останковъ сложити сотвори. Сей пишетъ въ книгѣ своей 3, глава 6, и глаголетъ: И бысть тогда духъ, и тьма окрестъ ношашеся, молчаніе, шумъ гласа человѣча, не бѣ сотворенъ отъ тебе: тогда глаголалъ еси отъ сокровищъ твоихъ воздати свѣтъ свѣтлый, иже освѣти дѣла своя. И паки святый Аѳанасій Александрійскій въ словѣ 40 на святое крещеніе глаго-

голетъ: Вторый свѣтъ Ангелъ перваго свѣта отшокъ нѣкій, или причастіе къ томужде маніемъ, и служеніемъ просвѣщеніе имуще, и проповѣдаючи образъ невидимаго Бога; третій свѣтъ человѣкъ, иже внѣшнимъ явленъ есть. Виждь, благочестивый Великій Государь, духи чистыи и нечистыи, невидимыи; а о человѣкѣ глаголетъ, иже и всѣмъ явленъ. Обрѣтаю же и Маноя древняго онаго судію глаголюща: Погибохомъ, о жено! Бога видѣхомъ, понеже лучше зрѣніе ощути, нежели по его естеству и силѣ. А сіе, Великій Государь, образъ сходительный, а не по естеству духъ чистъ; онъ же и Ангелъ именовася, и отъ сходительнаго образа страха ради глаголетъ: Бога видѣхомъ, и паки да видятъ ненавидящіи мя и слышатъ. Езекій Царь во святилище пришедъ и ризу растерза, слезъ же проливъ источникъ и руки на небо воспростеръ, и рече: Видѣлъ ли еси, Господи! да не премолчиши, и не согласия убо прошеніе; но и ощути дѣломъ свое неистовство богоборецъ, и отыде造 бездѣленъ съ прещеніи отъ

 нѣ-

нѣкія невидимыя силы, нападшія вневапужъ; а уби приста восемьдесятъ пять тысячь Ассиріянъ. Виждь, благочестивый Великій Государь, что невидиміи духи служеніе и посланіе аггелы лютыми, на казнь аще и отпадоша предложеніемъ, но подъ игомъ лежатъ работѣ. Понеже Ангелъ святъ послужити искущенію не повелѣваемъ есть, сего ради бѣсове на сіе повелѣваеми суть. Учитель великій святый Василій, царствоваше и надъ страстьми тѣла, имѣя столпъ огненный до небеси, въ бесѣдѣ 8, въ шестодневной книгѣ своей глаголетъ: Бѣ нѣкое старщее міра бытіе, поставленіе премирнымъ силамъ лѣпствующее непремѣнное, вѣчное, присносущное; дѣлажъ въ томъ всяческихъ знатель и содѣтель соверши свѣтъ умный, лѣпотствующій блаженству любящихъ Господа словесная, и невидимая естества и всеумнымъ украшеніе, елика нашъ разумъ превосходятъ, ниже именованія изобрѣсти можно. Виждь, благочестивый Христіанскій православный Великій и милостивый Государь, высокій учитель глаголетъ: Невиди-

мыя

мыи естество ниже именованія изобрѣсти можно, и превосходитъ тарѣсти можно, и превосходитъ такому высокому учителю разумъ. Такимъ ли смердюхомъ, вору одноокому доводчику неистинному Давыдкѣ, и сиротѣ моему глупому карлѣ, пьяному и увѣчному, видѣти духи нечистые, аще и пали, а по естеству своему благи? Глаголетъ святый Аѳанасій Александрійскій въ книгѣ Скрижали, въ вопросѣхъ ко Антіоху начальнику: вопросъ Антіоховъ: чимъ премѣнися существо демонское отъ существа Ангельскаго? Отвѣтъ Аѳанасіевъ: существо не премѣнися, но произволеніе, якоже мысль праведнаго и грѣшнаго. Въ той же, Великій Государь, книгѣ написано о существѣ Ангельскомъ: существо Ангельское ниже зрится человѣческима очима, ниже руками объемлется. Златоустый же глаголетъ: естество бо благо, предложеніе зло; сего ради человѣкомъ видѣти не возможно. Учитель святый великій Григорій Богословъ, бодрое и неспящее око, но выну въ свѣтъ небесный премудрости зряще, глаголетъ въ словѣ 18, похваляя мученика Кипрія-

пріяна, а прочихъ и нынѣ поучаетъ, чтобъ мужественно стояли противу кознемъ діявольскимъ, реку нѣчто и нашихъ Іереевъ, тайноводительство люди ни благо покоренія, иже въ плачи утѣшеніе, въ благоденствіи страхъ, богатыи подательство, убозіи благодареніе. Вси на лукаваго и горькаго гонителя ополченія да не являяся мещетъ, да не стрѣляетъ крыяся, да не яко тьмы ратуетъ, да не яко Ангелъ свѣта играетъ и крадетъ въ пагубы и пропасти. Виждь, милосердый Великій Государь, что человѣкомъ духовъ нечистыхъ видѣти не возможно, какъ Пророкъ, такоде и Богословы глаголютъ: да не являяся мещетъ. Какъ сиротинѣ и вору одноокому видѣть духа нечиста, какъ не являяся мещетъ. Богословъ глаголетъ: да не стрѣляетъ крыяся; какъ одноокому вору, а остронаученному зрѣть, и сиротинѣ пьяному видѣти духа нечиста, какъ стрѣляетъ крыяся? Богословъ глаголетъ: да не яко тьма ратуетъ. Какъ вору и сиротинѣ тьма ратуетъ, духа нечиста видѣти? тьма ничто ино, только лишеніе свѣта.

Во

Во святомъ, Великій благоутробный Государь, Евангеліи толковомъ отъ Матѳея слово 69, въ недѣлю по крещеніи, толкованіе небеснаго ума златоглаголиваго Іоанна глаголетъ Господь: Аще кто не родится отъ воды и духа, не можетъ внити въ царство Божіе. Вопросъ: почто же отъ воды и духа, а не токмо единъ духъ доволенъ бысть на совершеніе крещеній? Отвѣтъ: сложенъ есть человѣкъ отъ души и тѣла составленіемъ, а не простъ; сего ради сугубая, супружная, и сродная, и присная врачеванія на исцѣленіе пріятъ тѣлу; убо видимая вода естественная, душѣ же невидимой духъ невидимый. Что, Великій благоутробный Государь, сего яснѣе: вода плоти видимой, душѣ невидимой духъ невидимый? Не возможно, Великій благосердый Государь, Духа Бога видѣти; не возможно, Великій и милосердый Государь, духа чиста видѣти; не возможно, Великій милостивый Государь, души видѣти; не возможножъ, Великій премилостивый Государь, духа нечиста видѣти. Богъ невидимый, якоже глаголетъ святый

Павелъ Апостолъ къ Тимоѳею зачало 280, Царю же вѣкомъ нетлѣнному, невидимому, единому премудру Богу; и Ангелъ невидимый. О немъ же рече святый Іоаннъ Дамаскинъ въ книгѣ второй, глава 3: ею же существа видъ, и предѣлъ единъ Зиждитель вѣсть. И аггелъ падшій, онъ же и духъ нечистый, и діяволъ невидимый. О немъ же Дамаскинъ той же глаголетъ: не естествомъ лукавъ бывъ, но благъ сый, и во блазѣ бывъ, и никакожъ въ себѣ самомъ отъ содѣтеля злобы, и не лѣть самовластіемъ, волею тьма бысть, и душа человѣческая невидима. Той же Дамаскинъ святый глаголетъ, и указуетъ глава 14, о человѣцѣ на Григорія Богослова, еже онъ глаголетъ: изъ невидимагожъ и видимаго естества содѣйствуетъ невидимая душа, плоть же видимая. Что сего, благочестивый Великій Государь, истиннѣе и яснѣе? Гдѣ вина моя, холопа твоего? Нѣтъ ее. Гдѣ правда вора и сиротины моего? Во святомъ писаніи нѣтъ правды, только воровской составъ, лукавство, ненависть. Паки Златоустъ глаголетъ къ Колассеомъ, бесѣда 3, о

рожденіи Сына Божія прежде вѣкъ, аще непремѣнное невидимаго не являетъ образъ, что возбраняетъ и Ангеломъ образъ быти? ибо и тіи суть невидими. Но не себѣ и душа есть невидимая, понеже невидимая просто. Сего ради образъ, аще и не токмо якоже той и перворожденъ всея твари, къ Римляномъ нравоученіе 10: Аще бо змія видѣли бы есьмы вгнѣждающагося при одрѣ нашемъ, много бо сотворили есьмы тщанія убити того: діяволужъ вгнѣждаему въ душахъ нашихъ, ничтожъ мнимъ страдати люте, но лѣнимся. Виновноежъ, понеже очима тѣлесныма того не видимъ, и убо сего ради подобаше паче бдѣти и трезвитися; чувственнаго бо супостата ухранитьося нѣкто удобно, невидимаго же, аще не будемъ вину вооружени, не возможно. И паки въ Маргаритѣ въ словѣ 3 о святомъ крещеніи Господни, когда при Іорданѣ Креститель и Предтеча Іоаннъ, земный Ангелъ, небесный человѣкъ, ему же пища прузи, глаголетъ ко Христу Богу: Азъ требую отъ тебе креститися, ты ли грядеши ко мнѣ? Христосъ

стосъ же рече къ нему: Остави нынѣ, не видиши ты, еже азъ вижу: не вѣси ли, кто здѣсь стоитъ, врагъ діяволъ? Молчи, молчи, да не ощутитъ сей, побориши того пріидохъ: сего ради не пріидохъ Божествомъ нагимъ, обложился вашею плотію, да, не видѣвъ мя нага, отбѣжитъ. Вижь, благочестивый Государь, что не возможно видѣти. Креститель Господень, земный Ангелъ, не видѣ ни единаго духа нечиста; а сиротинѣ моему видѣти многихъ! Не сиротины моего и вора кривова Давыдка разумъ и смышленіе, но самаго того вышеписаннаго діявола чрезъ человѣки злые, отъ негожъ діявола наученныхъ, всегда діяволъ къ пути своему пагубному человѣкъ пріобрѣтаетъ служащихъ и ему подобныхъ. И паки на первую и вторую и сію мою третію челобитныя совершеннѣйшее свидѣтельство мнѣ, холопу твоему, на оправданіе и на очищеніе, а врагомъ моимъ и ихъ составному глупству на обличеніе. Въ Символѣ, еже есть во исповѣданіи вѣры благочестивыя нашея Христіянскія, юже благочестивые Христіянскіе Цари

и святѣйшіе Папы и Патріархи, и тѣ освященные соборы седмь, въ нихъ же бѣ высокіе Философы и Чудотворцы, согласенъ гласъ испустивше, исповѣдаша свое благочестіе, и сіяетъ исповѣданіе, ни единъ, ни два, ни три, но вси седмь соборовъ отъ востока и запада, полунощія и полудня, утвердили, яко не токмо разума, или реченія, но и литера возбранена премѣнить, и въ томъ Символѣ написали: Вседержителя, Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ, видимымъ человѣкомъ, невидимымъ духовомъ благимъ и злымъ. И сіе, Великій Государь, стверждаетъ Іоаннъ Дамаскинъ, книга 1, глава 1: Богъ сый благъ и всякаго блага податель есть, еже полезно намъ познати и видѣти, откры; а еже не можемъ сносити и видѣти, закры премолча. Вси, Великій Государь, блаженніи Богословцы, яко трубы златокованныя гласъ давша языка своего, яко трубою шумяще, возвѣщаютъ намъ брань и ополченіе противу силъ невидимыхъ. Которые жизнь свою имѣли всю надъ чтеніемъ Божественныхъ

ныхЪ книгЪ, и тѣ написали, что духа чиста и духа нечиста видѣти не возможно. А буде кто вашего Царскаго Величества вЪ палатѣ изЪ недруговЪ моихЪ вЪ приговорѣ, являя себя вЪ разумѣ остротою и высоко зная отЪ читанія, и полагая на себя мудрость, и мудрость, Великій и благосердый Государь, всѣмЪ настоятельствуетЪ, и вся себѣ благая, истинная и правая, и благоразсудная сообЪемши имать, первое учитЪ умудритися, и тако умудряти и совѣтовати наставляетЪ сЪ разумомЪ; а сія его мудрость и приговорЪ злобы ради, а не истинны, и для угожденія инымЪ злобствующимЪ на мя туне, и нескорости ради не осмотрѣвся, изЪ неискусства Божественнаго писанія, якоже зрящи не зрѣти, и слышаще не слышати. ДостоитЪ, Великій Государь, слухЪ глаголемыхЪ пріуготовавшу душу, и очистить право кЪ слышанію, и очистившуся страстей, не помраченною радостію, суетными и страхи житейскими, но испытательную и отвсюду обзирательную, и пріять достоинЪ разумЪ правды Божія,

и прежде приговору истязати въ доводѣ, въ дѣлѣ, а паче въ Божественномъ писанiи опасно испытати за разума, немочное, да не когда останется искра мала, и постыдитъ; но достоитъ разсмотрѣти истинные глаголы, да возмѣритъ ему Христосъ въ день воздаянiя; приговаривалъ за ненависть мою безъ вины вину, и свидѣтельствовалъ истиненъ доводъ вора и сиротины, что они духи нечистые видѣли. И по сему приговору аще покажетъ въ Божественномъ писанiи, кто отъ святыхъ гдѣ видѣлъ духа чиста и духа нечиста, кромѣ сходительнаго образа и мечтанiя, и слогу, и будетъ и покажетъ онъ образъ закрытымъ вещемъ, и сочтетъ иже не прiидетъ, и соберетъ раскрапленная капля, и покажетъ гласу образъ, можетъ вѣренъ быти извѣтъ, что духи нечистые видѣти, и приговоръ можетъ стати. Обаче сему всему вышеписанному, Великiй благочестивый Христiянскiй Государь, по Божественому писанiю статись не возможно, и сему извѣту и приговору всевысочайшiй Богъ судъ воздастъ

и Ваше Царское Величество. Пишетъ нѣкто учитель церковный: еже бо не вѣровати лежащему въ книгахъ Божіихъ, и то вносити отъ своего смыслу, мню многъ гнѣвъ Божій нанесетъ смѣющимъ то творити. Аще ли, Великій Государь, и сіе все вышеписанное не вѣрно мнится дателю ранамъ смертныхъ, кто приговаривалъ, что я достоинъ смерти, и доводъ сиротины моего и вора Давыдка, безъ всякаго свидѣтельства Божественнаго писанія вѣренъ; подобно есть тѣмъ, кто въ полудни, въ самое очищеніе аера, искалъ солнца видѣти, а о свѣтѣ не вѣровалъ, якобы свѣтъ есть. И паки, двѣма человѣкомъ просящимся, единъ обѣщался мѣрити воздухъ отъ земли на небо притязающихъ, ужа простеръ; другій же посмѣялся, и ниже слышати о томъ реклъ бы. Коему, благочестивый Великій Государь, достоинъ повѣрити, иже ли искалъ свѣта извѣдати измѣрити глаголющему, или невѣдущему явѣ, яко глаголющему не вѣдать обѣщавшаго вѣдати мудрѣйшій есть? И паки, аще кто обѣщалъ бы глаголати, коликая по-

почерпала имать море, ниже не вѣдати, не паки ли невѣдѣнія вѣдомость есть мудрѣйшее, и зѣло тако и о невидимыхъ вещехъ и отъ Бога закрытыхъ кому достоитъ въ видѣніи и не въ видѣніи вѣрити, писанію ли Божественному, или кто приговаривалъ и извѣтчиковъ доводъ ставилъ въ правду и истинну, кромѣ Божественнаго писанія и вашихъ Великихъ Государей законовъ, и учинилъ насъ правыхъ и невинныхъ, кромѣ нашихъ винъ и неправдъ, винными и неправыми, не воспоминая премудраго Пророка Исаію глаголюща: Лютѣ глаголющимъ сладкое горько и горькое сладко, и полагающимъ свѣтъ во тьму и тьму во свѣтъ, претннулся приговоромъ всяко отъ святаго писанія, несмотреніемъ, или неискушеніемъ, показати не возможетъ; да воздастъ ему Вышній во дни воздаянія. И еще бы Вашему Царскому Величеству ко оправданію невинности нашея ясно отъ Божественнаго писанія извѣстилъ, что того никогда не бывало, чтобъ кто духи чисты и духи нечисты видѣти могъ, и о семъ чрезъ сію третію

 чело-

челобитную умолчалъ, да не прогнѣваю отъ слушанія Вашего Царскаго Величества слухъ, за что, Великій Государь, безъ суда и безъ очной ставки безъ свидѣтельства раззорены, и въ послѣднюю нищету повержены, и умираемъ со всякихъ нуждъ туне. А безъ свидѣтелей, Великій Государь, и не въ такомъ невинномъ дѣлѣ приговоры бываютъ отъ законовъ, какъ Богъ узаконилъ. И еще Вашему Царскому Величеству извѣщу: нѣкоему въ Божіи винѣ бывшу и страшно и неотпущенно согрѣшившу, въ исхожденіи изъ Египта, когда сынъ жены Израильтянины имя Господне не благослови, имя же матери его Соломія дщи Давріина, отъ племени Данова; и рече Господь къ Моисею глаголя: Изведи клявшаго внѣ полчища, и да возложатъ вси слышавшіи руцѣ свои на главу его, и да побіютъ каменіемъ весь сонмъ. Виждь, благосердый Государь, Божій судъ въ его имени съ свидѣтели той вышеписанный проклятый умираетъ съ возложеніемъ рукъ, а не безъ свидѣтелей. А когда и не сущу закону письменному, и въ

то

то время имѣли естественной законъ, а безъ свидѣтелей дѣла въ совершеніе не приводили, какъ о семъ свидѣтельствуетъ блаженный Аврамій. Седьмь юнецъ поставилъ на послушество, и рече, яко мой есть кладязь, и Іаковъ же и Лаванъ холмъ послушествова, нарече законъ же Моисею перстомъ Божіимъ писанъ. И повелѣ Богъ собрати люди и засвидѣтельствовати законъ небомъ и землею, яко и пѣснь начатъ: вонми небо и возглаголю, и да слышитъ земле глаголы устъ моихъ; завѣтъ же на послушество, не яко душевный суще, но яко больша иныхъ тварей, на страхъ слышащимъ. Божіежъ, Великій Государь, слово въ законѣ и въ благодати писано: всякъ глаголъ станетъ при двою, или тріехъ свидѣтелехъ. Златоустый же глаголетъ о Божіи судѣ: понеже множицею судъ творя, и своимъ рабомъ дастъ имъ равноглаголанія власть. А я, холопъ твой, за что безъ суда, очныя ставки, безъ свидѣтелей раззоренъ, ненавистію безъ вины странно, и умираемъ туне и всуе, и за что равноглаголанія мнѣ, холопу твоему, не дано? Не

точію равноглаголанія, ни мѣста стати къ суду, и не позванъ Вашего Царскаго Величества указомъ; рабы и раба мои взяты къ суду, а я отверженъ силою ненавидящихъ и тунѣ поношающихъ мя. И нынѣ у тебя, Великаго Государя, просимъ съ горькослезнымъ кровавымъ челобитьемъ, чтобы, Великій Государь, изволилъ великому Господину Святѣйшему Іоакиму, Патріарху Московскому и всея Россіи, и всему освященному Собору, вины ради церковныя, а Вашего Царскаго Величества Бояромъ и Окольничимъ и всѣмъ чинамъ вашея Государскія палаты, законовъ ради вашихъ Царскихъ, милостивымъ и опасно прилѣжнымъ разсмотреніемъ поволить, въ словеса святая всѣхъ Владыки Іисуса Христа, истиннаго Бога нашего, приникнути, и такую явную Божественнаго проповѣданія и совершенную свѣтлость Свѣта правды, самовидецъ Его Пророковъ и Апостоловъ, и потомъ учителей церковныхъ, небеснымъ Его упившихся ученіемъ, купно и равно согласующихъ, призрѣти и выписати, и своимъ Царскаго Величе-

чества БоярамЪ и ОкольничимЪ, и всѣмЪ чинамЪ вашея Государскія палаты, такожде отЪ святаго писанія и вашихЪ ЦарскихЪ законовЪ и уложенія, и изЪ доводу составнаго, изЪ челобитенЪ моихЪ, холопа твоего, выписать и донести до васЪ, Великаго Государя. А доводЪ воровской, и лютое ихЪ и воровское безуміе, и противное писанію, и правящаго ихЪ ложь вЪ правду, а истинну вЪ неправду, БожіимЪ писаніемЪ и вашими Царскими законы, и вашимЪ Великаго и милостиваго Государя повелѣніемЪ отринути, и вѣры нашея истинныя во Христа Бога цѣлость отЪ всякія тьмы вышеписанными законы и свидѣтельствы очистить, и раззореніе наше и безчестіе невинное и странное возвратить вашею Великаго Государя премилосердою милостію. А что отЪ писаній законныхЪ чуждо и странно, и мы, холопи твои, воровскаго ихЪ безумія и впредь святаго писанія достоинствомЪ, а не лукавствомЪ, Вашему Царскому Величеству ложь и составЪ воровской обличати нуждЪ ради нашихЪ вели-

 кихЪ,

жихЪ, непрестанныхЪ и нестерпимыхЪ кровопроливающихЪ слезЪ, понуждены будемЪ. УзрятЪ, благочестивый Великій Государь, вси человѣцы. Но общее воскресеніе духовЪ чистыхЪ и нечистыхЪ, по ихЪ естеству, какЪ они отЪ Бога сотворены, и на сіе небесное свидѣтельство сшедый сЪ небесЪ БогЪ и бысть человѣкЪ, той рече: Егда пріидетЪ СынЪ человѣческій во славѣ Отца своего со Ангелы своими святыми. АпостолЪ глаголетЪ, кЪ Филип. зачало 240: Всяко колѣно поклонится небесныхЪ, и земныхЪ, и преисподнихЪ, сирѣчь весь мірЪ, Ангели и человѣцы, праведніи и грѣшніи, и бѣси, и всякЪ языкЪ исповѣсть, яко Господь ІисусЪ ХристосЪ вЪ славу Бога Отца; сирѣчь, да сіе вси рекутЪ: се же есть слава Отча. ВЪ словѣ же, Великій и милостивый Государь, святаго Антіоха учить тщатися повелѣваетЪ, и достигнути вышній градЪ, верьховный ІерусалимЪ, вЪ немЪ же свѣтЪ немерцаемый сіяетЪ, неусыпающее око вѣчныхЪ благЪ Датель: тогда узрятЪ все естество духовЪ чистыхЪ, Ангельское и Архангель-

гельское, елико рачители вышняго Іерусалима будутъ. Абіе ссати имутъ отъ сосцу утѣшеній его. Виждь, святый, благочестивый и милостивый Христіанскій Государь, что не возможно отъ живыхъ сущу видѣти духа чиста и нечиста, а по общемъ воскресеніи вси человѣцы узрятъ. А я, холопъ твой, на оправданіе правое и истинное православное утвержденіе къ тебѣ, Великому Государю, приношу; а сія вся раззоренія случися намъ, холопемъ твоимъ, что мы не представлены суду и приговоромъ, ему же Господь Богъ воздастъ; возненавидѣнные бо безъ правды воздвигнетъ Господь, возлюбленные же всуе уничтожитъ. А мы, убогіе, нищіе и до конца раззоренные страшно, невинно, холопи твои, всякое время оплакиваемъ съ пролитіемъ слезъ, и ждемъ въ невинности и въ правдѣ и въ работахъ своихъ кровавыхъ помощи отъ вышняго Царя, и отъ тебя, Помазанника Его, Великаго Государя, якоже глаголетъ премудрость: Царево сердце въ руцѣ Божіи, и якоже превѣса мѣрила, тако правда у Бога,

дѣла его пріятны Царемъ устны праведныхъ, и похвала Царю, егда на престолѣ сядетъ невинныхъ послушати, и яко винныхъ миловати желаетъ. А Ваше Царское Величество, благочестивый, православный, Христіянскій на вселеннѣй единъ Царь, и твердо разумѣю праведна быти, и Богу тя подобна Великаго Государя быти милостію по глаголу учителя святаго Григорія Богослова, еже учитъ: Горняя убо единаго Бога, дольняяжъ ваша; Бози будете сущимъ подъ вами. И паки онъ же глаголетъ: да реку что дерзостнѣе, сердце Царево въ руцѣ Божіи, и речеся, и вѣруется здѣ держава вамъ паче же сего по глаголу Божію, еже рече во святомъ Евангеліи: милостивый бо человѣкъ милостивому уподобися Богу. Сія ли, Великій Государь, вина моя, что въ разспросныхъ рѣчахъ сироты моего и рабы моей писана, а мнѣ наложена безъ вины моей? Сказали онѣ въ разспросѣ своемъ, въ присылку Полуголовы Алексѣя Лужина: онъ обыскивалъ на дворишкѣ сироты моего Ивашка Еврея; я, холопъ твой, книгъ и писемъ осмат-

ривалЪ и обыскивалЪ вЪ ларчикѢ, которой былЪ подЪ головами, вЪ то время того осмотру стоялЪ подЪ головами у постели Ивашковы жены его; была вЪ томЪ ларчикѢ книга, и ту книгу та Ивашкова жена по приказу мужа своего вЪ ЛаишевѢ сожгла. Естьли бы та книга была недобрая, для чего было ту книгу подЪ мостомЪ хоронить и жечь? А я, холопЪ твой, ту книгу подЪ головы у постели рабѢ своей Ивашковой женѢ хоронить не веливалЪ, и жечь тужЪ книгу Ивашковой же женѢ не приказывалЪ. РабЪ мой и раба моя того на меня не сказывали, что я имЪ велѢлЪ сжечь; а туль книгу она сожгла, или иную, они то вѢдали, и запечаталЪ то слово мукою, и кровію, и смертію своею. А вина мнѢ, холопу твоему, сказана за что? ГдѢ вина моя, холопа твоего, явилась? Повели, Великій и милостивый Государь, разсмотрѢти милостиво. ПророкЪ Іезекіиль глаголетЪ: Да не будетЪ кЪ тому притча сія глаголатися, яко отцы ядоша квасное, чадомЪ же зубы отерпоша; нѢсть бо сіе праведно предЪ БогомЪ инымЪ со-

грѣшати, а инымъ мучитися; но аще кто согрѣшитъ, той мучится и умираетъ, и чада за отеческіе грѣхи не страждутъ, не точію господіе за рабы; всякъ долженъ о себѣ отвѣтъ дати, во благое, или злое. Явилося нѣкогда, благочестивый Великій Государь, въ лѣто благочестиваго царствованія отца твоего Государева, Великаго Государя, быти нѣкоему доводу на нѣкоего, что онъ у святыхъ иконъ оклады для пространства дому своего обдиралъ. Не пострадали родители его, и не разспрашиваны, для чего сродникъ вашъ такъ учинилъ; а мнѣ, холопу твоему, за что вина наложена? Рабъ мой велѣлъ, а раба моя своровала; мужъ велѣлъ, жена сожгла; а я, холопъ твой, за что виненъ? Мнѣ же, холопу твоему, наложена вина, что той книги безъ указу твоего, Великаго Государя, и безъ розыску жечь не довелось. Помня страхъ Божій, и твой, Великаго Государя, извѣстить было о той книгѣ тебѣ Великому Государю; а я, холопъ твой, слыша въ твоей Великаго Государя грамотѣ, не могу познати, какъ та вина наложена

на

на меня, холопа твоего невиннаго. Въ твоей, Великаго Государя, грамотѣ писано: Алхимистъ Иванъ Ефимьевъ въ разспросѣ сказалъ во 184 году въ Ноябрѣ, а указалъ назадъ два года тому, и то Великій Государь будетъ за 184 и 183 и 182 и по Ноябрь два года: далъ ему книжку, величиною съ часовникъ, человѣкъ мой Игнашка Лукьяновъ, а не я, холопъ твой; и человѣкъ мой Ивашка Еврей у него Алхимиста взялъ и не отдалъ, и человѣкъ мой Игнашка Лукьяновъ Алхимистужъ книжку отдавать не приказывалъ. А что въ твоемъ, Великаго Государя, указѣ написано, извѣстить было тебѣ Великому Государю о той книгѣ, и мнѣ, холопу твоему, извѣщати тебѣ, Великому Государю, во 182 году въ Ноябрѣ было не возможно. Въ то время еще здравствовалъ и царствовалъ отецъ твой Государевъ, Великій Государь; а и отцу твоему Государеву, Великому Госурарю, извѣщати было мнѣ, холопу твоему, нечего; извѣту мнѣ, холопу твоему, отъ Алхимиста Ивана Ефимьева и человѣка моего Игнашка Лукьянова не бывало: тобъ

моя,

моя, холопа твоего, была вина, чтобъ Алхимистъ и человѣкъ мой Игнашка мнѣ сказали, что человѣкъ мой Ивашка Еврей взялъ и не отдалъ, а ябъ, холопъ твой, тотъ ихъ извѣтъ покинулъ просто и не розыскалъ, и не извѣстилъ отцу твоему Государеву, Великому Государю. Рабъ мой велѣлъ, а раба моя своровала; сожгла жена его, ею же мнѣ, холопу твоему, и вина наведена, и тою виною раззоренъ; и въ сказкѣ сказано, что мнѣ тоя книги безъ твоего Великаго Государя указу жечь не довелось. Раба винна сожгла, она же и пожалована, и изъ ссылки взята; а мы, холопи твои, безъ вины раззорены и не пожалованы и не взяты, и животъ свой мучимъ со всякихъ нуждъ туне, не имѣя вины, и въ помышленіи своемъ осужденъ неправдою, и раззоренъ туне; а страхъ Божій имѣя, и имѣю, и имѣти буду до послѣдняго моего издыханія; такожде и отъ Великаго Государя долженъ той же страхъ имѣти, яко глаголетъ премудрый Соломонъ: Бойся Бога и Царя, и ни единому жъ ихъ противися. Слава Божія кры-

крыти слово, славажЪ Царева чтити повелѣнія его и очищати себе закономЪ правды. ТѣбЪ, Великій и милостивый Государь, имѣли страхЪ Божій и вашЪ, Великаго Государя, которые враждуютЪ, а вражду творятЪ и поносятЪ, и на которыхЪ сЪ пролитіемЪ слезЪ вопіютЪ кЪ Богу; и то мояжЪ, холопа твоего, вина, что я далЪ сказку Полуголовѣ Алексѣю Лужину, что у меня, холопа твоего, человѣкЪ мой Ивашка Еврей книги не крадывалЪ, а что онЪ, убояся страху мукЪ, сказалЪ первое: что укралЪ у меня, и то слово его не право, и отмѣнилось его же словомЪ; онЪ же сказалЪ, у Алхимиста взялЪ, а не у меня, холопа твоего, укралЪ, и АлхимистЪ ИванЪ ЕфимьевЪ свидѣтельствовалЪ, что человѣкЪ мой Ивашка Еврей взялЪ у него, а не у меня укралЪ. Второе, на тѣ же рѣчи человѣкЪ мой Игнашка ЛукьяновЪ сказалЪ, что человѣкЪ мой Ивашка у Алхимиста взялЪ, а не у меня, холопа твоего, укралЪ. Третіе, всѣ рѣчи Алхимистовы и человѣка моего Ивашка онЪ запечаталЪ кровію своею, и умерЪ на томЪ же

сло-

словѣ, что взялъ у Алхимиста, а не у меня укралъ. Гдѣ, благочестивый Великій и милостивый Государь, вина моя? Нѣсть вины моей, холопа твоего. Какъ я въ сказкѣ сказалъ, что не крадывалъ и лечебной книги у меня не бывало: тако въ дѣлѣ и въ словѣ сія правда, Великій Государь, а не вина, что воръ Давыдко въ извѣтѣ сказалъ, что видѣлъ сквозь стѣну каменную, и въ запертую палату вшолъ, чему статися не возможно никогда. Златоглаголивый учитель пишетъ о духѣ нечистомъ: аще и внѣ храмины былъ еси, како зриши, яже внутрь бываемая? Се правъ приговоръ, Великій и милостивый Государь, что сиротина мой и поселянинъ воръ одноокой наученый, что щетъ не познали, четырехъ треми извѣщали, и кто изъ нихъ въ щетѣ глупѣе, они ли доводчики проклятые мои, или проклятые и низверженные нечистые духи, и палату избою называли, и сіе не осмотрѣно, и раззоренъ туне безъ вины, а неправды моей, холопа твоего, нѣтъ. А въ вашихъ, Великихъ Государей, въ градскихъ законѣхъ

уш-

утверждено: въ извѣстныхъ дѣлахъ, въ судахъ и въ очныхъ ставкахъ, кромѣ крѣпостныхъ дѣлъ, размолвками, росписками, ссылками, явками, допросами, судьи уличаютъ и винятъ; а мы, холопи твои, по вашимъ Государскимъ законамъ ко оправданію не допущены. Аще и не допущены мы, холопи твои, и мы челобитьемъ своимъ и отвѣтомъ невинны, и всѣхъ тѣхъ, которые люди въ томъ дѣлѣ были, размолвками ихъ правы, и не точію нынѣшними, Великій Государь, тѣми размолвками вины наводятъ. Пророкъ славный Даніилъ, затворитель уста яростныхъ львовыхъ зубовъ, не даде ли образъ старцамъ и судіямъ разгласіемъ древъ? Единъ рече подъ смерчіемъ, другій подъ терніемъ. А раны намъ, холопемъ твоимъ, датель, который далъ намъ рану смертную приговоромъ своимъ, что я достоинъ смерти, и то онъ говорилъ и приговаривалъ, не осмотря въ Божественномъ писаніи. Ащебъ воля Вашего Царскаго Величества была, и вопрошенъ бы онъ былъ указомъ Вашего Царскаго Величества,

что

что образъ духовъ чистыхъ и нечистыхъ по естеству вѣмъ я, холопъ твой, чтобъ онъ тотъ вашъ Царскаго Величества вопросъ молчаніемъ почтилъ, не имѣя отвѣта. Глаголетъ нѣкто отъ стихотворцевъ: неправая убо дѣла и слова связуютъ языкъ, затыкаютъ уста, обуздываютъ разумъ, молчати творятъ. Правъ приговоръ, Великій и милостивый Христіянскій Государь, что сиротина мой Карла говорилъ: онъ спалъ и захрапѣлъ; а сновидѣніе, Великій Государь, отъ учителей церковныхъ заповѣдано, не токмо отъ того сиротины сновидѣніе пріимати и вѣрити, но ни отъ кого не пріимати и не слушати, яко глаголетъ святый Григорій Двоесловъ: сны суть едины съ толстоты плоти и объяденія, и піянства, и жажды, приходятъ изъ бѣсовскаго навѣта, и мечтанія случаются; ибо аще не бы сонія мечтательная отъ діявола приходили, не бы речено, яко Сирахъ глаголетъ: мнозіи сномъ прельстишася. Не достоитъ, Великій и благоутробный Государь, тому вѣрить, что сиротина мой пьяной во снѣ и

воръ

воръ сквозь стѣну палатную видѣлъ. Се правъ приговоръ, Великій и милосердый Государь, а наша, холопей твоихъ, вина и неправда. Учитель будто нашъ, о которомъ извѣтъ воровской составной отъ воровъ показанъ былъ, что будто меня и сынишка моего училъ переводчикъ Николай Спартарій, и того никогда не бывало и не училисъ, а учимся и училисъ и впредь учитися будемъ до кончины живота нашего, чему законъ Божій повелѣваетъ и слово его пресвятое, еже рече во святомъ Евангеліи: Испытайте писаніе, въ немъ же обрящете животъ вѣчный. И учитель нашъ такова раззоренія за ученіе не воспріялъ, и насъ, холопей твоихъ, будто за ученіе раззорили; а мы ученики не бывали и раззорены туне. Се, благоутробный и милостивый Государь, правъ приговоръ, что одного дѣла будто книги чтенія, будто и видѣнія духовъ нечистыхъ, какъ вралъ сиротина мой и воръ одноокой, чего не бывало и впредь тому быть не льзя. Докторъ Степанъ не раззоренъ такъ, какъ мы, холопи твои; развѣ

ему отпущено за святое крещеніе? А и мы, холопи твои, безвинные и безэаступные Христіяне, истинно во Святую Троицу вѣруемъ и покланяемся, а раззорены безъ вины странно, и имѣніе наше неправдою разсѣяно по всѣмъ жилищамъ. Во всѣхъ, Великій Государь, законѣхъ не бываетъ того никогда, чтобъ, не давъ суда и очной ставки, и не очистя всякую статью, что есть въ дѣлѣ къ совершенію, дѣло вершить. Премилостивый Великій Государь! святый Апостолъ учитъ праведное и должное рабомъ воздавать; а мнѣ, холопу твоему, самой службы, за крови, поты, за посольскія и всякія мои неспокойныя службы, какъ въ первомъ моемъ, холопа твоего, челобитьѣ писано, не токмо воздано, что отецъ мой на службахъ въ иныхъ государствахъ, въ Царѣградѣ, въ Кизылбашахъ, въ посольствахъ, и что я, холопъ твой, во всякихъ же службахъ и въ работахъ нажилъ въ шестьдесятъ девять лѣтъ, и то безъ вины зевистію, ненавистію и все безъ остатку, безъ вины, странно отнято. Еще, Великій Госу-

Государь, и на то приложено новое: до прiѣзду Стольника Гаврилы Тухачевскаго пристава моего и до сказки мнѣ вины невинной за три недѣли животы мои взяты. Благосердый Великiй Государь! свидѣтель ми есть благочестивая восточная церковь, въ ней же крещенъ и воспитанъ, и питаюся и питашися желаю до исхода души. Свидѣтели ми есть отцы мои духовные: Богу работалъ и вамъ Великимъ Государемъ; кромѣ всякихъ своихъ иныхъ работъ, церкви Божiя созидалъ, въ церквахъ Божiихъ иконостасъ строилъ, и по своему обѣщанiю, елику силу имѣлъ, строилъ и совершилъ, а иные недовершены моимъ холопа раззоренiемъ. Сихъ волхвъ упражнятися не можетъ, единъ человѣкъ Богу работати, и проклятымъ и низуверженнымъ духомъ нечистымъ. Свидѣтельствуюся отрочищемъ вышеписаннымъ, како хирографствоватися отнюдь не хотяше зрѣти храма Божiя, а мы, холопи твои, волшвенiя никакого не вѣмы, что есть то, и ничто же зло совѣщахомъ. Свидѣтель ми есть всевидящее Око. Чаяли

 ми-

милости, и вмѣсто милости и чести, ихъ же надѣяхомся, смерть и страхъ одержитъ насъ. Будетъ ми, холопу твоему, кто обличитель, и будетъ побѣдитъ мя словомъ, или дѣломъ, что я, холопъ твой, крестъ святый оставлялъ, церковь Божiю, закономъ Божiимъ, Апостольскимъ, отеческимъ противенъ. Егда о исправленiи противлюся и называю новое, да буду всякаго рода мукъ наказанъ. Сiе мое, холопа твоего, раззоренiе впредь грядущее на многое время вѣка. Образъ, что такимъ сиротамъ повѣрено въ извѣтѣ, которому извѣту не возможно быть. Бояромъ, съ кѣмъ я, холопъ твой, былъ и на нихъ слался, которые нынѣ здравствуютъ, какъ въ первой моей челобитной писано, не вопрошены. Архiепископа, Протопопа, отцевъ моихъ духовныхъ, о исповѣданiи и о приниманiи пречистыхъ таинъ не допрашиваны; осмотру Думнымъ не повѣрено, Думному Дьяку, Доктору, Переводчику, Алхимисту, двумъ человѣкамъ стряпчимъ не повѣреножъ, людишкамъ девяти человѣкамъ не повѣрено же; мнѣ, холопу

лопу твоему, будучи по вашей Государской милости въ Боярехъ, не повѣреножъ; паче же всего, Великій и милостивый Государь, законы Божіи, Апостольскіе, отеческіе, ваши Великихъ Государей оставлены, а сиротамъ вору одноокому, лѣкаришку и сиротинѣ пьяному, спящему подъ шубою за печью, котораго запечья нѣтъ, и что видѣлъ во снѣ, тому повѣрено! И видя такое мое, холопа твоего, невинное раззореніе, а иныхъ въ животахъ моихъ и помѣстьяхъ, въ вотчинахъ, въ людехъ радующихся и веселящихся, многіе рабы переймутъ, и на многихъ пожиточныхъ людей доводить станутъ ложно, и постраждутъ такъ, какъ и въ прежнихъ родахъ было страданіе невинное, а образъ мое невинное раззореніе готово къ выпискѣ, чему повѣрено и что отставлено. А въ лѣто благочестиваго царствованія славныя и блаженныя памяти отца твоего Государева, Великаго Государя, Спальникъ извѣщалъ на нѣкакихъ ближнихъ и вѣрныхъ чиновъ высокихъ ваше царственное великое дѣло, и отецъ твой Государевъ,

 Вели-

Великій Государь, премудрымЪ своимЪ ГосударскимЪ разсмотрительнымЪ разсужденіемЪ повѣрити не изволилЪ, а положилЪ надежду вЪ Бозѣ; а ближній былЪ человѣкЪ, а не такія сиротины, увѣчной и мужикЪ поселянинЪ. А на которыхЪ доводЪ былЪ, не воспомянули своей бѣды, и намЪ невиннымЪ беззаступнымЪ при васЪ будучи, ВеликомЪ Государѣ, и на прикладЪ своего дѣла вамЪ Великому Государю не донесли, что отецЪ твой Великой Государь ближнему человѣку вЪ извѣтѣ повѣрити не изволилЪ; какЪ такимЪ повѣрить, и безЪ суда очныя ставки учинить, и раззорить, и осмотру ДумныхЪ, и обыску, и сыску, и ссылкѣ на отцевЪ духовныхЪ не повѣрить; а сія вся за злобу, за ненависть и за преумноженіе милости вашея Государскія, кЪ намЪ вЪ заступленіи злобою удержались, и вамЪ Великому Государю на примѣрЪ не извѣстили. А кто доводилЪ и на кого, и я, холопЪ твой, имена ихЪ молчаніемЪ почту, да на иныхЪ на многихЪ, Великій Государь, доводы были отЪ рабовЪ; милостію же отца тво-

твоего Великаго Государя покрыты, и сего всего въ то время не воспомянули, и намъ, холопемъ твоимъ, въ отраду и въ пользу заступленія не учинили, что не достоитъ противъ законовъ Божіихъ и вашихъ Царскихъ сиротамъ на господина вѣрить. И сіе тебѣ, Великому Государю, не донесли; радостію порадовались нашему невинному осужденію и раззоренію, и желая пожитковъ, вотчинъ, помѣстій, людей на пополненіе домовъ, не воспоминая запретительнаго Божія слова, еже рече во святомъ Евангеліи: въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ. Милосердый Великій Государь! что противно я, холопъ твой, учинилъ, дѣломъ, или словомъ? Какъ работалъ блаженныя памяти отцу твоему Государеву, Великому Государю, и былъ во всякомъ его Государскомъ повелѣніи безъ отговору, въ ратныхъ, въ посольскихъ, въ разспросныхъ во всяхихъ дѣлѣхъ, въ ратныхъ строяхъ, къ чести и къ славѣ, къ повышенію вашему Государскому имени и ко всякому благополучію и къ непрестанной радости, и къ урядству чину васъ Вели-

Великихъ Государей походы ваши Государскіе строилъ, лошади наряжалъ, кареты впрягалъ, и какъ послѣдній походъ отца твоего Государева, Великаго Государя, былъ къ Живоначальной Троицѣ въ Сергіевъ монастырь, а возники необученые были впряжены въ карету, и не пошли отъ приступу, отъ рундука, и я, холопъ вашъ, въ Боярехъ будучи, угождая вашему Государскому повелѣнію, и чтобъ не зазорно вашему Государскому стоянію чрезъ чинъ предъ вами Великими Государи, и передъ всѣми чинами, и иноземцы, карету впрягалъ и' не отговаривался, что сижу въ Посольскомъ приказѣ и конюшня не мнѣ приказана, и не умѣю такой нарядъ положить на возники, какъ въ то время возницы сказали: мы не умѣемъ приняться, не видали, какъ наряжаютъ; и сперва не онижъ наряжали: такъ и тебѣ Великому и милостивому Государю по самую Верьхотурскую посылку, которою посылкою отлученъ отъ Государскія милости. А когда ненависть обыде мя, холопа твоего, и въ то время не отвѣщахъ

про-

противу указу Вашего Царскаго Величества и повелѣнія, и о аптекѣ взять у меня ничто отвѣщахъ, кромѣ того, что воля твоя Великаго Государя. По семъ Вашего Царскаго Величества Бояринъ Родіонъ Матвѣевичь Стрешневъ вынесъ указъ изъ комнаты въ переднюю и сказалъ: указалъ Великій Государь быть тебѣ на своей Великаго Государя службѣ на Верьхотурьѣ. Воля его Государская, готовъ, сіе ли мнѣ извѣстить Великому Государю, ничто иное, токмо готовъ, весла, кормщика не дано. Къ берегу Дьякъ Перфилей Оловянниковъ пріѣхавъ, сказалъ: какъ есть, поѣзжай. Тотчасъ готовъ, и безъ весла и кормщика поплылъ отъ берегу; носомъ и кормою поворачивало. За Лаишевъ твой Великаго Государя указъ присланъ, повелѣно поворотиться: тотчасъ поворотился. Указъ твой Великаго Государя присланъ съ Полуголовою съ Алексѣемъ Лужинымъ, велѣно у меня, холопа твоего, взять ему книгу лечебную, про которую и не слыхалъ: отдавать нечего, давалъ себя и въ домишкѣ своемъ обыскивать съ под-

утвержденіемъ страха твоего Государ-
скаго, чтобъ онъ осмотрѣлъ въ рух-
лядишкѣ моей; и онъ Алексѣй ска-
залъ, что ему твоего Государскаго
указу нѣтъ, не осматривалъ. Люди-
шекъ спросилъ Ивашка Еврея. Захар-
ка карла тотчасъ отдалъ; а Иваш-
ка Еврей по посылкѣ его Алексѣя
взятъ, какъ изъ Казани ѣхалъ въ
Лаишевъ. Думной Дворянинъ Ѳедоръ
Прокофьевичь Соковнинъ, Думной Дьякъ
Василій Семеновъ, пріѣхали въ Лаи-
шевъ ночью, дай жонку, дай пись-
ма, дай животы смотрѣть, дай пле-
мянниковъ, дай инока, дай іерея,
дай людей: тотчасъ жонку, пись-
ма, животы отдалъ, племянниковъ,
людей тотчасъ послалъ на съѣзжій
дворъ; о инокѣ, о іереѣ сказалъ: са-
ми пошлите къ нимъ, а я власти не
имѣю надъ ними. По меня, холопа
твоего, прислали, велѣли на съѣзжій
дворъ тотчасъ быть пѣшему: тот-
часъ пѣшъ пошолъ. Что, Великій Го-
сударь, сыскали, что нашли, чѣмъ об-
личили, какое обличеніе на меня, хо-
лопа твоего, привезли? Что ни при-
везли, то къ правдѣ моей и невинно-

сти. Послѣ того присланъ изъ Казани Дворянинъ Гаврила Григорьевъ сынъ Нарманской, да съ нимъ Полуголова Алексѣй Лужинъ, и сказали мнѣ, холопу твоему, твой Великаго Государя указъ: указалъ Великій Государь перевесть тебя изъ Лаишева въ Казань. И я, холопъ твой, сказалъ имъ: сего часа на дровни и брести готовъ, куды воля Великаго Государя. И они мнѣ сказали: велѣно тебя со всемъ перевесть, и сего часа намъ не успѣть. И собрали рухлядишку мою, и людишекъ, и отвезли меня, холопа твоего, въ Казань. И въ Казани Бояринъ Иванъ Богдановичь Милославской прислалъ ко мнѣ Дьяка Ивана Ярославца: указалъ Великій Государь быти у тебя приставамъ пяти человѣкамъ и караулу, а вины никакія не сказалъ. И я, холопъ твой, видя гнѣвъ Божій и твою Государскую опалу, воздохнулъ съ пролитіемъ кровавыхъ слезъ къ Его превысочайшему и всемогущему престолу Божію. Послѣ того твой Великаго Государя указъ присланъ: велѣно людишекъ отпустить по деревнишкамъ, а иныхъ на

волю

волю на наемныхъ подводахъ. Тотчасъ подводы нанявъ, отпустилъ по деревнишкамъ; а на волю людишекъ мнѣ, не видѣвъ въ себѣ никакія вины, за что отпустить? Послѣ того пріѣхалъ ко мнѣ, холопу твоему, на дворишко ночью Дьякъ Иванъ Гороховъ, и сказалъ мнѣ: гдѣ твои животы? Дай ихъ тотчасъ; а вины никакія не сказалъ. И я, холопъ твой, сказалъ ему: въ животахъ моихъ ни краденаго, ни разбойнаго, ни воровскаго, ни измѣннаго, ни заповѣднаго нѣтъ; животы отца моего и родителей его, животы матери моей и родителей ея, и мои нажитые милостію Божіею и Великихъ Государей жалованьемъ, за посольскія службы и за мои работы ратныя, и за посольскія, и за крови, и за всякія многія работы въ шестьдесятъ девять лѣтъ нажитыя; а когда часъ пріиде невинному нашему раззоренію, что Великій Государь изволилъ животы мои взять безъ вины моей, не сказавъ мнѣ никакія вины, и въ томъ воля Божія и его Государская, и тотчасъ отдалъ. А послѣ пріѣзду Стольника

ника Гаврила Тухачевскаго, пристава моего, и сказки объявилъ я, холопъ твой, лучшаго своего пожитченку, которые добывалъ головою своею, и тому я, холопъ твой, далъ ему Ивану четыре тетрадки въ полдесть, писаны всѣ моею рукою. Онъ же Иванъ спрашивалъ у меня, холопа твоего, пушекъ, пороху числа многаго, свинцу, пансырей, шапокъ, наручей; и я ему сказалъ: ко унятію всякаго воровства былъ починщикъ, а не къ начинанію; и о тѣхъ моихъ работахъ писано въ первой моей, холопа твоего, челобитной. А послѣ того по твоему Великаго Государя указу Бояринъ Иванъ Богдановичь Милославской прислалъ по меня, холопа твоего, на дворишко, и велѣлъ меня Головѣ стрѣлецкому Ивану Садилову взять, и сынишка моего, и людишекъ съ женами и съ дѣтьми, и весть до съѣзжей избы пѣшева на позоръ людемъ безвинно, не воспоминая милости вашея Государскія, что я тогожъ лику, что и онъ, и не воспомянулъ работъ моихъ къ вамъ Великимъ Государемъ, и не воспомянулъ рабо-

работы моей къ дядѣ своему къ Боярину Ильѣ Даниловичу Милославскому Коломенской случай, и тотъ горькой часъ всѣмъ имъ запамятовалъ, и не воспомянулъ того часа и времени, какъ онъ одежду небрачную носилъ, и изведенъ на тужъ площадь; и вели меня, холопа твоего, на старость мою и увѣчнаго, и погорбленнаго отъ служебъ, отъ дворишка съ версту, гдѣ былъ за приставомъ и карауломъ поставленъ до съѣзжей избы, какъ злодѣевъ, или измѣнниковъ, и приведши въ съѣзжую избу, твой Великаго Государя указъ и вины сказывали, которыхъ винъ не бывало, и тому повѣрено, чего въ умъ взять не возможно. Работалъ вамъ Великимъ Государемъ чистымъ сердцемъ, а не лукавымъ, и работы мои свидѣтельствуютъ меня; и не того чаялъ, что раззорить меня, холопа твоего, за едину ненависть отъ злыхъ, отнято все, только изъ всѣхъ моихъ живо тишковъ дана мнѣ, холопу твоему, тысяча рублей денегъ; и людишки мои, видя гнѣвъ Божій надъ нами, и вашу Государскую немилость и опалу,

и конечную нашу бѣду и раззореніе странное, всѣ страхомъ обмирали, слыша сиротину моего въ пламени сожженна, и видя надъ собою разспросы острые о животахъ моихъ, гдѣ схоронены. Едва упросилъ у нихъ, и чрезъ кровавыя мои слезы умилились, воспомянули законъ Божій, и насъ въ такомъ раззореніи и нищетѣ не покинули, изъ тоя тысящи давали дачи немалыя, чтобъ насъ не отступили, а иное что займовали въ Казани, харчь всякой изъ тѣхъ же денегъ платили. Гнѣвъ твой премилостиваго Великаго Государя на насъ, холопей твоихъ, навели ненавидящіе мя, кромѣ винъ и неправдъ нашихъ, лицемѣрствуя и показуя устнами истинну; я же влагалъ угождающіи инымъ не своя глаголы, но разумъ онѣхъ претворяя. Скрывалъ же отъ васъ Великаго и благочестиваго, Христіянскаго милостиваго Государя разумъ истинный, или неискусенъ Божественнаго писанія, и за сіе не можетъ инославія убѣжати, порока, до скончанія вѣка. Кто убо, иже наипаче о себѣ радѣти, и о истиннѣ ещежъ

сію

сію терпѣти восхощетъ, и вамъ Великому и милосердому Государю бити челомъ умолчитъ? Кто не осудитъ дерзость ихъ? Мали бо суще числомъ, желаютъ своя хотѣнія паче всѣхъ царственныхъ, церковныхъ учителей крѣпствовати. Кто не вѣсть, кто не зритъ ясно, яко сія вся творили для раззоренія дому моего, а для наполненія домовъ своихъ родителей и друзей животами моими, помѣстьями и вотчинами, и людьми? И того ради милости вашея Великаго Государя за невинность нашу до насъ бѣдныхъ не допущаютъ, желаютъ себѣ вѣчно имѣніе наше невинное удержати за собою, и чаяли, что животъ нашъ отъ таковаго страннаго раззоренія скончается вскорѣ, не воспоминая себѣ реченія мудрыхъ, что всякаго человѣка душа привязана союзомъ Божіимъ, и ключь живота и смерти въ руцѣ Его. Возможно было имъ по вашей Великаго Государя милости и по крайней ихъ близости и безъ моихъ кроваво выслуженныхъ вотчинъ и помѣстій быти, и не нападати на невинныя наши помѣстья и вотчины,

и которыми мы, холопи твои, пожалованы были за многія мои великія службы къ вамъ Великимъ Государемъ, и ко всему вашему Великихъ Государей государству, въ которыхъ службахъ свидѣтельствуюсь вашими Великаго Государя вотчинными грамотами за вислыми печатьми, которыя съ животами моими и со всѣми крѣпостьми дворовыми и помѣстными, и купчими вотчинными, и людскими, и съ иными крѣпостьми взялъ Дьякъ Иванъ Гороховъ. Тутъ же взялъ 4 тетрадки лучшаго моего пожитченку, кромѣ его переписи, что онъ переписывалъ, въ десть писана книга за моею рукою, да двѣ книги въ переплетѣ, одна въ кожѣ красной, а другая въ тетрадяхъ. Тутъ вся моя, холопа твоего, рухлядишка написана, кромѣ того, что въ четырехъ тетрадяхъ моею рукою писано. А и въ первой моей, холопа твоего, челобитной тѣ тетради объявленыжъ; и объявилъ ли онъ Гороховъ тѣ тетради, что писаны моею рукою, или нѣтъ, того я, холопъ твой, не вѣдаю; а вѣдаю то, что еще въ Казани подъячій, который

былъ

былѣ вѣ ссылкѣ вѣ Казани, а былѣ сѣ нимѣ Иваномѣ и ходилѣ по Казани и носилѣ мои, холопа твоего, ножи на себѣ, оправа серебреная сѣ чернью, и сѣ набоями золотыми, которыяжѣ ему не довелось носить за описки животовѣ моихѣ на васѣ Великаго Государя; а мы, холопи твои, на отлучившихѣ насѣ отѣ вашея Великаго Государя превеликія милости безѣ всякія нашея вины, и имѣніемѣ нашимѣ, помѣстьями, вотчинами, людьми владѣющіе и веселящіеся, вседневнымѣ и нощнымѣ, и всечаснымѣ и непрестаннымѣ воплемѣ воплемѣ, источники кровавосѣемѣ и скорбей нашихѣ слезы, которыя, по писанію, облаки препинаютѣ ко престолу неприступныя славы, воспоминающи Божественное писаніе, еже рече: не пріимемѣ богатіи иныхѣ упадкомѣ, ниже смѣсимѣ наше богатство чужимѣ слезамѣ: достоитѣ было имѣ вѣ чуждыхѣ напастехѣ своя плодити скорби, а не нашей погибели радоватися. А что мнѣ, холопу твоему, поносятѣ о похищеніи Князь Семеновой вотчины Львова, и Князь Семенова, Великій

кій Государь, вотчина дана мнѣ, холопу твоему, милостію отца твоего Государева блаженныя памяти Великаго Государя, а Князь Семеновою виною явною и уличенною, что онъ не такъ учинилъ, какъ вашъ Великихъ Государей указъ надлежитъ: Первое за то, что учинена та купчая по смерти Думнаго Дьяка Михайла Волошенинова художествомъ зазорнымъ, и рука у той купчей не Михайлова и свидѣтельство, Великій Государь, въ дѣлѣ очныя ставки, какъ была очная ставка, у Князь Семена Львова съ Ѳедоровыми дѣтьми Иванова, и съ очныя ставки площадные подъячіе допрашиваны, и сказали, что рука не Михайлова, а учинено то художествомъ зазорнымъ. Вторая, Великій Государь, вина Князь Семена Львова, какъ воровалъ и ходилъ на море въ первыя воръ Стенька Разинъ, и раззореніе учинилъ Персидскому государству, и пришелъ въ Астрахань и познался съ Князь Семеномъ Львовымъ, назвались межъ себя братьями, и не исходилъ изъ дому его, и пилъ и ѣлъ, и спалъ въ домѣ его, а на то

братство и дружество свидѣтельство?
какъ воръ второе пришедъ подъ Астрахань, той же воръ и Астрахань взялъ, и Боярина и Воеводу Князь Ивана Семеновича, и брата и товарища его Стольника Князь Михайла Прозоровскихъ, и Дьяковъ, и подьячихъ побилъ и Астрахань безъ остатку раззорилъ, а его Князь Семена за братство и за дружбу отъ убійства сохранилъ, и животовъ его не грабилъ; а убилъ его воръ Ѳедька Шелудякъ по многомъ времени и по казни вора Стеньки Разина. И за то, Великій Государь, Князь Семеново братство съ воромъ Стенькою Разинымъ, гнѣвъ отца твоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, былъ. Третія вина, что та вотчина преже сего была дворцовая; а что по твоему Великаго Государя указу, а по челобитью Князь Семеновы жены Львова, Бояре челобитья ея и дѣло, что въ помѣстномъ приказѣ, слушали, и приговорили у меня, холопа твоего, отставить и отдать ей; а очныя ставки въ той выпискѣ въ помѣстномъ приказѣ не было, и та очная ставка

подъ

подЪ то дѣло не поднесена, и вершили безЪ очной ставки; а для ея вдовства по челобитью нѣкоего кЪ отцу твоему Государеву, Великому Государю, вмѣсто взятыя вотчины, что дана мнѣ, холопу твоему, дана ей вотчина изЪ вотчинЪ Боярыни Ѳедосьи Прокофьевны Морозовой; а отнята у меня, холопа твоего, безвинно. ВЪ вашихЪ ВеликихЪ Государей указѣхЪ и вЪ уложеньѣ безЪ очныхЪ ставокЪ и безЪ крѣпостей о земныхЪ дѣлѣхЪ вершеніе не бываетЪ; а надо мною, холопомЪ твоимЪ, учинено мимо вашихЪ ГосударскихЪ указовЪ, ненавистію на меня нарушено. ВзятЪ у меня, холопа твоего, человѣкЪ свободной сЪ отпускною холопья приказу и сЪ подписною челобитною Думнаго Дьяка Герасима Докторова, велѣно дать ему воля, и тотЪ человѣкЪ безЪ суда и очныя ставки отданЪ Дьяку Ивану Горохову. ЧеловѣкЪ же взятЪ крѣпостной безЪ суда и очныя ставки, и отданЪ онЪ Андрею Безобразову. Еще, Великій Государь, паче сего вашЪ ВеликихЪ Государей указа нарушенЪ, ненавидя меня, холопЪ

 тво-

твоего, всѣмъ Сибирскимъ Воеводамъ во всякихъ дѣлахъ отсрочивано, и мнѣ, холопу твоему, отсрочено, а послѣ отсрочки еще будучи я, холопъ твой, на Москвѣ, къ суду меня и людишекъ моихъ, которые по обычаю ходятъ за дѣлы, къ суду не позваны, и безъ суда отданы ненависти и злобы ради отъ ненавидящихъ насъ. Сія творишася чрезъ ваши Великаго Государя указы. А естьли бы, Великій Государь, отъ нихъ ненавидящихъ насъ, холопей твоихъ, чаяніе такое было, что въ челобитьѣ моемъ, и тебѣ, Великому Государю, о очищеніи невинности нашей будетъ отъ Божественнаго писанія отступилъ бы отъ ратованія противо истинны, и не ратовалъ бы такъ на насъ, холопей твоихъ. А неправду его показуетъ Божественное писаніе, какъ писано въ челобитьѣ нашемъ выше сего, и разумъ его чинитъ подзоренъ, и не испытанія Божественнаго писанія, а зависти и ненависти и злобы исполненъ. А какъ по твоей Великаго Государя грамотѣ въ Казани выслушавъ указъ, и не услыша винъ своихъ,

ихъ, неправдъ великихъ и малыхъ нѣтъ, началъ отвѣтъ противъ извѣту давать, елико разумѣлъ, и на меня, холопа твоего, Дьякъ Иванъ Гороховъ крикнулъ: слушай! молчи, а не говори. И везли меня, холопа твоего, въ Пустоозерской острогъ, и по се время и впредь до окончанія живота нашего ни въ чемъ отнюдь я непротивенъ вашему Государскому повелѣнію. А буде, Великій Государь, вѣдаетъ кто измѣну мою, или недоброхотство мое, за что съ нимъ не дать очной ставки? За что не обличить? А буде приносами тайными доброхотствуетъ кто, то милостивый Великій Государь не истинна и не явное и не правое обличеніе. Доброхотствуетъ ли кто тебѣ Великому Государю, доброхотствуй явно; обличать ли кто хощетъ, обличай явно и истинною, законами Божіими, законами вашими Царскими, свидѣтели благими, а не такимъ воромъ и сиротиною. Аще, Великій Государь, явное обличеніе противустояти не восхощетъ, виждь, Царю святый, лукавнуютъ, а не истинствуютъ. Вѣмъ я, холопъ твой,

 по

по правой своей службѣ и работахъ своихъ истинныхъ, какъ дѣла мои являютъ мя, холопа твоего, мнѣ во обличеніе явно не станетъ, для своей нечистой совѣсти самъ одѣется стыдомъ и неправдою. Мы, холопи твои, всегда съ Богомъ, въ Него трисоставнаго вѣруемъ и покланяемся, и поемъ, и исповѣдуемся, и пречистое Его тѣло и святую Его кровь пріемлемъ на воспоминаніе слова Его, еже рече: Ядый мою плоть, и піяй мою кровь во мнѣ пребываетъ и азъ въ немъ. Аще мы, холопи твои, и скверны, да не лишаемъ себя того вѣчнаго живота; а которыи бываютъ въ паденіи, тѣмъ сила Божія возбраняетъ и входъ церковный, не токмо тайны исповѣдь и пречистое тѣло и кровь пріяти, и на сіе свидѣтельство въ чудотвореніи о отрокѣ Великаго Василія. Вели, Великій милостивый Государь, противъ законовъ Божіихъ, Апостольскихъ, отеческихъ, вашихъ Государскихъ, и противъ моихъ челобитенъ выписать изъ книхъ Божественнаго писанія, изъ своихъ Великаго Государя указовъ и Уложенья, чтобъ ненавидящіе насъ,

холо-

холопей твоихъ, своимъ немилосердіемъ, острымъ и строгимъ мнѣніемъ для своей недружбы хотѣнія не исполнили. Бели намъ указъ учинить противъ Божественнаго писанія и вашихъ Государскихъ законовъ, чтобъ мы, холопи твои, вѣдали, которые законы, Божіи ли, или Апостольскіе, или отечестіи, или ваши Царскіе насъ, холопей твоихъ, обвинятъ, и чѣмъ отъ тѣхъ воровъ и сиротины оправятъ. А противъ твоей Великаго Государя грамоты, какъ въ Казани безъ винъ нашихъ и неправдъ вины и неправды сказываны, и мы, холопи твои, въ двухъ и въ сей третьей, всякую статью очистили истинною и законами Божіими, и Апостольскими, и отеческими, и Богословскими ученіи, и вашими Царскими законами, и воровство и составъ явной изобличили, и противъ нашего челобитья двухъ челобитенъ шестое уже лѣто доходитъ, указу милостиваго о невинномъ моемъ раззореніи нѣтъ; а раззоренъ приговоромъ на Москвѣ и въ Казани въ мѣсяцъ безъ вины странно, такъ скоро и угодно и потребно

завидящимЪ учинилось для пополненія домовЪ родителей своихЪ. И тѣмЪ еще желаніе свое не исполнили и не насытились: еще кЪ тому мучатЪ со всякихЪ нуждЪ; а вЪ милосердіе милости пріити вЪ такое долгое время исполнитися не хотятЪ. Аще и тяжко и стужительно наше, холопей твоихЪ, кЪ тебѣ Великому и милостивому Государю кровавослезное челобитье видится и опечаливаетЪ, и усомнѣваетЪ слышателя, отЪ котораго страждемЪ; но сердце наше не можетЪ невиннаго и страннаго сего раззоренія и безчестія множествомЪ времени вЪ невинномЪ и страннномЪ раззореніи терпѣти во всякой горести. А приговорЪ сЪ ненависти и зависти и сЪ недружбы учинилЪ недругЪ мой скоро, не осмотря вЪ БожественномЪ писаніи и вЪ законѣхЪ, и не осмотря крѣпко вЪ доводѣ и вЪ дѣлѣ, внезапу возшелЪ на такую ярость. АщебЪ и отЪ ратникЪ такожде пострадали мы, холопи твои, какЪ отЪ его приговору, но обаче мы, холопи твои, пустошствомЪ, вЪ немЪ же насЪ устроилЪ; но вся сія оставляемЪ и поно-

ношеніе кротцѣ претерпѣваемъ, аще и смертну намъ далъ рану. Аще не бы ваша Государская премногая и неизреченная милость животъ нашъ удержала, уже бы давно скончаны были. Приговаривалъ, что я, холопъ твой, достоинъ смерти, а за что, того не разсмотрѣлъ. И безъ вины приговаривать человѣка къ смерти, и учинить ему смерть безъ вины: каково то предъ Богомъ! И въ томъ затмился и не воспомянулъ, что страшно лице Божіе на творящая злая, и все пагубствомъ злобу потребляющу, и страшенъ слухъ Божій и Авелевъ гласъ слышитъ. Молчащею кровію порадовался приговору моему, что пошло въ расхищеніе; а не воспомянулъ святаго писанія: Всякъ сицевую благодать имать пріяти отъ Бога, какову и самъ сотворилъ искреннему своему. Паче же глаголъ Божій: Въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ. Воздастъ ему Господь Богъ здѣ и въ будущемъ. Сбыстъся, Великій Государь, мудрыхъ писаніе въ нынѣшнее время на мнѣ, холопѣ твоемъ: вопрошенъ нѣкто отъ нѣкосго, въ чемъ

бы

бы опаство паче имѣти? Отвѣща ему тако: въ прiятельской ненависти, а во лжи непрiятельской. А мы, холопи твои, видя и слыша о своемъ невинномъ конечномъ раззоренiи и расхищенiи, слезами обливаемся съ чревомъ моимъ, Богу благодаренiе возсылаемъ до исходу душъ нашихъ, яко вещи наши конецъ имяху добръ. Господь даде, Господь и взя. Дѣдъ твой Государевъ, блаженныя памяти Великiй и милостивый Государь, и отецъ твой Государевъ, блаженныя памяти Великiй премилостивый Государь, пожаловали отца моего и меня; а вы, Великiй милостивый Государь, изволили взять. Благословенъ Богъ, изволивый тако. Нази мы, холопи твои, родихомся, нази и отходити будемъ; а пока поживемъ, имѣемъ надежду на Господа Бога и на васъ Великаго Государя во всякомъ призрѣнiи, и о возвращенiи за невинность нашу пожитченковъ нашихъ, и всего нашего раззоренiя исправленiе. Единаго человѣколюбiя Божiя и силы, и твоей Великаго Государя милости дѣло есть, еже намъ, холопемъ твоимъ, избавитися

ся отъ толикихъ невинныхъ золъ, и бѣдъ, и скорбей. Въ насъ нѣсть безпомощныхъ толикія крѣпости, да возможемъ сему приговору противитися часпымъ челобитьемъ своимъ къ тебѣ, Великому Государю, еже нападе на ны; для того и къ пустому морю засланы были за четыре тысячи верстъ, на послѣднюю черту государства вашего, чтобъ не частое челобитье нашее къ тебѣ, Великому Государю, холопей твоихъ было. Сіе токмо намъ оста, да очи наши наполняемъ кровавыми слезами, и руцѣ наши на всякое время возносимъ къ вышнему и всесильнѣйшему Царю Царемъ и Богу на того, кто приговоромъ правду и истинну въ неправду претворилъ, и вопіемъ непрестанно: О вѣчная истинна и праведная любовь и драгая вѣчность! ты еси Богъ нашъ, гдѣ воздыхаемъ съ пролитіемъ слезъ во дни и въ нощи и на всяко время. Виждь, аще истинна суть, о нихъ же мучитъ насъ, суди праведно и утиши неправедно на насъ ожесточившихся утробъ; преврати на умиленіе милости, да тѣми же кровавыми слезами

на

на скрижалѣхъ сердецъ нашихъ пишемъ непрестанно ко святымъ Ангеломъ хранителемъ нашимъ, воспоминая возлегшаго на пламенныхъ персѣхъ во святомъ Евангеліи, еже написа слова Христа Спасителя: не обидите малыхъ сихъ, Ангели бо ихъ выну видятъ лице Отца моего, иже есть на небесѣхъ. А мы, холопи твои, во вѣкъ живота нашего должни Господа Бога молить о вашемъ Государскомъ многолѣтномъ здравіи, и всего вашего Государскаго дому, и о расширеніи государства вашего, паче Царей земныхъ. Клянуся всевысочайшаго Бога именемъ, какъ и изгнаны, и отторжены безъ вины на заточеніе, никогда на васъ Великихъ Государей не воздыхали, и не слезили къ Нему высочайшему въ своемъ невинномъ раззореніи. Провѣщай благосердый Великій Государь ко обидящему насъ, холопей твоихъ, не имѣющихъ помощи кромѣ Бога: Се азъ и люди, яже ми даде Богъ. Приложи благочестивый Великій Христіянскій Государь инъ милостивый гласъ Владычнь, и зѣло вамъ Великимъ Госуда-

даремЪ свойственЪ: яже далЪ еси мнѣ, сохранилЪ, и не погублю изЪ нихЪ ни единаго; да отЪ высочайшаго и всесильнѣйшаго Царя ЦаремЪ и Бога получишь милость и вся благая, и славу вѣчную воспріимешь вЪ лѣта своя. АпостолЪ святый ПавелЪ глаголетЪ: СогрѣшающихЪ предЪ всѣми обличати достоитЪ, да прочіи страхЪ имутЪ; а насЪ, холопей твоихЪ, кто обличилЪ и чимЪ? Или мы, холопи твои, сами себе обличили вЪ сказкѣ своей, или вЪ челобитьѣ своемЪ, вЪ двухЪ челобитныхЪ, и вЪ сей третіей? Или Вашего Царскаго Величества Думные осматриваніемЪ животовЪ моихЪ на Москвѣ и вЪ Лаишевѣ обличили? А противЪ вашего Великаго Государя указу и уложенья по извѣту чьему обыскЪ бываетЪ, а не найдутЪ вины, на извѣтчиковЪ наводятЪ, и вмѣсто извѣтчиковЪ приговоромЪ вина положена на насЪ, холопей твоихЪ, а не на извѣтчиковЪ. А хотя бы, Великій и милосердый Государь, кто и погрѣшилЪ, церковная вина церковнаго требуетЪ исправленія, какЪ о томЪ исправленіи и о молитвѣ Великаго Васи-

силія и всего народа о прельщенномъ отрокѣ показанъ образъ, писано: Видя отрока впадша въ грѣхъ, нача молити Господа Бога со множествомъ народа день и нощь непрестанно, дондеже восприя желаемое. А до животовъ и до всего причины не имѣли, и за своихъ и за друзей и о помѣстьяхъ, и о вотчинахъ на восхищенія желанія имѣти не восхотѣли, токмо едино намѣреніе имѣли въ сердцѣ своемъ, чтобъ свободити душу отъ работы вражія. А при отцѣ твоемъ Государевѣ, Великомъ Государѣ, во обнаженныхъ явныхъ сихъ винахъ, въ книгахъ, въ заговорѣхъ, Богу противныхъ дѣлахъ наказаны и ненаказаны, а милость творилъ: такожде и вы, Великій Государь, милость показали, а помѣстья, и вотчинъ, и животовъ, и раззоренія такова имъ не учинено, какъ надо мною, невиннымъ холопомъ твоимъ, учинено. А кто въ тѣхъ дѣлѣхъ обличенъ, и о именахъ ихъ да умолчу, и совѣсть ихъ судитъ ихъ. За что, Великій Государь, мнѣ, холопу твоему, предъ освященнымъ Соборомъ, и предъ всѣми твоими, Ве-

ликае

ликаго Государя, Бояры, имѣющіи по вашей Государской милости тужъ честь, боярство, суда и очныя ставки съ извѣтчики не дано; а вору извѣтчику, и сиротинѣ моему пьяному, предъ всѣми твоими Великаго Государя Бояры, разспросъ данъ былъ? Извѣтъ воровской составной былъ на Москвѣ, а невинное обличеніе учинено въ Казани намъ, холопемъ твоимъ, а чины наши и животы взяты безъ вины. А естьли бы я, холопъ твой, себя и сынишка своего предъ освященнымъ Соборомъ, для церковной вины, и предъ твоими Великаго Государя Бояры градскихъ ради винъ не очистилъ въ томъ воровскомъ доводѣ, долженъ бы былъ всякаго рода мукъ и жестокосердой смерти. За что, Великій и милосердый Государь, мнѣ, холопу твоему, съ Думнымъ Дьякомъ съ Ларіономъ Ивановымъ очныя ставки не дано, и ему повѣрено; а мнѣ, холопу твоему, будучи въ Боярехъ, не повѣрено? За что, благоутробный Великій Государь, мнѣ, холопу твоему, съ Иваномъ Соловцовымъ, съ Докторомъ Стефаномъ, съ Переводчикомъ

Николаемъ Спатаріемъ, съ Алхимиcтомъ Иваномъ Ефимовымъ, и съ рабы моими Ивашкомъ Евреемъ, Игнашкомъ Лукьяновымъ очныя ставки не дано? Все мое, холопа твоего, раззореніе учинилось отъ того, что я, холопъ твой, со всѣми вышеписанными на очной ставкѣ не ставленъ; и нынѣ мы, холопи твои, у тебя Великаго и милосердаго Христіянскаго православнаго Государя и Царя просимъ о очищеніи невинности нашей, о оборонѣ и о возвращеніи чести нашей, и всего нашего туне и всуе раззоренія, что навожденіемъ злоклевещущихъ на насъ, холопей твоихъ, не истинну, и чтобы намъ въ томъ зломъ невинномъ дѣлѣ, въ зломъ нужномъ мѣстѣ не скончатися, да не будемъ во общемъ судѣ къ общему Царю и Владычицѣ вопити, и здѣ быти и умрети въ Божіи законѣ и въ преданіи Апостольскомъ и отеческомъ, безъ поношенія отъ лукавыхъ человѣкъ и сиротъ, и надѣемся мы, холопи твои, на Бога и на тебя, Великаго Государя. Неизмѣнный Богъ, Его же воля не можетъ благодѣтельства

сво-

своего обнажитись первыя, и намЪ милости любве своея строеніе исполнити, и ваше Государское сердце такожде наполнити милости, и насЪ вЪ горькомЪ, и вЪ кровавыхЪ невинныхЪ слезахЪ, отЪ лукавыхЪ коварствЪ похищенныхЪ противу своего Божія постановленія погубити не дастЪ. А желаемЪ и милости у тебя Великаго Государя просимЪ, чтобЪ вЪ семЪ зломЪ поношеніи не умереть, не очистя себя. РожденЪ на свѣтЪ, и умрети добре, изыти безЪ пороку, то ко благому причитается; а намЪ, холопемЪ твоимЪ, видя себя безвинныхЪ, и вЪ таковой нуждѣ послѣдней при смерти страждущихЪ со всякихЪ нуждЪ, за что умрети вЪ семЪ зломЪ поношеніи отЪ безумныхЪ, и отЪ коварныхЪ, и отЪ тупоумныхЪ? Умились, умилосердися, благосердый Великій Государь, воспомяни отца своего Государева, блаженныя и славныя памяти Великаго Государя, милость его Государеву и свою кЪ намЪ, не имѣющимЪ ни отЪ кого помощи. Воспомяни милостивое его Государское слово кЪ тебѣ Великому Госу-

да-

дарю о насѣ, холопехѣ твоихѣ, за службы и крови мои кѣ вамѣ Великимѣ Государемѣ, быти милостиву, милосерду, благоутробну. Милосердый Великій Государь, Государь благоутробный! сотвори судѣ, и не предаждь обидящимѣ мя до конца. Умилостивись Великій Государь, Государь премилостивый, не вели возбранити суда правды, якоже иногда Израильтескіе Цари не возбраняли суда пра́вды, приступати кѣ славѣ своей и блудницамѣ, какѣ царство третіе пишетѣ о Соломонѣ; единому мнѣ бѣдному, и старости моей погорбленной, не токмо кѣ славѣ Вашего Царскаго Величества приступити до суда правды, чину ради и близости, и работѣ ради моихѣ, и кровей, но и кѣ вашей Царскаго Величества палатѣ суда правды путь препоною немилосердія и ненависти и злобы ради возбраненѣ, по которому пути ворѣ и сиротина мой карла и прочія сироты мои шли невозбранно. Удиви своимѣ Государскимѣ разсмотреніемѣ народы, якоже иногда наияснѣйшій Государь и Король Зелянтѣ лѣта своего

его учинилъ судъ давно и равно, плотію умерый, яко человѣкъ, а памятью суда своего присно у всего свѣта нынѣ живъ. Приведенна на нѣкоего высокія чести въ прелюбодѣйствѣ насильства яша осуди на смерть. Егдажъ молимъ отъ гражданъ, сотвори по прошенію ихъ, не отрече милости, приведъ на судное мѣсто, избоде глазъ, и рекъ: милъ свѣтъ очесе единаго; но милѣйшій долженъ быти свѣтъ суда правды. Се слава вѣчная! Кто не речетъ и нынѣ, и не проповѣсть славу его? Вели, Великій Государь, съ извѣтчикомъ и съ сиротиною моимъ дати судъ, или очную ставку предъ освященнымъ Соборомъ церковныя ради вины, и предъ всѣми Бояры, и Окольничими, и всею палатою законовъ ради градскихъ. А аще кто станетъ за тѣхъ доводчиковъ моихъ отвѣчати, и отъ того я, холопъ твой, не отрекусь. Умилися, Великій Государь, Государь благочестивый и премилостивый, Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Алексѣевичь, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, Государь преблагій; сотвори милость

для Вашего Царскаго Величества весе-
лія дому, и всего царства вашего
радости и благодаренія, которыя ны-
нѣ всемирная державы Вашего Царска-
го Величества поднебесною радостію
празднуетъ, къ нимъ же и мы, хо-
лопи твои, узники штилѣтніе, без-
винно раззоренные туне въ непрестан-
номъ бывый желаніи, и плачи при-
совокупльшіи гласъ свой, о вашемъ
Великаго и милосердаго Христіянскаго
Государя веселіи слово рцемъ: вознеси
всевѣчный, и милостивый, и мило-
сердый Боже рогъ Христа своего Ваше
Царское пресвѣтлое Величество, и бу-
ди миръ въ силѣ твоей, о славо и
діадима царствующаго града! и чтобъ
вамъ Великому Монарсѣ и милостиво-
му Государю, и супругѣ вашей благо-
честивой и благовѣрной Великой Го-
сударынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ
Агафіи Симеоновнѣ, которую въ дер-
жаву скипетра своего избрати по во-
ли всемогущаго Бога изволилъ; да и
Онъ милостивый и премилостивый Бо-
же благословеніе вамъ Великимъ Го-
сударемъ, да царствуете здраво во
благоденствіи и долгоденствіи, и въ
не-

непрестанной радости и въ благополучіи. Благослови васъ Боже, Боже нашъ благослови ны, и убоятся Вашего Царскаго Величества вси концы земли, на златую вѣка память, и да дастъ вамъ наслѣдіе рода вашего Царскаго. Еще же паки мы, холопи твои, милости просимъ для благочестивыя и благовѣрныя Великія Государыни Царицы и Великія Княгини Натальи Кириловны, матери Вашего Царскаго Величества, и для благовѣрнаго и благочестиваго Великаго Государя Царевича и Великаго Князя Іоанна Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, и для благочестиваго и благовѣрнаго Великаго Государя Царевича и Великаго Князя Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, Вашего Царскаго Величества братій; и для благочестивой и благовѣрной Государыни Царевны и Великія Княжны Анны Михайловны, и благочестивой и благовѣрной Государыни Царевны и Великой Княжны Татіаны Михайловны, Вашего Царскаго Величества теты-токъ, и благовѣрной Государыни Царевны и Великой Княжны Евдокіи Алек-

Алексѣевны, и благочестивой и благовѣрной Государыни Царевны и Великой Княжны Маѳы Алексѣевны, и благочестивой и благовѣрной Государыни Царевны и Великой Княжны Софіи Алексѣевны, и благочестивой и благовѣрной Государыни Царевны и Великой Княжны Екатерины Алексѣевны, и благочестивой и благовѣрной Государыни Царевны и Великой Княжны Маріи Алексѣевны, и благовѣрной Государыни Царевны и Великой Княжны Ѳеодосіи Алексѣевны, и благочестивой и благовѣрной Государыни Царевны и Великой Княжны Наталіи Алексѣевны, Вашего Царскаго Величества сестрѣ, многолѣтнаго здравія. Вели, Великій Государь, наше невинное и странное раззореніе возвратить за невинность нашу, честь мою и чинѣ сынишка моего, которыми помилованы отѣ Бога и пожалованы были отѣ отца твоего Государева, Великаго Государя, такожде и отѣ тебя милостиваго Великаго Государя, да возвратится на насѣ, и да покрыется невинное и странное безчестіе наготы нашей вашею

шею Великаго Государя милостію, и животишки наши, домы, и помѣстья, и вотчины возвратить; и вели насъ изъ сего заточенія взять къ Москвѣ, бчтобъ мы, холопи твои, Господа Бога на всяко время просили о вашемъ Государскомъ здравіи; а и на Мезень по твоему Великаго и милостиваго Государя указу велѣно насъ, холопей твоихъ, переволочь отъ Пустоозерскаго и горькослезнаго мѣста, и отъ моря къ томужъ пустому морю, за тоюжъ тѣснотою и стражею темничною; а и на Мезени намъ, холопемъ твоимъ, тунедателей нѣтъ; а что твоего Великаго и милостиваго Государя жалованья дано изъ Мезенскихъ доходовъ сто пятьдесятъ рублей, и того будетъ на день намъ, холопемъ твоимъ, и сиротамъ нашимъ по три денежки, а на иные дни и не будетъ по три денежки, а на одежду намъ твоего Государскаго милостиваго указу нѣтъ. А и противникамъ церковнымъ, которые сосланы на Мезень, Аввакума жена, и дѣти, и тѣмъ твоего Государева жалованья на день по грошу на человѣка, а на ма-

лыхъ по три денежки; а мы, холопи твои, не противники ни церкви, ни вашему Царскому повелѣнію; а хлѣбъ твоего Государскаго жалованья, въ твоей Великаго Государя грамотѣ написано, ржи двѣсти четвертей, овса пятьдесятъ четвертей, ячмени тожъ; а мѣрою нынѣ вашимъ Великаго Государя указомъ, мѣденою мѣрою; всего будетъ ржи 115 четвертей, овса 28 четвертей, ячмени тожъ, и того ради вашего Государскаго жалованья радуемся и плачемъ. Плачу, что ветхій сѣдиною, древенъ работами, сверстанъ кормомъ яко со единолѣтними, иже мастеремъ своимъ еще не дѣлательными, и почитаю и радуюся, что хотя и во гнѣвѣ, а милость свою Государскую помянулъ еси, а о сугубой милости на тебя Великаго и милостиваго Государя надежда наша; и за сіе твое Великаго и милостиваго Государя жалованье мы, холопи твои, Вашему Царскому Величеству къ стопамъ рабски припадая, съ усердіемъ предъ престоломъ вашимъ лицами къ лицу земли челомъ бьемъ, и паки должны во вѣкъ живота нашего о вашемъ

щемъ Великаго и милосердаго Христіянскаго православнаго Государя и Царя, Всевысочайшаго Царя Царемъ и Бога молити, а частымъ челобитьемъ нашимъ къ тебѣ Великому и милосердому Государю не докучаемъ, нуждъ ради нашихъ и тѣснотъ въ шесть лѣтъ, третію челобитную послали къ вамъ Великому Государю, а будетъ холопи твои совершенныя Вашего Царскаго Величества милости не достойни за службу, и кровь, и за работы наши всякія, и за безвинство наше къ Москвѣ взять не укажешь, какъ раба наша взята и за вину съ Колмогоръ; вели наше невинное и странное раззореніе возвратить, да престанетъ плачь нашъ къ Богу, и вели насъ взять въ деревнишки наши хлѣбныя, чтобъ мы, холопи твои, за васъ, Великаго Государя, и за весь вашъ Государской домъ Господа Бога молили. Милосердія, милости, умиленія и отрады просимъ. Премилостивый Царь Государь! умились.

Челобитныя егожъ Боярина Артемона Сергѣевича, въ такономъ же числѣ и о томъ же невиинномъ его очищенiи отъ ненависти и злобы при преждебывшемъ его Боярскомъ заточенiи изъ Пустоозерскаго острога и тѣхъ же лѣтъ, и съ тѣмижъ вышепомянутыми посыльщики въ Москву посланы были ко Святѣйшему Киръ Iоакиму, Архiепископу Московскому, и всея Россiи, и всѣхъ сѣверныхъ странъ Патрiарху.

ПЕРВАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ.

Великому господину, Архiереемъ Архiерею, и Пастыремъ Пастырю, Святѣйшему Iоакиму, Патрiарху Московскому, и всея Россiи, не имѣющiи помощи и заступленiя, развѣ всемилостиваго Бога, и тебя, Его великаго Архiерея, къ милостивому и благочестивому Государю Царю и Великому Князю Өеодору Алексѣевичу, всея Великiя и Малыя и Бѣлыя Россiи Самодержцу, бьетъ челомъ убогой и до конца разоренной Артемошка Матвѣевъ съ убогимъ сиротою, съ сынишкомъ своимъ Андрюшкомъ. Ластовица егда осла-

ослабѣетъ, и не можетъ зноя мраза стерпѣти, бѣгаетъ въ сицевыя мѣста, идѣже теплый и тихїй воздухъ дышетъ: тако и азъ, не могїй прочее сицева противна вѣтра дышущихъ завистїю человѣкъ понести, тамо прибѣгаю, идѣже есть необуреваемая милость и тишина; сїе есть къ заступленїю вашему: извѣстилъ бо ся, и видѣхъ очима моима бываемая вами, яко прибѣгающїи подъ покровъ вашея святости тихїй, и яко на камени твердѣ полагающїи основанїе храмины. Сїе есть упованїе, на заступленїи вашемъ непотопляемы бываютъ волненїи водными, и не раззоряемы обрѣтаются вѣтромъ праведнѣ, челобитную мою у святѣйшаго престола полагаю. Се уже третїе лѣто, великїй господинъ, начали плакати горькими и кровавыми слезы по преставленїи благочестиваго и милостиваго и присномоминаемаго блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великїя и Малыя и Бѣлыя Россїи Самодержца, воспоминая милость къ себѣ отъ него, Божїя Помазанника, обычную,

ную, святѣйшій великій господинъ милостію моя прошенія, паче слезами, а не черниломъ писанная проразсуждая, яже мнѣ ко удержанію нужнѣйшая не презри. Кто же сице многобѣдствуемы, страждая и болѣзнуя, и обрѣтается якоже азъ, иже по скорбехъ, не точію отъ друговъ явственныхъ, но и отъ друговъ присныхъ, иже во овчихъ кожахъ лицемѣрствующіи, ихъ же отъ дѣлъ ихъ вѣмъ, яко Святительство ваше позна, нѣсть ничто же тайно, еже не открывается вамъ; и сіе къ тебѣ, великому господину, пишу, и не инымъ вмѣняю, либо кто вмѣнится совѣстію своею; но къ тѣмъ, которые у меня служили и работали, тѣжъ на мя и возстали, да воздастъ имъ Господь Богъ по дѣломъ ихъ, о тѣхъ не убо егда оболгуемъ, отъ инѣхъ убо егда навѣтуемъ кая, ни единъ, или не мнози отъ древнихъ пострадаша: будутъ бо, рече, врази человѣку домашніи его. Кто когда мужеубійца осужденъ есть, не сущъ на судѣ обличится. Кто святокрадца, или чародѣя, и иныхъ заповѣданныхъ

зако-

закономъ бывый дѣлатель не сущъ на судѣ, отосланъ есть изгнанію за совѣсть судіи; законъ бо повелѣваетъ, да предъ судіею истецъ и отвѣтчикъ предстанутъ; судіяжъ ожидаетъ извѣтовъ и доводовъ на лицѣ, и тогда, или яко невинна отпуститъ, или яко винна осудитъ. Предъ Бояры Давыдко лѣкарь въ разспросѣ сказалъ, что человѣкъ мой Захарка, а разспросъ и оправданіе его, что онъ очищалъ, писано въ первой челобитной. Мнѣ же, Великій Святитель, вина сказана, что той книги безъ указу и безъ розыску жечь не довелось, помня страхъ Божій и Великаго Государя; и я, овца твоего стада, страхъ Божій и благочестиваго Великаго Государя имѣлъ, и имѣю, и имѣти не престану до послѣдняго моего издыханія. Гдѣ, Великій Святитель, то мое слово, чтобъ я приказалъ книгу сжечь, и кто о томъ сказывалъ? Человѣкъ мой Ивашка Еврей; чему тому повѣрено? Хотябъ и не сирошина мой, онъ же человѣкъ мой Ивашка Еврей сказалъ: что онъ приказалъ женѣ своей сжечь; а жена его сказала, что

по

по приказу мужа своего сожгла она. Свидѣтель ми есть Господь Богъ, иже вся вѣсть прежде бытія нашего, что слукавствовалъ на мя, не претерпя пытки; а я не зналъ того ничего, какъ между ихъ было, а всѣхъ вышеписанныхъ лицъ рѣчи разны и несогласны. А въ извѣтныхъ дѣлахъ, Великій Святитель, противъ законовъ Великихъ Государей, рѣчи сводятъ милосердо, и буде не согласны, и тому не вѣрятъ; кому повѣрено, и раззоренъ безъ остатку, и учиненъ нищимъ, не имѣя вины. А что Степанъ Докторъ и Переводчикъ Николай Спатарій, и Иванъ Соловцовъ, то сначала, что сказали, того и въ сказкѣ мнѣ въ Казани не чли, что они меня и себя очистили, или на меня и на себя говорили. Человѣкъ мой Ивашка Еврей умирая говорилъ, что я книги у нихъ не видалъ, и ему Ивашкѣ, и женѣ его жечь не приказывалъ; и сіе слово и невинность мою крозію и смертію своею закрѣпилъ, ни сказкѣ моей допросной за рукою моею повѣрено, еще сущу Бояриномъ, ни Думному Дворянину Ѳедору Прокофьевичу Соковнину,

нину, ни Думному Дьяку Василью Семенову, по осмотру въ рухлядишкѣ моей, что такой книги нѣтъ и не бывало, не повѣрено ни отцемъ моимъ духовнымъ, ни тремъ человѣкомъ племенникомъ моимъ, которые жилище имѣли у меня; ни девяти человѣкомъ людишкамъ моимъ, которые у меня непрестанно жили, не повѣреножъ; единому же вору лѣкарю Давыдкѣ, и то непотребному, повѣрено. Кто же бы, великій господинъ, тако окаменено сердце имѣлъ, видя вся предъ собою жестокая, не возрыдалъ и не восплакалъ? Судимъ, не представъ суду, и осужденъ есмь заточенію. Законы Великихъ Государей, великій Святитель, не допускаютъ выдати человѣка на раззореніе и погибель, прежде даже оклеветаемый не имать предъ лицемъ клевещущихъ его, и мѣсто отвѣта пріиметъ о своемъ согрѣшеніи, и не судитъ законъ человѣку, аще не слышитъ отъ него прежде, и разумѣетъ, что творитъ; мнѣжъ не точію возбранено стати суду, но еще и далече сущу отослану, да враги мои, доводчикъ Давыдка, ближай-

жайше и лучше возмогутЪ на мя ядЪ неправедно изблевати, не сущу отвѣщающу. Но что глаголю, судЪ Божій, идѣже нѣсть лицепріятія, сей истинною и правдою разсудитЪ ны; но и прочая томленія лѣть ми воспомянути, еже кЪ пользѣ всякихЪ моихЪ трудовЪ, кЪ славѣ, кЪ пространству царства благочестиваго Великаго Государя, кая не мню утаенна быти Святительству вашему и за толикія службы, и крови, и всегдашнія смерти пріобрѣтенной чести лишихся и имѣній, еще прежде житія моего прожитыхЪ пострадавши, и нынѣ утверждену и изнемогшу старцу сЪ червемЪ моимЪ, ни пристанища, ниже мало мѣсто имѣти; обаче ниже сія мучитЪ мя. Свидѣтель ми есть БогЪ, ниже о чести, ниже тако о славѣ пекуся, но яко безчестію моему безЪ вины быти исправлену хощу, кромѣ тебя, пастыря Христова, не имѣю никого, ото всѣхЪ обнаженЪ и не воспоминаютЪ прежде бывшаго. Помощь моя отступи, и отверже мя милость и не воззрѣша на мя ближніи мои, познаша чужа, неже мене, и друзи

мои

мой немилостивіи быша, и вѣдущіи имя мое забыша. ОтЪ многихЪ приставовЪ и карауловЪ такЪ стѣсненЪ и вЪ пути такія нужды воспріялЪ, что исписати твоему Архіерейству не возмогу; не токмо что воспоминая законЪ Божій, мнѣ кая ослаба учинити, но и того не могЪ упросити сЪ горькими и кровавыми слезы, чтобЪ принялЪ вЪ Казани мои челобитныя и прислалЪ кЪ Великому Государю, и кЪ тебѣ, великому господину; имѣютЪ бо силу и сильныхЪ дружбу. А я бѣдной имѣю только слезы и воздыханіе, воспоминая словеса, еже рече Господь АммосомЪ ПророкомЪ: Дніе праздникЪ вашихЪ обратятся вамЪ вЪ плачь и рыданіе. Умилосердися милостивѣйшій великій господинЪ, Святѣйшій ІоакимЪ, Патріархъ Московскій и всея Россіи! заступи и упроси волнуемаго бѣдами и плачущаго у вашея Архипастырскія любве милости, еже призрѣвши на смиренное мое прошеніе, воспомяни милость свою ко мнѣ, и невинность мою, и раззореніе мое кЪ милостивымЪ ушесамЪ Великаго Государя,

 благо-

благочестиваго Царя и Великаго Князя Θеодора АлексѢевича, всея Великія и Малыя и БѢлыя Россіи Самодержца: Принеси, чтобЪ онЪ Великій Государь прошенія ради вашего Святительскаго челобитную мою предЪ собою ВеликимЪ ГосударемЪ и предЪ тобою, АрхіереемЪ БожіимЪ, и предЪ всѢми Бояры велѢлЪ прочести, и разсудити милосердо, и чтобЪ онЪ, Великій Государь, насЪ бѢдныхЪ, неимѢющихЪ помощи, не заставилЪ странствовать межЪ чужихЪ жилищЪ, и изЪ сего заточенія велѢлЪ взять, и изЪ за пристава свободить, и жить намЪ бѢднымЪ и за него Великаго Государя, и за его Государской домЪ Бога молить, гдѢ его Государская милостивая воля будетЪ. Подай вЪ заключеніи сущу цѢлебную руку; и о семЪ непрестанно молю, и не отчаяваюся вашимЪ СвятительскимЪ всемощнымЪ заступленіемЪ, вспоможенЪ и помилованЪ быти желаю. Великій господинЪ! умилися.

ВТОРАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ.

Великому господину, Архіереомъ Архіерею, и пастыремъ пастырю, и отцемъ отцу, Святѣйшему Іоакиму, Патріарху Московскому и всея Россіи, всеконечнѣ раззоренныи и ни отъ кого милости и помощи и заступленія въ раззореніи и въ невинностяхъ своихъ неимѣющіи, развѣ всесильнаго и всевысочайшаго Бога, и тебя, Его Архіерея. Бьютъ челомъ Артемошка Матвѣевъ съ убогимъ своимъ червемъ сынишкомъ Андрюшкомъ. Въ первыхъ моихъ, великій господинъ, челобитныхъ, которыя писаны въ Казани во 185 году, Іюня въ 13 день, и не приняты, а приняты въ Пустоозерскомъ и посланы къ Великому Государю, и къ тебѣ великому господину во 186 году, Іюня въ 26 день, и въ тѣхъ обѣихъ моихъ челобитныхъ старости ради и увѣчья моего погорбленнаго, а наипаче всего гнѣва ради Государскаго и опалы, и отлученія отъ Государскія милости, и раззоренія моего всеконечно обезпамятѣлъ, и много, что видѣлъ въ Божественномъ

писанія, и то беэпамятствомъ своимъ не написалъ; а что вспамятовалъ для очищенія себе, чтобъ паче невинность моя предъ Великимъ Государемъ и предъ тобою отъ лукавыхъ и злыхъ сердца человѣкъ очистились отъ вора лѣкаря, и человѣка моего карлы Захарки написано: Великій Святитель! въ извѣтѣ Давыдки лѣкаря, что сказывалъ ему человѣкъ мой карла Захарка, какъ будто мы чли книгу съ Степаномъ Докторомъ и съ Переводчикомъ съ Николаемъ Спатаріемъ, и въ то время будто пришло къ намъ въ избу нечистыхъ духовъ множество; и то, великій Святитель, по наученію лукавыхъ людей затѣялъ воръ Давыдко, хотя себѣ свободы отъ правежу. А человѣкъ мой карла сиротина, убояся страху и мукъ, не токмо такой сиротина увѣчной, но многіе въ крѣпости и въ силѣ, не терпя мукъ, клевещутъ на людей невинныхъ, но и сами на себя говорятъ, чего не дѣлали. И тѣхъ, великій господинъ, дѣлъ по приказамъ много, а я отъ воровскаго ихъ составу и наученія очищаюсь Божественъ-

ственнымъ писанiемъ, какъ о томъ учители церковнiи пишутъ. Не прогнѣвайся, великiй Архiерей Божiй, на овцу, отлученную стада твоего, аще и паршива нынѣ ненавистiю токмо твоего стада, что дерзнулъ написати въ челобитьѣ своемъ отъ писанiя не яко невѣдущу тебѣ, но да воспомяну для очищенiя невинности моей. Святiи Апостолы и святый Iоаннъ Дамаскинъ, и иные глаголютъ: отъ живыхъ сущихъ никому не возможно видѣти духи чистые и нечистые, какъ о томъ свидѣтельствуетъ слово третiе въ Маргаритѣ, бысть, рече, яко день сiй, и прiидоша Ангели Божiи предстати Господеви, и дiяволъ посредѣ ихъ. Убо со Ангельскою ли службою предстоитъ дiяволъ, и посредѣ святыхъ духовъ нечистый духъ предстоитъ. Никакоже, ниже бо святыи Ангели предсташа Богови тѣлеснѣ; но всяка служба предстоянiе глаголется сице, и дiяволъ ста не на небесномъ мѣстѣ, ниже въ премирныхъ силахъ, яко созданiе Божiе, повелѣваемъ бываетъ творити подобающая въ строительства. Великiй господинъ! въ

 чело-

человѣцѣхъ святіи Ангели посылаемы суть, на беззаконныхъ же человѣкъ муки бѣсове повелѣваеми суть. Егда святые Ангелы поминаетъ Павелъ, глаголетъ: не вси ли суть служебніи духи на служеніе посылаеми ради хотящихъ наслѣдовати спасеніе. Отнюду же вѣдомо, яко святіи Ангели служатъ на человѣческая благопоспѣшества; горціи же бѣсове на грѣшныхъ мученія. Посла бо, Давыдъ рече, на Египетъ ярость и гнѣвъ и скорбь посланіе аггелы лютыми. Лукавіи убо и нечистіи бѣсове аще и отпадоша предложеніемъ, но подъ игомъ лежатъ работѣ. Сего ради отвѣщаваше на Ахава, Богъ глаголетъ: Кто пойдетъ и прельститъ Ахава, и падетъ? Отвѣща духъ лукавый: се азъ; вѣдяше бо, яко на сіе учиненъ есть діяволъ. Посылаютъ же ся и къ праведнымъ, не яко мучатъ, но да искусятъ; понеже Ангелъ святъ, послужити искушенію не повелѣваемъ есть; не бо Богъ повелѣваетъ недостойное Ангелу. Сего ради бѣсове на сіе повелѣваеми суть на искушенія; не гласъ бо исходитъ отъ Бога

и лукавому бѣсу, ниже сподобляется сего преступное оно произволеніе., естество бо благо, предложеніе же зло; діяволъ бо не естества есть имя, но произволеніе: не бо діяволъ бысть изъ начала, и не сотворилъ Богъ діявола: но Ангелъ убо созданъ бысть, діяволъ же именовася, яко оболгали Бога человѣкомъ и человѣка Богу. Святый Евангелистъ Матѳей, зачало 75, глаголетъ: первѣе сотвори Богъ изъ небытія въ бытіе разумную тварь родовъ Ангельскихъ существо безплотное, неосязаемое, духи невидиміи и свѣтлости и красоты неизреченной. Книгажъ, святый Владыко, ключь разумѣнія, глаголетъ: два естества наичестнѣйшія Богъ сотворилъ: Ангельское и человѣческое, на образъ свой и подобіе. Такъ рекъ самъ Богъ, глава 1 въ Библіи: Сотворимъ человѣка по образу своему и по подобію. Обаче не по тѣлу, но по душѣ человѣкъ есть образомъ Божіимъ. Богъ есть всевысочайшій, невидимый, и Ангелъ невидимый, и душа человѣческая невидимая. Златоустый же глаголетъ въ Маргаритѣ бесѣда 5: что есть душа,

убо воздухЪ ли, или духЪ, или вѣтрЪ? Но ни что же отЪ сихЪ рекутЪ; сія бо вся тѣлеса суть. КЪ КоринѳомЪ нравоученіе 29: аще бы мощно было изврещи изЪ тѣла душу неправеднаго, и видѣлЪ бы еси ю, но не возможно. Нравоученіе 23: аще бы души нагія можно видѣти, якоже вЪ воинствѣ сраженію мимошедшу, иныя убо мертвы есть видѣти, иныя же уранены плоти, а души видѣти не возможно. Во нравоученіи кЪ КолоссаемЪ 11: аще тѣлу разсѣкшу, коегождо душу можно было видѣти, показалЪ быхЪ, но не вовможно. ВЪ МаргаритѣжЪ, великій господинЪ, воеже предста Царица, той же златострунный глаголетЪ о добродѣтели тѣлеснѣй: что есть доброта тѣлесная, явѣ есть, яко отЪ естества, а не отЪ произволенія. ОнЪ же глаголетЪ: пойдемЪ кЪ души, зри ону; не бо можеши видѣти ю, невидима бо есть. ІоаннЪ святый ДамаскинЪ глаголетЪ, книга 1: вЪ насЪ есть духЪ отЪ нашего естества, ниже воздухЪ есть вдохновенія и отЪ духновенія вдыхаемо и отдыхаемо, иже во время глаголанія, егда

что

что рцемъ, и гласъ слово учиняется и на воздухъ разсыпается. Древній же Философъ Сократъ, его же похваляетъ святый злашострунный языкъ въ нравоученіи 125, всѣхъ сущихъ любомудріемъ одолѣвая, глаголетъ: солнца убо плоть видятъ вси человѣцы, духа же плоти ни единъ может видѣти. А о измѣнѣ существа ихъ духовъ нечистыхъ, и низверженныхъ, и проклятыхъ, никто не написалъ, чтобъ естеству ихъ была измѣна, какъ Златоустый глаголетъ: естество благо, предложеніе же зло; и какъ глаголютъ святіи Апостоли, Петръ, зачало 66 втораго посланія: аще бо Богъ Ангеловъ согрѣшившихъ не пощадѣ, но плѣницами мрака связавъ, предастъ на судъ мучими блюсти. Іуда, зачало 77: Ангелъ же не соблюдшихъ свое начальство, но оставльшихъ свое жилище, на судъ великаго дне узами вѣчными подъ мракомъ соблюде. Человѣкъ же мой карла въ разспросѣ сказалъ: спалъ за печью и храпѣлъ, а видѣлъ; и въ томъ свидѣтельствуюсь писаніемъ же къ Римляномъ. Нравоученіе 24 глаголетъ:

летѣ: азѣ убо сіе реку, иже вѣ глубоцѣй нощи спящимѣ же и храпящимѣ уподобимся вси, и аще мощно существо безплотное было видѣти, показалѣ бы вамѣ, како убо множайшіи храплютѣ, и діяволѣ прокопываетѣ стѣны, и заколаетѣ лежащихѣ, и отъемлетѣ сущая внутрь сонѣ; спяй бо убо ниже зло вѣщаетѣ что, ниже благо. Се, великій и премилостивый Архіерей Божій, не возможно видѣти духи нечистые. Божественному ли писанію вѣрить, или ворамѣ и плутамѣ, и составщикомѣ лѣкарю оралѣ одноокому, и исчадію его карлѣ? Чего и помыслить не возможно, то на меня, видя меня милости и помощи отлученна, затѣяли. А сверьхѣ сего свидѣтельствуюсь Господомѣ Богомѣ, неусыпнаго Его не утаится очесе, и прежде грѣхѣ содѣяти, видя душу, не требуетѣ свидѣтелей, иже вся вѣдый. Какѣ на страшнемѣ Его Божіи судѣ стати? Не токмо словомѣ, или дѣломѣ, но и помышленіемѣ своимѣ отѣ сихѣ всѣхѣ дѣлѣ чистѣ, что ни нанесено на меня Великому Государю. А что прежняго Давыдкова воровства

не

же писалЪ безпамятствомЪ своимЪ вЪ челобитныхЪ своихЪ кЪ Великому Государю, и кЪ тебѢ великому господину, и то нынѢ обЪявляю. ВорЪ Давыдко сказалЪ, что онЪ, будучи у меня во дворѢ, будто видѢлЪ, что мы, заперши сь вЪ палатѢ, чли черную книгу, я, работникЪ твой, СтефанЪ ДокторЪ, Николай Спатарій, а онЪ Давыдка будто вшелЪ кЪ намЪ вЪ палату изневѢстнымЪ дѢломЪ. И ты, великій Архіерей Божій, разсмотри и разсуди милосердо: вЪ запертую палату кто видѢти можетЪ сквозь стѢну, кто что дѢлаетЪ? ВЪ запертуюжЪ палату кто изневѢстно входитЪ, покамѢстЪ кого позовутЪ и пустятЪ? Затворенному внутрь уду вратЪ не возможно есть избѢжати, такожде не возможно пройти внутрь, бывЪ внѢ. Сіе ли, великій господинЪ и святый Владыко, не явное воровство наученное, и не составЪ явно ложной отЪ безумныхЪ? Слова ихЪ судятЪ, и осуждаютЪ ихЪ самихЪ. СловомЪ человѢкЪ своимЪ осудится, словомЪ и оправдится. А допрашиванЪ ли онЪ ворЪ Давыдка, или нѢтЪ, какЪ видѢлЪ онЪ

сквозь

сквозь стѣну палаты и въ запертую палату внезапу какъ входилъ, того мнѣ, работнику твоему, въ Казани въ сказкѣ не сказано. А что сиротина мой карла вралъ, и къ тѣмъ его рѣчамъ и свидѣтель учиненъ костоправъ. И тотъ мой сиротина, убояся страху, внѣ себя вралъ, и рѣчи его въ одномъ дѣлѣ всѣ врознь. Первое передъ всѣми Бояры сказалъ, что онъ спалъ за печью и храпѣлъ; я будто услышалъ, и сорвавъ съ него шубу, вытолкнулъ черезъ порогъ въ другую палату. Въ другой его сказкѣ онъ же карла Давыдкѣ вору сказалъ, что онъ боленъ отъ моихъ побой. Въ третьей сказкѣ костоправу Ивану Максимову онъ же карла сказалъ и прибавилъ и два ребра. Однѣ мои побои явились трожды, а всѣ врознь. А въ первой своей сказкѣ предъ Бояры того не сказывалъ, что я переломилъ ему два ребра; и прошивъ указу Великаго Государя и уложенья вѣрить ему не доведется. А переломилъ ему два ребра Иванъ Соловцовъ, а не я; и какъ переломилъ, свидѣтели есть два человѣка людишки

ки мои, которые нынѢ по указу Великаго Государя свободны, и боятися имЪ нынѢ меня не для чего; и есть-ли воля Государская будетЪ сверьхЪ Лаишевскаго сыску сыскать, воля его Государская. А допрашиванЪ ли ИванЪ СоловцовЪ и карла, и что они сказали, того всего не вѢдаю. А что свидѢтелемЪ учиненЪ мнѢ костоправЪ, и костоправу быти свидѢтелемЪ не возможно; для того что самЪ не видѢлЪ, что я переломилЪ; другое, что я на него вЪ свидѢтельствѢ не слался. КостоправЪ что у карлы слышалЪ, то и сказалЪ, что Думной ДьякЪ ЛаріонЪ ИвановЪ, и АлхимистЪ ИванЪ ЕфимьевЪ, и человѢкЪ мой Ивашка Еврей говорили: и то, Владыко святый, мнѢ ко очищенію, а не кЪ винамЪ. Думной ДьякЪ сказалЪ: смотрѢли книжку, сЪ часовникЪ величиною, и послалЪ вЪ аптеку, а сЪ кѢмЪ, того не упомнимЪ; и что видѢлЪ вЪ ней, благое ли, или злое, и цыфирью ли писано, и того о той книгѢ не сказалЪ. А книгу, великій Святитель, у меня Думной ДьякЪ смотрѢлЪ, что устроена вновь при мнѢ на Славян-

вянскомъ и на Латинскомъ языкахъ о лѣкарствахъ съ цѣною, чтобъ сверьхъ уставу лишнія цѣны не имали. А что онъ, не памятуя тоя книги, которую видѣлъ, а вмѣсто той объ иной сказалъ, которой не бывало, и за то Господь Богъ мздовоздаятель. Дѣло, великій Архіерей Божій, объявляетъ невинность мою: чего ради было мнѣ казать книжку, въ которой было что непотребное? Второе, чего ради мнѣ казати ему же Думному лечебникъ и говорить: принесли мнѣ книжку, годитсяль въ аптеку, вѣдая о томъ, что Думной Дьякъ Ларіонъ Ивановъ Докторскимъ и Медицинскимъ и Алхимистскимъ наукамъ не искусенъ? Чего ради было мнѣ посылати тое книжку къ Докторамъ, вѣдая, что Докторы всѣ не искусны Славянскому реченію и цыфирнымъ статьямъ? Кто бы, великій господинъ, многое богатство, злато и ризы многоцѣнны, и даровалъ мнѣ, и за сія хотѣлъ бы взяти очи мои, не далъ бы я; и аще бы далъ, тогда бы былъ безумнѣйшій и паче всея твари. Аще же тако щажу око тѣлесное, и вся противу

ему

ему ничто же вмѣняю, то кольми паче достоитъ хранити око душевное ума, да не будетъ затмѣнъ. Не хотѣлъ бы за сію малую и мнѣ непотребную книжку, лечебникъ, наслѣдіе родившаго мя и пожитки, прижитые службами, и работами, и кровавыми моими потами, погубити, которые чрезъ шестьдесятъ девять лѣтъ нажиты; могъ бы я, и разумѣлъ, что злое видя въ той книжкѣ, безъ аптеки, и не показавъ Думному, и не посылая къ Дьяку и къ Докторамъ на свидѣтельство, въ домишкѣ безъ свидѣтелей сжечь. А человѣкъ мой рѣчи свои перемѣнилъ, и сказалъ, что онъ взялъ у Алхимиста, а не у меня укралъ, и женѣ своей приказалъ сжечь. А Алхимистъ сказалъ, что далъ ему Алхимисту человѣкъ мой Игнашка, а не я. А какая, великій господинъ, межъ ихъ была книжка, и я того не вѣдаю; всѣ рѣчи врознь, и Великаго Государя указу противны, а мнѣ ко оправданію, а вору Давыдкѣ и карлѣ человѣку моему къ винѣ; и мнѣ, великій Святитель, вмѣсто оправданія со всѣхъ розныхъ и несогласныхъ ска-

 зокъ,

вокъ, которымъ указъ Великаго Государя и уложеніе не повелѣваютъ вѣрить, а вины и неправды написаны мнѣ и сказаны, которыми невиненъ. Мнѣ же, великій господинъ, вина въ сказкѣ моей наведена, какову я далъ Полуголовѣ Алексѣю Лужину, что будто далъ я сказку ложно; и я какъ далъ сказку, такъ и въ дѣлѣ явилось: человѣкъ мой Ивашко не крадывалъ, взялъ у Алхимиста, а Алхимистъ сказалъ тѣ же рѣчи, и сказка моя за что учинена лжива, а моей лжи и неправды нѣтъ, а раззоренъ туне, не имѣя вины. Мнѣ же, Архіерей Божій милостивый, сказано, что книги безъ указу Великаго Государя, помня Божій страхъ и его Государской, и безъ розыску жечь не довелось, а извѣстити было объ ней Великому Государю. Гдѣ, Владыко Святый, то мое слово, что я приказалъ сжечь, или на себя говорилъ, или иніи свидѣтельствовали? Никто, кромѣ человѣка моего Ивашки Еврея; и тотъ рѣчи свои перемѣнилъ, а сказалъ, что онъ взялъ у Алхимиста, а не у меня укралъ, и мнѣ было извѣ-

вѣщати Великому Государю нечего и ни на кого не имѣю; а страхъ Божій и Государской имѣлъ и имѣю, и имѣти не престану до послѣдняго издыханія. За что, Владыко святый, тѣ отставлены, которымъ законъ Божій и Великаго Государя указъ и уложенія повелѣваютъ вѣрить? Отцы мои духовные, Преосвященный Архіепископъ Симеонъ Тверскій, Успенія Пресвятыя Богородицы Протопопъ Кондратъ не допрашиваны, и не повѣрено обыску и осмотру животовъ моихъ и всей рухляди моей, и вездѣ пересмотру на дворишкѣ моемъ и въ Лаишевѣ, какъ обыскивали и осматривали Думной Дворянинъ Ѳедоръ Прокофьевичъ Соковнинъ, да Думной Дьякъ Василій Семеновъ; а книги и ничего противнаго Богу и измѣны моей, осматривая писемъ, никакія не нашли, а писемъ Посольскихъ взяли много; сыскужъ о той книгѣ, что они сыскивали, и въ сыску было два человѣка стряпчихъ, одинъ человѣкъ Дворянинъ Московской, девять человѣкъ людишекъ моихъ, что такія книги нѣтъ и не бывало. Сверьхъ се-

го Думной ДьякЪ ЛаріонЪ ИвановЪ, стряпчій ИванЪ СоловцовЪ, ДокторЪ СтепанЪ, ПереводчикЪ Николай Спатарій, АлхимистЪ ИванЪ ЕфимовЪ. МнѢ же еще вЪ то время по Государской милости будучи БояриномЪ, и всѢмЪ вышеписаннымЪ двадцати человѢкомЪ не повѢреножЪ; единому же домишка моего сиротинѢ увѢчному и вору одноокому повѢрено. За что стражду, не вѢмЪ; уже раззоренЪ, уже всякія милости лишенЪ, отторженЪ, сверьхЪ сего вЪ таковое мѢсто посланЪ, какЪ имя ему Пустоозерской, не токмо купить часть мяса, или калачь, или какія нужды, потребныя для пищи и хлѢба, на двѢ деньги купить, не добыть, и нѢтЪ и не знаютЪ того сЪ почятку, какЪ жить почали; единЪ борщЪ ѢдятЪ, да прибавливаютЪ по горсти муки ржаныя, и то пожиточные люди. Не токмо, великій господинЪ, купить что, имени ради Божія выпросить милостыни не у кого, да и нечего; для того что сами просятЪ, и дать некому и нечего, и бредутЪ врознь, а достальные на тотЪ же путь смотрятЪ

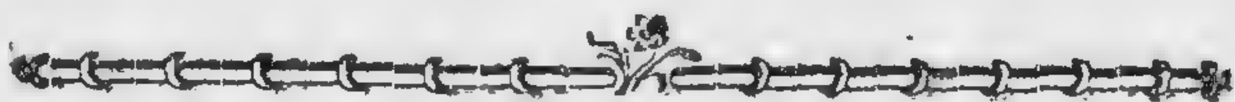
шрятЪ глада ради. А у меня по милости Великаго Государя что не отнято было, и то водами и горами и переволоками потоплено, выточено; приближается до того, что прежде времени со всякихЪ нуждЪ душа извре щи. ЧаялЪ, Архіереи Божіи предстательствовать о мнѢ будутЪ, видя мои невинности и раззореніе всеконечное, но пустЪ помощи, обнаженЪ заступленія и укрѢпляющаго не имѢю; много бѢдЪ туне и всуе и стуженія надтекаетЪ; всѢмЪ предложу хотящимЪ обидѢти мя, аще кто благодѢтельствовалЪ быть благодѢтельство забы оной; аще кому что случилось кромѢ меня, памятозлобствуютЪ и гнѢвЪ на мя испущаютЪ. А вЪ таковомЪ заточеніи, и вЪ такой нуждѢ и тѢснотѢ голодЪ, холодЪ, дымЪ, поношеніе всечасное и стѢсненіе стражи, только душа не извержется, и исписати не возмогу, многобѢдствомЪ не имѢя вины. Умилосердися, великій господинЪ, святѢйшій ІоакимЪ Патріархъ Московскій и всея Россіи! буди предстатель о мнѢ невинномЪ и туне всеконечно

раззоренномъ, неимѣющій ни отъ кого помощи, у благочестиваго и Великаго Князя Θеодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Государя премилостиваго; подай благодать свою яко миро благодать даетъ причащающимся, тако и слово благо. Сего ради и глаголаше нѣкто мироистощенное имя твое отдыхати творящее отъ благовонія онаго, даждь славу имени Всевысочайшему по заповѣди Его, еже рече: милости хощу, а не жертвы. Тоже воздаяніе есть, и седмерицею воздастъ ти въ вѣчномъ воздаяніи радость неизреченную, и ликостояніе со святыми у престола Его всевысочайшаго Царя Царемъ и Бога. Началоводецъ людей Его, Архіерей, Владыки Христа рабъ истинный! сотвори милость ко мнѣ странному и нищему. Живъ Господь Богъ мой, ничтожъ вѣмъ даже до днесь, горе старости моей, и оскорбленному безо всякія вины, злополучному милость равно Ангеломъ сотворяй, о томъ сама Истинна глаголетъ въ писаніи: творите милость, да вамъ милостивъ будетъ Владыко

Гос-

Господь. Вся бо, милостивый Архіерей Божій, аще восхощеши милость исполнити, исполнишь, яко чиномъ и естествомъ благъ и милостивъ; точію да не презриши прошеніе наше слезное, наведи свобожденіе злымъ; ничтожъ прочее о насъ чается ино, точію смерти приснопослѣдствующая скудству всякому, чтобъ Великій Государь милости ради своея Государскія, и славы ради своему Государскому имени, и твоего ради предстательства, и моей ради невинности, и туне раззореннаго, и воспоминая работы, и крови, и увѣчья мои, какъ въ первой моей челобитной къ нему Великому Государю писано, велѣлъ раззореніе наше милостиво возвратить и насъ изъ сего заключенія свободить и взять, и жить намъ бѣднымъ и всеконечно раззореннымъ, гдѣ его Государская милостивая будетъ воля, чтобъ наши непрестанныя и невинныя кровавыя слезы ко всевысочайшему и всесильнѣйшему Богу престали на тѣхъ, которые насъ отъ ихъ Государской милости, и не воспоминая суда Божія, безъ всякія нашея вины

отлучили и раззорили кромѣ всякія правды. Сирыхъ и туне обидимыхъ кровавыя слезы и воздыханіе, и труды, проходятъ облаки къ престолу всевысочайшему. Самъ глаголетъ: покрываютъ слезами, воздыханіемъ и труды жертвенникъ мой, и не имамъ презрѣнныхъ обидимыхъ. А мы бѣдные не отступимъ отъ слезъ и воздыханія грѣшныя своея молитвы, дондеже посѣтитъ той же Всевысочайшій, и подастъ о насъ сирыхъ и невинныхъ милосердіе и умиленіе и милость въ сердце государское. Великій Господинъ Святѣйшій Іоакимъ Патріархъ! смилуйся.

ТРЕТІЯ ЧЕЛОБИТНАЯ.

Великому Архіерею Архіереомъ, и пастырю пастыремъ, и отцу отцемъ, и великому господину святѣйшему Іоакиму, Патріарху Московскому и всея Россіи, озлобленные до конца и раззоренные безъ вины странно, и заточенные въ ссылкѣ на послѣдню черо-

черту моря, за карауломъ сѣдящіе, и неимѣющіе помощи ни отъ кого, развѣ всевысочайшаго и всесильнѣйшаго Царя Царемъ и Бога, и тебя, Архіерея Его, бьютъ челомъ раби твои Артемошка Матвѣевъ съ убогимъ червемъ моимъ сынишкомъ Андрюшкою. Молительная моя, великій Святитель, и слезная челобитная ко пресвѣтлому Великому Государю Царю и Великому Князю Ѳеодору Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу, Государю премилостивому, подобно и къ вашему Архіерейству разумѣхъ подати. Егда вѣмъ свѣта сего оку двоима повелѣватися быти, устроися престоломъ Царскимъ, и престоломъ Святительскимъ, тѣмъ же долженъ пріяти бѣдныхъ прошенія, иже не отвергаеши и сильныхъ желанію, но и осужденныхъ невиннѣ плача виненъ послушати; обое бо приличествуетъ тебѣ Владыцѣ, и съ веселящими веселитися, и съ плачущими плакати; чинажъ есть духовнаго похвала и изященъ образъ, и души своея не щадѣти о погибающихъ, не точію слова, и не токмо самому бы-

ти сильну, но и немощные укрѣпляти, аще нуждъ нашихъ тѣснота велитъ воспомянути, егда како духъ мой твой воспалю, и тебѣ яко кадило молитва ваша Святительская многажды заградди устнѣ меча Божія. Аще тако превозмогаетъ волю, что прошеніе Святительское не одержитъ вамъ просимое, всякое на высоцѣхъ Владыко исполняетъ; ничто же бо просиши не достойное, возбранитъ ли премилостивый земли Христіянскій Царь? Суть бо многая свѣдому вашему Архіерейству, яже на насъ отъ коея неповинности избавитися желаемъ,точію о прилѣжномъ услышаніи молимъ, послушати благоволи. Подущеніемъ отъ любящихъ любохотнѣ, оболговати ближнихъ вмѣняютъ намъ, егоже никогда же отъ насъ чается, свидѣтель ми есть Сѣдяй на Херувимѣхъ и Видяй въ безднѣ. Глаголютъ убо воры и глупцы отца злобы и пагубы отъ царства подаемыхъ, рекше духи въ палатишкѣ моей быти, что ниже кто въ правду ума чуждъ, и явственнѣ неистовъ глаголати можетъ. Ничто же чудно, аще пре-

любо-

любодѣйствуется за ненависть отъ ненавидящихъ мя, и оною тлею растлѣвается, сеюжъ и раззореніе пріяхъ. Кто, великій Святитель, не вѣсть, кто не зритъ ясно, яко сія вся дѣлали и дѣлаютъ ради ненависти, возмущающе и привсѣвающе на насъ, яко во умъ нашъ никогда взыдоша; а насъ, рабовъ твоихъ, ничто же увѣщаетъ о сихъ, ниже отлучитъ отъ любви Божія, аще и смертію кто воспретитъ. Христіяне бо есть мы, и въ законѣхъ Божіихъ живемъ, и на Него уповаемъ. Вѣмы, Архіерей Божій святый, яко милостивъ и благоутробенъ, и человѣколюбивъ, благій, благочестивый нашъ Царь, Его Царское Величество, егда услышитъ прошеніе твое, не отречетъ милости, и невинность нашу разсудитъ и разсудити повелитъ. Сродно бо имъ Великимъ Государямъ, и еще паки обѣщавающимся предъ Богомъ въ помазаніи на престолъ избирати, благое отъ злаго разсудити, правое отъ неправаго разсмотрѣти, обидимыхъ туне отъ ненавидящихъ отъяти и возбранити лукавству лукавнующихъ. Уже пятое лѣто, тре-

тію

тію сію молительную посылаю къ тебѣ, Владыко святый, челобитную, и не получу милости и заступленія за невинность мою; и не точію милости полученія, но и отвѣта милости не слышу. Или возбраняется препонами указовъ Царскаго Величества, или своея превысокія степени престола, нашея нищеты возгнушеніемъ? Однакожъ де мы, раби твои, должны милости и предстательства просити у тебе, дондеже осіяетъ насъ сѣдящихъ во тмѣ и во узахъ стражи милость и молитва ваша Архіерейская. Не повѣрь ненавидящимъ и завидящимъ, и поношающимъ насъ туне; а мы, раби твои, не престанемъ очищати себя отъ поношенія онаго. Услыши, премилостивый Архіерей Божій, что глаголетъ Господь къ Іереміи Пророку: прежде неже создахъ тя, во чревѣ познахъ тя: и прежде неже изыти ти отъ матере си, освятихъ тя, Пророка во языки дахъ тя. Се Божественный Пророкъ глаголетъ въ дебелое сіе плотце облеченнымъ, занеже якоже не мощно превзыти свою сѣнь, и зѣло спѣшающуся, или зримому

му приближитись эраку безъ сущаго въ среди свѣта и воздуха, или водъ внѣ плавательному естеству пропол-затися: тако не мощно сущимъ въ тѣлѣ безтѣлесныхъ видѣти. Учитель великій святый Василій, царствовавшій надъ страстьми тѣла, имѣя столпъ огненный до небесъ, въ бесѣдѣ 8 въ шестодневной книгѣ своей глаголетъ: бѣ нѣкое старшее міробытіе, поставленіе премирныхъ силамъ лѣпотствующее, привременное, вѣчное, присносущное. Дѣла же въ томъ всяческихъ здатель, содѣтель соверши свѣтъ умный лѣпотствующій блаженству любящихъ Господа, словесная и невидимая естества, и всеумнымъ украшеніемъ, елико нашъ разумъ превосходятъ, ниже именованія изобрѣсти мощно. Вижедь, Владыко святый! высокій учитель глаголетъ: невидимое естество, ниже именованія изобрѣсти можно, и превосходитъ такому высокому учителю разумъ. Такимъ ли смердюхамъ, вору одноокому, доводчику, не истинному Давыдкѣ и сиротѣ моему глупому карлѣ пьяному и увѣчному видѣти духи нечистые? Аще и пали, а по есте-

естеству своему благи, яко глаголетъ святый Аѳанасій Александрійскій въ книгѣ скрижалѣ, листъ 11 въ вопросѣхъ ко Антіоху начальнику. Вопросъ Антіоховъ: Чимъ премѣнися существо демонское отъ существа Ангельскаго? Отвѣтъ Аѳанасіевъ: Существо не премѣнися, но произволеніе, якоже мысль праведнаго и грѣшнаго. Въ той же, великій Архіерей Божій, книгѣ написано, листъ 130 о существѣ Ангельскомъ: существо Ангельское ниже зрится человѣческима очима, ниже руками объемлется. Златоустый же глаголетъ: естество бо благо, преложеніе же зло; сего ради видѣти человѣкомъ не возможно. Учитель великій святый Григорій Богословъ, бодрое и неспящее око, но выну въ свѣтъ небесной премудрости зряще, глаголетъ въ словѣ 18, похваляя мученика Кипріяна, а прочихъ и нынѣ поучаетъ, чтобъ мужественно стояли противу кознемъ діавольскимъ, реку нѣчто и нашихъ Іереевъ тайноводительство люди благопокоренія, иже въ плачи утѣшеніе, въ благодѣтельствіи страхъ, богатіи подательство, убозіи благодареніе, вси на лукаваго и горь-

горькаго гонителя ополченія, да не являяся мещетъ, да не стрѣляетъ крыяся, да не яко тьма ратуетъ, да не яко Ангелъ свѣта играетъ и крадетъ въ пагубы, въ пропасти. Виждь, Владыко святый, что человѣкомъ духовъ нечистыхъ видѣти не возможно, какъ Пророкъ и Богословъ глаголетъ: такожде да не являяся мещетъ. Какъ сиротинѣ и вору одноокому видѣть духа нечиста, какъ не являяся мещетъ? Богословъ же глаголетъ: да не стрѣляетъ крыяся. Какъ одноокому вору, а остро наученому зрѣть, и сиротинѣ пьяному видѣти духа нечиста, какъ стрѣляетъ крыяся? Богословъ глаголетъ: да не яко тьма ратуетъ. Какъ вору и сиротинѣ тьма рати духа нечиста видѣти: тьма ничто ино, только лишеніе свѣта. Во святомъ, великій Архіерей Божій, Евангеліи толковомъ отъ Матвѣя, толкованіе небеснаго ума златоглаголиваго Іоанна, глаголетъ Господь: Аще кто не родится отъ воды и духа, не можетъ внити въ царство Божіе. Вопросъ: а почто же отъ воды и духа, а не токмо единъ духъ доволенъ бысть

на

на совершеніе крещенія? Отвѣтъ: сложенъ есть человѣкъ отъ души и тѣла составленіемъ, а не простъ; сего ради сугубою, супружною и сродною, и присная врачеванія на исцѣленіе пріятъ; тѣлу убо видимая вода естественная, душѣ невидимой духъ невидимый. Что, Владыко святый, сего яснѣе? Вода плоти видимой, душѣ невидимой духъ невидимый. Не возможно, великій Архіерей Божій, Духа Бога видѣти; не возможно, великій господинъ, духа чиста видѣти; не возможно, Владыко святый, души видѣти; не возможно, великій господинъ, духа нечиста видѣти. Богъ невидимый, якоже глаголетъ святый Апостолъ Павелъ: Царю же вѣковъ нетлѣнному, невидимому, единому премудру Богу. И Ангелъ невидимый, о немъ же рече святый Іоаннъ Дамаскинъ въ книгѣ второй, его же существо видъ и предѣлъ единъ Зиждитель вѣсть. И аггелъ падшій, онъ же и духъ нечистый, и діяволъ невидимый, о немъ же той же Дамаскинъ глаголетъ: не естествомъ лукавъ бывъ, но благъ сый, и во благѣ

бывъ,

бывЪ, и никакоже вЪ себѢ самомЪ отЪ СодѢтеля злобы имЪ слѢдЪ, самовластіемЪ, волею тьма бысть и душа человѢческая не видима. Той же Дамаскинъ святый глаголетЪ и указуетЪ о человѢцѢ на Григорія Богослова, еже онЪ глаголетЪ: изЪ невидимаго же и видимаго естества содѢтельствуетЪ не видима душа, плоть же видима. Что сего, великій Архіерей Божій, истиннѢе и яснѢе? ГдѢ моя вина, раба твоего? НѢтЪ ее. ГдѢ правда вора и сироты моего? По святомЪ писаніи нѢтЪ правды, только воровской составЪ, лукавство, ненависть. Паки ЗлатоустЪ глаголетЪ: аще непремѢнное невидимаго не являетЪ образЪ, что возбраняетЪ и АнгеломЪ образЪ быти? ибо и тіи суть невидиміи. Но не себѢ, и душа есть невидимая, понеже невидимая просто; сего ради образЪ, аще и не тако, якоже той, перворожденЪ всея твари. Аще бо змія видѢли бы есмы вгнѢждающагося при одрѢ нашемЪ, много бы сотворили есмы тщанія, яко того убити; діяволу же, вгнѢждаемому вЪ душахЪ нашихЪ, ничтоже

же мнимъ страдати люто, но лѣнимся. Виновное же, понеже очима тѣлесныма того не видимъ; и убо сего ради подобаше паче бдѣти и трезвитися: чувственнаго бо супостата ухранитися нѣкто удобно; невидимаго же, аще не будемъ выну вооруженія, не возможно. И паки на первую и вторую, и сію третію мою челобитныя, совершеннѣйше свидѣтельство мнѣ, рабу твоему, на оправданіе и на очищеніе, а врагомъ моимъ и ихъ составному глупству и воровству на обличеніе. Въ Маргаритѣ въ словѣ 3 о святомъ крещеніи Господнѣ, когда при Іорданѣ Креститель Предтеча Іоаннъ, земный Ангелъ, небесный человѣкъ, ему же пища прузи, глаголетъ ко Христу и Богу: азъ требую отъ тебе креститися. Ты ли грядеши ко мнѣ? Христосъ же рече: Остави нынѣ, не видиши ты, кто стоитъ здѣ, врагъ діяволъ; молчи, молчи! да не ощутитъ сей, побороти того пріидохъ; сего ради не пріидохъ нагимъ Божествомъ, обложихся вашею плотію, да не видѣвъ

мя

мя нага, отбѣжитъ. Виждь, Владыко святый, что не возможно видѣти. Креститель Господень, земный Ангелъ, не видѣлъ единаго духа нечиста, а сиротинѣ моему видѣти многихъ. Не сиротины моего и не вора криваго Давыдки тотъ разумъ и смышленіе, но самаго того вышеписаннаго діявола, чрезъ человѣки злые, отъ него же діявола наученныхъ къ пути своему пагубному. Діяволъ пріобрѣтаетъ служащихъ ему подобныхъ. Въ символѣ, еже есть во исповѣданіи благочестивыя нашея Христіянскія вѣры, юже благочестивые Христіянскіе Цари и святѣйшіе Папы и Патріархи, и всѣ освященные Соборы седмь, въ нихъ же бѣ высокіе философы и чудотворцы, согласенъ гласъ испустивше исповѣдаша во благочестіе, и сіе исповѣданіе; ни единъ, ни два, ни три, но вси седмь Соборовъ, отъ востока до запада, полунощія и полудня, утвердили, яко не токмо разума, или реченія, но и литера возбранена перемѣнити; и въ томъ символѣ написано: Вседержителя Творца, небу и земли,

 видѣ-

видимымЪ же всѢмЪ и невидимымЪ. ВидимымЪ человѢкомЪ, невидимымЪ духовомЪ благимЪ и злымЪ. И сіе, великій господинЪ, утверждаетЪ ІоаннЪ ДамаскинЪ: БогЪ сый благЪ, и всякаго блага податель есть; еже полезно намЪ познати и видѢти, откры; а еже не можемЪ носити и видѢти, закры премолча. Вси, великій Архіерей Божій, блаженные Богословцы, яко трубы златокованныя, даша гласЪ языка своего, яко трубою шумяще, возвѢщаютЪ намЪ брань и ополченіе противу силЪ невидимыхЪ. Которые всю свою жизнь имѢли надЪ чтеніемЪ БожественныхЪ книгЪ, и тѢ написали, что духа чиста и духа нечиста видѢти не возможно; сего ради да не поношаютЪ насЪ, рабовЪ твоихЪ, невинно, а наипаче всемЪ прилѢжаніемЪ и бодростію крѢпкою да слышатЪ и свидѢтельствуютЪ слова сія книгами, не яко моя, но яко отЪ тѢхЪ блаженныхЪ мужей реченная; ихЪ бо словеса и утвержденіе страшное. И сіе до пресвѢтлаго Царскаго Величества не донесено, что тому быти и что духи чистые, и души, и духи не-

нечистые видѣть отнюдь не возможно, и сіе затмилось, не воспомянуто ненавидя насъ; дали смертную рану, и учинили приговоромъ своимъ вины и неправды безо всякія вины моея; а я нуждою и раззореніемъ моимъ себѣ на оправданіе правое, истинное, православное утвержденіе къ тебѣ, великому Святителю, приносилъ и приношу. Сиротамъ ли, одноокому и пьяному вѣрить, или Божественному писанію и такимъ высокимъ учителемъ, какъ въ челобитьѣ моемъ писано выше сего? О всевысочайшій и милосердый Боже, всего сотворенія Творецъ, сѣдяй на Херувимѣхъ и пѣваемый отъ Серафимъ, и иже вездѣ сый! Ты вѣси, яко слукавствовася на насъ, и страждемъ и умираемъ туне. Сія ли, Архіерей Божій милостивый, вина моя, что въ разспросныхъ рѣчахъ раба моего и рабы моей писано, а мнѣ наложена безъ вины? Сказали они въ разспросѣ своемъ, въ присылку Полуголовы Алексѣя Лужина, обыскивалъ на дворишкѣ человѣка своего Ивашка Еврея, я книгъ и писемъ осматривалъ и обыскивалъ, и въ

 ларчи-

ларчикѣ, который былъ подъ головами, въ то время того осмотру стоялъ подъ головами у постели Ивашковой жены его была въ томъ ларчикѣ, и ту книгу Ивашкова жена по приказу мужа своего въ Лаишевѣ сожгла; а въ грамотѣ Великаго Государя написано, что мнѣ въ Казани чтена. Естьлибъ та книга была не дурная, для чего было ту книгу подъ мостъ хранить и жечь? И я тое книгу подъ головы у постели рабѣ своей Ивашковѣ женѣ хоронить не великалъ, и жечь той книги ей Ивашковой женѣ не приказывалъ; и сироты мои, мужъ и жена, на меня того не сказывали, что я имъ велѣлъ сжечь; а ту ли книгу она сожгла, или иную какую, они то вѣдали; а запечаталъ то слово свое мукою своею, кровiю и смертiю; а вина мнѣ сказана за что? Гдѣ вина моя та явилась? Пророкъ Iезекiиль глаголетъ: да не будетъ къ тому притча сiя глаголатися: яко отцы ядоша квасное, чадомъ же зубы оттерпоша. Нѣсть бо сiе праведно предъ Богомъ инымъ согрѣшати, а инымъ мучитися; но аще кто согрѣшитъ, той

шой мучится и умираетъ, и чада за отеческіе грѣхи не страждутъ, не токмо господіе за рабовъ; всякъ о себѣ долженъ отвѣтъ дати во благое, или въ злое. Рабъ мой велѣлъ, раба моя своровала; мужъ велѣлъ, жена сожгла; а я виненъ же за что, которыми законы? Мнѣ же, великій господинъ, вина наведена, что той книги безъ указу Великаго Государя и безъ розыску жечь не довелось, помня страхъ Божій и Великаго Государя, и извѣстить было о той книгѣ Великому Государю. И я, рабъ твой, слыша въ грамотѣ Великаго Государя, не могъ и не могу познати и по се время, какъ та вина наложена на меня невинно. Въ грамотѣ Великаго Государя написано: Алхимистъ Иванъ Ефимьевъ въ разспросѣ сказалъ, во 184 году, въ Ноябрѣ, а указалъ назадъ тому два года, и того будетъ за 184, 183, 182 по Ноябрь, далъ ему книжку, величиною съ часовникъ, человѣкъ мой Игнашка Лукьяновъ, а не я, и человѣкъ мой Ивашка Еврей у него Алхимиста взялъ и не отдалъ; а человѣкъ мой Игнаш-

жа ЛукьяновЪ Алхимисту книги жечь не приказывалЪ. А что вЪ указной грамотѣ Великаго Государя написано: извѣстить было оной Великому Государю, а безЪ розыску жечь ее не велѣть; и мнѣ, великій Святитель, извѣщать Великому Государю во 182 году вЪ Ноябрѣ не возможно было: вЪ то время еще здравствовалЪ и царствовалЪ отецЪ его ГосударевЪ, Великій Государь; а и отцу его Государеву, Великому Государю, извѣщати было нечего: вЪ то время извѣту мнѣ отЪ Алхимиста Ивана Ефимьева и отЪ человѣка моего Игнашка не бывало. ТобЪ моя вина была, чтобЪ АлхимистЪ ИванЪ ЕфимьевЪ и человѣкЪ мой Игнашка сказали мнѣ, что человѣкЪ Ивашка Еврей взялЪ книгу и не отдалЪ; а ябЪ тотЪ извѣтЪ покинулЪ просто, и не розыскалЪ, и не извѣстилЪ отцу его Государеву, Великому Государю: тобЪ моя вина была. Кто сія не зритЪ, что вины моей нѣтЪ; осужденЪ отЪ ненавидящихЪ неправымЪ приговоромЪ, и разворенЪ туне. И то можжЪ вина, что я, рабЪ твой, далЪ сказку Полуголовѣ

Але-

Алексѣю Лужину, что у меня человѣкъ мой Ивашка Еврей книги не крадывалъ; а что онъ сиротина, убояся страху мукъ, сказалъ, что онъ укралъ у меня, и то слово его не право и отмѣнилось. Первое сказалъ, что взялъ у Алхимиста, а не у меня укралъ; второе, Алхимистъ свидѣтельствовалъ, что взялъ у него Алхимиста, а не у меня укралъ; третіе, Владыко святый, всѣ рѣчи Алхимистовы и человѣка моего Игнашки, и тотъ человѣкъ мой послѣдними своими рѣчьми укрѣпилъ, что взялъ у Алхимиста, а не у меня укралъ, и сіе запечаталъ кровію и смертію своею. Гдѣ, великій господинъ, моя вина? Гдѣ, Владыко святый, моя неправда и сказка ложна? Нѣтъ моей вины и сказки ложной. Сія ли правда и извѣтъ правой, что воръ Давыдка въ извѣтѣ своемъ затѣялъ, а сказалъ, что видѣлъ сквозь стѣну каменную? Внѣ былъ, а внутрь видѣлъ, и въ запертую палату изневѣстно вшелъ, чему сташися никогда не возможно. Сіяль правда, великій господинъ, что духи нечистые

видѣть, никогда того не бывало, какъ учитъ Божественное писаніе? Сія ли правда, великій Архіерей Божій святый, что воръ Давыдка затѣялъ на сиротину моего Захарку, а карла Захарка, убояся мукъ, не спорилъ ему вору предъ Бояры въ разспросѣ, и съ пытки говорилъ будто безъ ума, будто я, рабъ твой, съ Стефаномъ Докторомъ и съ переводчикомъ Николаемъ книгу чли, а онъ сиротина за печью въ то время спалъ и захрапѣлъ; и сну сиротинѣ моего, что онъ видѣлъ во снѣ, тому повѣрено; а сновидѣніе заповѣдано, якоже глаголетъ святый Григорій Двоесловъ: Сны суть едины съ толстоты плоти отъ объяденія и піянства и жажды приходятъ, и безъ всякаго навѣта и мечтанія случается; ибо аще не бы сонія мечтательная отъ діявола приходили, не бы речено, яко Сирахъ глаголетъ: мнози сномъ прельстишася. Не достоитъ, Владыко святый, тому вѣрить, что воръ и сиротина во снѣ видѣли и врали. Буде, великій господинъ, кто вѣдаетъ измѣну мою и недоброхотство мое,

за

за что не взять меня, за что не дать очной ставки, за что не обличить? Доброхотствуетъ ли кто и достоитъ доброхотству, и извѣщай Великому Государю явно. Обличаетъ ли кто, обличай явно, истинно, аще ли въ явное обличенiе стати противу меня не восхощетъ законами Божiими, Царскими, свидѣтели благими. Есть, святый Владыко, лукавство, хитрость, злоба и не истинна. Пишетъ нѣкто: ничто тако человѣкомъ сладко, яко лгати и глаголати чуждая и о чуждомъ, а своя не воспоминати, недовѣдяще недоумѣнiемъ, ниже сiе, ниже ино что Божественныхъ писанiй видятъ: отъ Бога бо рекошася словеса, и не можетъ лжа быти въ нихъ; отпадше бо отъ сердца правды и своихъ вымышленiй, не видятъ въ Божественномъ писанiи ума, и вмѣсто истиннаго разума, ненавистный ядъ свой привсѣвали намъ на раззоренiе. А нынѣ, смущающеся отступити отъ своего баснозданiя, и держатся и извѣтуютъ обычно предреченные глаголы; а аще бы быша разумѣли, не бы себѣ заключили въ

сiй

сій вѣчный позоръ. И сія вся и нынѣ творятъ и не престаютъ; а слышатъ нужды наши и кровавыя слезы, и не умилятся и въ милосердіе милости притти не хотятъ. Ащебъ предъ ними и сердца наши сѣкли и слезы черпаломъ проливали, не пришлибъ во умиленіе милости, и желая вѣрно удержати имѣніе наше, помѣстье и вотчины за своими родители и друзи. А мы въ семъ нашемъ раззореніи невинномъ имѣемъ надежду на всесильнаго Бога, и на помазанника Его благочестиваго и милосердаго Великаго Государя, и на твое Архіерейское теплое заступленіе и предстательство. А буде ложно бьемъ челомъ и изыщутся вины наши противу воровскаго Датскаго Нѣмчина письма, измѣна наша и недоброхотство, и отступленія отъ закона, какъ врали воръ Давыдка и сиротина пьяной карла, судомъ, очною ставкою, законами Божіими и Царскими, сами на себя приносимъ совершеніе, и да будемъ всякаго рода мукъ и жестокосердой смерти достойны, и всякой составъ на оторваніе плоти нашей до-

достоитЪ растерзати, и псамЪ на снѣденіе бросати, на страхЪ смѣющимЪ творити сія. Аще ли же, великій Архіерей Божій, винЪ нашихЪ нѣтЪ, за что ненавидящимЪ насЪ дати на посмѣяніе, и на раззореніе, и на владѣніе имѣнія нашего? Кому, началоводецЪ людей БожіихЪ, достоитЪ вѣрить, Божественному ли писанію и вышнихЪ учителей ученію, и закона̀мЪ БожіимЪ и благочестивыхЪ Царей, или такимЪ вору и пьяницѣ сиротинѣ, которымЪ по тѣмЪ же вышеписаннымЪ законамЪ не повелѣно вѣрить? Утверждено закономЪ и благодатію: всякЪ глаголЪ станетЪ при тріехЪ свидѣтелехЪ истиненЪ. А мнѣ кто свидѣтель? НѣтЪ его; а мы, раби твои, всегда сЪ БогомЪ и вЪ Него трисоставнаго вѣруемЪ, и покланяемся, и поемЪ и исповѣдаемся, и пречистое тѣло Его Христа Спасителя, и кровь пріемлемЪ на воспоминаніе слова Его, еже рече: Ядый мою плоть и піяй мою кровь во мнѣ пребываетЪ и азЪ вЪ немЪ. Аще и скверны, да не лишаемЪ себе того вѣчнаго живота; приговорЪ сЪ зави-

ети

сти и ненависти учинилъ нѣкто недругъ мой; скоро внезапу наполнився ярости, вскочилъ, аще бы и отъ ратникъ такожде же страдали, какъ отъ его приговору. Да не вмѣнитъ ему сего Господь во грѣхъ! а я, убогой во вся лѣта мои, какъ онъ самъ меня возлюбилъ и нарекъ другомъ, кромѣ работъ своихъ, ничего злаго ему не творилъ, не точію словомъ, или дѣломъ, ни мыслію, кромѣ всякаго блага. Свидѣтель ми есть всевидящее Око. Но обаче ничего же о сихъ и нынѣ на него порицаю, ниже пустошствомъ поношу, въ немъ же насъ устроилъ онъ; но вся сія оставляю и сношеніемъ кротцѣ претерпѣваю. Аще и смертну далъ намъ рану, аще бы не милость Великаго Государя, Государя премилостиваго, единаго на вселеннѣй, животъ нашъ удержало, уже бы давно приговорами его скончаны были. Приговорилъ, что я, рабъ твой, достоинъ смерти; а за что, того не разсмотрѣлъ. Какимъ закономъ человѣку, Бога боящемуся, учинити смерть, и каково то предъ Богомъ? и въ томъ затмился и не воспо-

помянулъ того, что страшно лице Божіе на творящая злая, и всепагубствомъ злобу потребляющу, и страшенъ слухъ Божій, и Авелевъ гласъ слышитъ молчащею кровію. Порадовався приговору своему неправому, и раззоренію моему, что пошло въ расхищеніе. А я, рабъ твой, благодарю Бога, яко вещи мои конецъ имяху добръ: Господь даде, Господь и взя; благословенъ Богъ, изволивый тако: нази родихомся, нази исходимъ; а покамѣстъ поживемъ, имѣемъ надежду на Господа Бога и на слугу Его Великаго Государя во всякомъ призрѣніи. Аще и наказаны, а вины нашея, кромѣ работъ нашихъ, нѣтъ. Единаго человѣколюбія Божія и силы и Великаго Государя милости, и твоего Архіерейскаго предстательства и заступленія дѣло есть, еже избавитися намъ отъ толикихъ невинныхъ золъ и бѣдъ и скорбей. Въ насъ нѣсть, рабовъ твоихъ безпомощныхъ, толикія крѣпости, да возможемъ сему приговору противитися челобитьемъ своимъ частымъ къ Великому Государю, еже нападе на ны. Для того,

го, великій Святитель, и къ пустому морю засланы были за 4000 верстъ на послѣднюю черту государства Великаго Государя, чтобъ не частое челобитье наше и оправданія невинности нашей было къ Великому Государю. Сіе, великій Святитель, токмо намъ оста, да очи наши съ бѣдными сиротами наполняемъ къ вышнему и всесильнѣйшему Царю Царемъ и Богу на обидимыхъ, которые силою своею правду и истинну въ неправду претворили; и вопіемъ непрестанно: о вѣчная истинна и праведная любовь, и драгая вѣчность! ты еси Богъ нашъ, гдѣ воздыхаемъ и слезы проливаемъ во дни и въ нощи; виждь, аще истинна суть, они же мучатъ насъ. Судіе праведный! утиши неправедно на насъ ожесточившихся утробъ, и преврати на умиленіе милости, да тѣми же кровавыми слезами на скрижалѣхъ сердецъ нашихъ пишемъ непрестанно святымъ Ангеломъ хранителемъ нашимъ, воспоминая возлегшаго на пламенныхъ персѣхъ, еже написа во святомъ Евангеліи слова Христа Спаси-

сителя: Не обидите малыхъ сихъ, Ангели бо ихъ выну видятъ въ лицѣ Отца моего, иже есть на небесѣхъ. Вѣмъ, Владыко святый, незабытну имаши память Божественнаго писанія въ сердцѣ своемъ съ небеси ждый его, и присно блюдый часъ пришествія его, и всегда въ рукахъ своихъ держаше святыя книги; однако же не можеши и безъ мірскихъ строеній дому пребывати расправа дому, и приходящимъ обидамъ заступленіе, якоже и есть. Повели, Архіерею Божій, изъ книгъ Божественнаго писанія противъ челобитенъ моихъ трехъ выписати и донести до себя, и приклони ухо свое ко услышанію Божественнаго писанія, и узриши невинность мою, что безъ вины обезчещенъ и раззоренъ туне. Азъ твоя овца твоей паствы, богатые твоея утробы, и нищіе твоеяжъ утробы. Долженъ ты, Владыко святый, предстати за обоихъ, аще обидими есть. Воспомяни, началоводецъ людей Божіихъ, самаго Господа глаголюща: Азъ не обинуяся глаголахъ. И паки, понеже, рече, сотвористе единому малыхъ сихъ, мнѣ сотвористе.

Егда, Владыко святый, не вѣрно слово, яко милуя нища, ничтоже ино воспомяну дѣло добродѣтели. Се или мнитися, ей ей нищъ и убогъ, и всякія милости обнаженъ, и не воспоминаютъ прежде бывшимъ вси сродницы, и друзи мои мене убога оставиша и забыша, или возлюбиша нынѣшній вѣкъ, или страхомъ препоною одержими, и да не вмѣнитъ имъ Господь во грѣхъ, Господь мнѣ помощникъ. Власть, великій Святитель, превысокую имѣешь, и милость любве у Великаго и благочестиваго Государя Христіянскаго Царя Государя милосердаго; видя и слыша обиды мои невинныя, и тѣсноты нестерпимыя, и не отрицайся, Архіерей Божій, заступити. Глаголетъ нѣкто Учитель: аще кто, пастырство имѣя, обидимымъ не помогаетъ, настоитъ насиловати, еже противу сану его будетъ. Аще и отверженъ есмь, аще и нищъ и не имамъ гдѣ главы подклонити, аще и не обрѣтохъ за множество работъ моихъ во вся лѣта мои къ чести, и къ славѣ, къ повышенію имени Великимъ Государемъ Христіянскимъ, на

всей вселеннѣй Царемъ и пространству ихъ, ко урядству всякихъ ратныхъ строевъ, иже свидѣтельствуются благими; однакожде восточныя церкви сынъ и твоея паствы овца. Воспомяни Божіе слово, еже рече: Нѣсть воля предъ Отцемъ моимъ, да погибнетъ единъ отъ малыхъ сихъ. Аще, Владыко святый, оставиши насъ въ невинности страждущихъ, въ конечной бѣдѣ и раззореніи нашемъ, даси отвѣтъ о своей паствѣ, и обѣщаніи въ руку Его словеса твоя; да къ тому прихода Его съ небеси ожидай, приносяща словеса устъ твоихъ написана, имъ же прочестися предъ Ангелы и человѣки. Се азъ и дѣти, иже ми даде, не погубихъ ихъ. Не точію васъ, Владыко святый, учинилъ Богъ надъ нами пастырями на соблюденіе отъ лукавыхъ, но и Ангеловъ употребилъ на наше служеніе, рече: Се есть Ангельское служеніе, еже служити Богу на спасеніе человѣческое, тѣмъ же Ангельское дѣло. Сіе есть, еже вся творити на спасеніе наше. Аще бо ты дому Владыко вѣси, кому что поручити, много

 пача

паче Богъ вѣдый ума Архіерейства твоего, вручи сій престолъ. Сего ради потщися на помощь нашу, возбрани прелести воровской; прельстиша ненаказанніи, и повѣрено, не осмотря въ Божественномъ писаніи, а въ писаніи показати того не могутъ, кромѣ ложныхъ умышленій и наученія, Владыко святый, которая писанія святыхъ, или кая Евангелію научиша невидимая видѣти, нигдѣ же сего обрящутъ. Мы, раби твои, хранили, и хранимъ, и хранити будемъ до исходу душъ нашихъ, добръ залогъ, его же отъ отецъ пріяли, покланяющеся Отцу, и Сыну, и Святому Духу; въ Сынѣ Отца, и въ Дусѣ Сына знающе, вня же крестихомся, вня же вѣруемъ и покланяемся, тому единому честь воздаемъ, и вѣмы, и множайшіе богоносные учители учаще насъ. О семъ намъ нынѣ довлѣетъ. И еще бы къ вашему Архіерейству въ молитвенномъ прошеніи писалъ, да иныхъ ради онѣмѣхъ и смирихся, яко нѣкій облакъ мое сердце подтекъ, и скрыхъ явленіе словесъ, и лежу всѣмъ хотящимъ обидѣти мя, далече всяка-

го блага есмь. А что въ невинности, великій Архіерей Божій, бывшая ми отъ пріѣздовъ съ Москвы и на пути на земляхъ, и на водахъ, воспомянулъ бы писати къ тебѣ, но тогда ми вся внутренняя страхомъ трепещетъ. Нѣсть бо, великій Святитель, ни единаго уда и чувства безъ муки; но каждой удъ свое пострада, и нынѣ страждетъ; къ тому же прилагаются два года съ лишкомъ, непрестанно голодъ, холодъ, дымъ, угаръ, тѣснота, духи смрадные, въ полутретьи сажени избенкѣ отъ человѣкъ живущихъ поношеніе, укоризны, безчестіе, чій домъ; и просто рещи, отовсюду постигоша злая и окованъ нищетою и стражею, и то ли время сидимъ безъ вины въ темницѣ, безъ отрады, милости, за всякія свои службы и крови и работы? Увы намъ бѣднымъ и невиннымъ въ неизреченномъ жалѣніи бывшій и въ недоумѣніи велицѣмъ, неимѣющимъ помощи ни отъ закого! ибо на мноземъ времени въ забытіи себе приходимъ. Воспоминая первыя своя работы и службы, свы-

 ше

ше силою Христа и Бога моего на все удерживахся, съ крѣпкими воины боряхся, и никогда обращахъ полки хребтами къ чуждымъ воемъ, не точію свой полкъ, но и прочихъ. Въ посольскихъ дѣлѣхъ съ крѣпкимижъ сварихся о чести и о славѣ, о пространствѣ и разширеніи государства благочестивыхъ великихъ Государей Христіянскихъ православныхъ Царей. По семъ въ бунтахъ, въ гиляхъ, въ огни и во всякой поторжинѣ боряхся, и за помощію Божіею одолѣвахъ, и во всемъ томъ свидѣтельствуюсь благими нынѣ. Владыко святый! сиротиною домишка моего многочисленнымъ и воромъ одноокимъ побѣжденъ безъ суда и очныя ставки, и безъ всякаго розыску, и неосмотру въ Божественномъ писаніи и высокихъ учителей ученія, и законовъ Царскихъ, кромѣ всякія вины, за ненависть единою неправдою, и страждемъ по се время, и не можемъ суда и очныя ставки упросити. А и безъ суда и очныя ставки мы, раби твои, пишемъ въ челобитныхъ своихъ, и очищаемся предъ Великимъ и благочестивымъ Госу-

сударемЪ словомЪ БожіимЪ, Апостольскимъ, учительскимЪ, философскими ученіи и законами и ихЪ Царскими; и еще свидѣтельствовался Бояры, съ кѣмЪ бывалЪ на службахЪ у дѣлъ; обысками животовЪ моихЪ, ДумнымЪ ДворяниномЪ и ДумнымЪ ДьякомЪ, отцами духовными во исповѣданіи и вЪ принятіи пречистыхЪ таинЪ, и сыску двацати одному человѣку и разспросамЪ послѣднихЪ рѣчей человѣка моего и кровію и смертію, что онЪ поочистилЪ меня, и сему всему не повѣрено, и отставлено; а повѣрено ворамЪ и плутамЪ и глупцамЪ, и за сіе ихЪ воровское умышленіе вЪ горькой тмѣ сидимЪ. Кто, великій Архіерей Божій, не восплачетЪ кЪ невинности плача, писати вѣдущихЪ дѣло невинности нашей, и каково стерпѣ твой великоестественЪ и высокЪ разумЪ, и не исправи злобствующихЪ обычнаго дерзновенія во исправленіе толикаго на мя зла. Но аще и не первѣе сіе бысть, нынѣ убо да возстанетЪ непорочное твое вЪ добродѣтели совершенство, и ясно объявитЪ невинность нашу благо-

благочестивому Христіанскому православному Великому и милостивому Государю, Его Царскому Величеству, да повелитъ дати намъ судъ предъ твоимъ честнымъ и святымъ Соборомъ вины ради церковныя, предъ всею своею Царскою палатою вины же ради градскихъ законовъ; да уснетъ непрестанное наше воздыханіе съ пролитіемъ слезъ къ Богу и къ Его Царскому Величеству, и къ твоему честнолѣпію, и услышанію отъ нашего вопля покой. Аще ли милосердія въ невинности нашей намъ слезящимъ во злѣ не явите, яко ни едино пріобрѣтеніе будетъ, не точію тожъ воздыханіе и слезы къ престолу превысочайшему и на немъ сѣдящему Господу. И еще возвѣщу Архипастырству твоему: писалъ два писанія слезная, просительная, молительная, не водою чернило растворяя, но кровавыми слезами, честному вашего рукоположенія просто Іерею и духовнику и печатарю душъ Великаго Государя, Его Царскаго Величества, и всего его Государскаго дому, къ Никитѣ Васильевичу и къ ближайшимъ

шимЪ Его Царскаго Величества Боярамъ. О предстательствѣ же и заступленіи по закону Божію, и по словеси Апостольскому, другЪ друга тяготы носите, какЪ и мы нѣкогда за помощію Божіею имѣли мѣсто и время вЪ дѣлахЪ, и носили тѣхЪ же вышеписанныхЪ тяготу, и по се время намЪ, бѣдно и слезно нагою изверженнымЪ и отверженнымЪ, не точію милостиваго заступленія и предстательства, ни чаши студены воды, и ни перста на языкЪ мой милости не вѣмЪ; ихЪ ли немилосердіе, или не доходятЪ тѣ мои слезномолительныя писанія; или и доходятЪ, да кЪ нимЪ какимЪ препятіемЪ не вручаются сЪ утаеніемЪ для тяготы нашей отЪ злобствующихЪ и ненавидящихЪ насЪ. Потщися убо на помощь нашу, святѣйшій Архіерею Божій избранный! По семЪ повели призвати честнаго отца Протоіерея Никиту Васильевича, и ему сіе коварство враговЪ моихЪ сказати повели. ОтЪ насЪ же, рабовЪ твоихЪ, отеческое человѣколюбіе неумаленно да будетЪ, и

зане не причастны заступленія, оставиши насЪ. А буде Великій Государь не укажетЪ намЪ дати суда, чтобЪ пожаловалЪ велѢлЪ наше невинное раззореніе для благодаренія и славы имени своему Государскому, и ради работЪ моихЪ и кровей, честь мою, ихЪ Государское жалованье, домишко возвратить и взять насЪ кЪ МосквѢ. Аще совершенныя милости за невинность нашу не покажетЪ надЪ нами, и кЪ МосквѢ не велитЪ взять, чтобЪ пожаловалЪ чести наши и все наше отдать велѢлЪ, и насЪ указалЪ перевесть вЪ хлѢбныя деревнишки наши. Великій господинЪ святѢйшій ІоакимЪ, ПатріархЪ Московскій и всея Россіи! имаши многихЪ заповѢдей воспоминаніе благодѢяній: не претецы благодѢтельствуя, благодѢтельства просимЪ, умилися.

Пись-

Письмо просительное его же Боярина Артемона Сергѣевича, посланное съ тѣмижъ вышепомянутыми посыльщиками по 187 году, Іюля въ 20 день, Благовѣщенскаго Собора къ Протопопу, а къ Царскому Духовнику, къ Никитѣ Васильевичу.

ВЪ Бозѣ пречестный Протоіерею, Никита Васильевичь! подай всевышній Господь Богъ тебѣ, государю моему и благодѣтелю, здравствовать на многія лѣта со всемъ твоимъ благодатнымъ домомъ. Аще волитъ воля и милость твоя, государя моего и благодѣтеля, спросити о мнѣ убогомъ и туне всеконечно раззоренномъ, и Божіе всемилостивое долготерпѣніе окаянству моему молитвъ ради вашихъ еще терпитъ, съ живыми дышемъ съ червемъ моимъ сынишкомъ. Умилися и не презри, пречестный отче, что понужденъ написати къ тебѣ сугубое отъ горести сердца моего сіе прошеніе; и сіе зря, умилишися надъ нами. Глаголетъ нѣкто отъ учителей церковныхъ: ничтоже бо

ино

ино заступити насъ возможетъ на судѣ, развѣ милость. Якоже вода кладязная сладкая питущая, и приносящихъ сосуды исполняетъ, и источника не умаляетъ изчерпаемаго: такожде милость и нравъ благихъ, отнюду же аще исходитъ, онаго веселитъ; ничтоже сладостнѣйшее заступленія и предстательства и поможенія. Въ первомъ моемъ благодѣтелю моему писаніи, чего старости ради и печали безпамятствомъ своимъ не написалъ, нынѣ чрезъ сіе писаніе не черниломъ писано, но горько и кровавослезно возвѣщаю: написано въ извѣтѣ Давыдка лѣкаря, что сказывалъ ему, будто человѣкъ карла Захарка, какъ будто мы чли книгу съ Степаномъ Докторомъ и съ Переводчикомъ Николаемъ Спатаріемъ, и въ то время будто пришло къ намъ въ палату нечистыхъ духовъ множество. И то, благодѣтелю мой, по наученію лукавыхъ людей затѣялъ воръ Давыдка, хотя себѣ свободы отъ правежу; а человѣкъ мой карла сиротина, убояся страха и мукъ, ему не спорилъ. Не токмо такой сиротина увѣчной, но мно-

многіе въ крѣпости и въ силѣ не претерпя мукъ, клевещутъ на людей невинныхъ, и сами на себя говорятъ, чего не дѣлали, и тѣхъ государь дѣлъ по приказамъ много. А я отъ воровскаго ихъ составу и наученія очищаюсь Божественнымъ писаніемъ, какъ о томъ писали святіи Апостоли и святіи учители. Святый Матѳей Евангелистъ глаголетъ, зачало 75: первѣе сотвори Богъ разумную тварь, родовъ Ангельскихъ существо безплотное, неосязаемое, духи невидимые, свѣтлости и красоты неизреченной. Книгажъ Ключь разумѣнія глаголетъ: два естества наичестнѣйшіи Богъ сотворилъ: Ангельское и человѣческое, на образъ свой и подобіе. Такъ рекъ самъ Богъ, глава 1 въ Библіи: Сотворимъ человѣка по образу своему и по подобію. Обаче не по тѣлу, но по душѣ человѣкъ есть образомъ Божіимъ. Богъ всевысочайшій, невидимый, и Ангелъ невидимый, и душа человѣческая невидима. Въ Маргаритѣжъ бесѣда 5: что есть душа? убо воздухъ ли, или духъ, или вѣтръ? Ничтоже отъ сихъ. Рекутъ

духъ,

духъ, сія бо вся тѣлеса суть. Къ Коринѳомъ нравоученіе 29: аще бы мощно быти извреци душу изъ тѣла неправеднаго, видѣлъ бы еси ю, но не возможно. Нравоученіе 23: аще бы мощно душа видѣти, якоже въ воинствѣ сраженію мимошедшу, иные убо мертвы есть видѣти, иныя же ураненыя плоти; а души видѣти не возможно. Во нравоученіижъ, благодѣтель мой и государь, слово, еже предста Царица, той же Златострунный глаголетъ о добродѣтели тѣлесней: что есть доброта тѣлесная? Явѣ есть, яко отъ естества, а не отъ произволенія. Онъ же глаголетъ: пойдемъ къ души, зри ону, не можеши видѣти ю; невидима бо есть. Іоаннъ святый Дамаскинъ глаголетъ, книга 1: въ насъ есть духъ отъ нашего естества, ниже воздухъ есть вдохновенія и отдохновенія вдыхаемо и отдыхаемо, иже во время глаголанія, егда что рцемъ, и гласъ слово учиняется и на воздухъ разсыпается. Древній же философъ Сократъ, егоже Златоглаголивый во нравоученіи 25 похваляетъ, всѣхъ сущихъ любомудріе одолѣвая, глаголетъ:

солн-

солнца убо плоть вси человѣцы видятъ, плотижъ духа ни единъ можетъ видѣти. Въ житіижъ, государь, чудотворца Аврамія Ростовскаго, Октября въ 29 день: нѣкогда святому хотящу руцѣ умыти, влѣзъ духъ лукавый въ умывальницу святаго. Святый же разумѣвъ, а не видѣвъ коварство вражіе, земъ крестъ, положи на умывальницѣ, и огради около сосуда крестнымъ знаменіемъ, и не могій изыти оттолѣ духъ лукавый. Княземъ же Ростовскимъ, пришедшимъ ко святому въ келію, и дерзнувшимъ крестъ сняти съ умывальницы, и въ томъ часѣ изыде духъ смраденъ изъ сосуда, аки дымъ черне, и устраши ту всѣхъ сущихъ. По семъ паки свидѣтельство святаго мученика другаго Конона, Марта въ 5 день, иже во Ассиріи: пріятъ власть святый мученикъ надъ духи нечистыми, и въ корчазехъ заключи, и запечатавъ погребе подъ основаніемъ дому своего, и по умертвіи его дому его на церковь устроену, копающіе же основаніе церкви, обрѣтоша сосудъ скудельный, и мнѣвше злато, сокрушивше единъ сосудъ,

судъ, и изыдоша духи въ видѣніи огня, и вси устрашишася. И по сему вышеписанному видѣти ихъ по естеству не возможно. А что человѣкъ же мой карла Захарка предъ всѣми Бояры въ разспросѣ изъ пытки говорилъ, будто я съ Степаномъ Докторомъ и съ переводчикомъ съ Николаемъ книгу чли, а онъ Захарка за печью въ то время былъ, и уснулъ и захрапѣлъ, и будто услышалъ я, что онъ храпитъ, взявъ его изъ запечья за волосы, и толкнулъ его чрезъ порогъ вонъ въ заднюю палату. А та де книга не велика, а Давыдкѣ де онъ о томъ сказывалъ, а какъ де его будто изъ палаты вытолкнулъ, и книга де въ то время передъ нами была на столѣ. И въ томъ ихъ лукавствѣ наученомъ я, работникъ твой, очищаюся и свидѣтельствуюсь писаніемъ же, что не возможно спящему и не спящему духи нечистые видѣти и слышать свое храпленіе. Къ Римляномъ нравоученіе 24 глаголетъ: азъ убо сіе реку, иже во глубоцѣй нощи спящимъ же и храпящимъ уподобимся вси, и аще мощно существо безплот-

ное

ное было видѣти, показалъ быхъ вамъ, како убо множайшіи храплютъ, а діяволъ прокапываетъ стѣны, и закалаетъ лежащихъ и отъемлетъ сущая внутрь сонъ: спяй бо убо ниже зло вѣщаетъ что, ниже благо. Да не токмо, благодѣтель мой и государь, духи, или души спящему и храпящему человѣку видѣть, или слышать, нѣсть бо мощно человѣку сущу видѣти искренняго. Кто бо видѣ отъ человѣкъ, рече, яже въ человѣцѣ, развѣ духъ человѣка, иже въ немъ? Се, благодѣтель мой, не возможно видѣти духи чистые и нечистые; а о измѣнѣ существа ихъ духовъ нечистыхъ и низверженныхъ и проклятыхъ, никто не написалъ, чтобы въ естествѣ ихъ была измѣна. Сего ради и видѣти ихъ по естеству не возможно, какъ златый языкъ глаголетъ: естество бо благо, преложеніе же зло; и какъ писали въ посланіи святіи Апостоли, Петръ зачало 66 во второмъ посланіи: аще бо Богъ аггеловъ сокрушившихъ не пощадѣ, но пленицами мрака связавъ, предастъ на судъ мучими блюсти. Іуда, зачало

77: аггеловЪ же несоблюдшихЪ свое начальство, но оставльшихЪ свое жилище на судЪ великаго дне узами вѣчными подЪ мракомЪ соблюде. Сироты мои и раба моя взяты кЪ Москвѣ изЪ Лаишева кЪ очнымЪ ставкамЪ, а я за что не взятЪ? ПротивЪ моей же ссылки отцевЪ моихЪ духовныхЪ, Преосвященнаго Архіепископа Симеона Тверскаго, Успенія пресвятыя Богородицы Собора Протопопа Кондрата, не допрошено и не повѣрено; Думнаго Дворянина Өедора Прокофьевича Соковнина, да Думнаго Дьяка Василія Семенова, что они осматривали книги вЪ животахЪ моихЪ, которой не бывало, не повѣреножЪ обыску о той же книгѣ, а вЪ обыску было два человѣка стряпчихЪ, дворянинЪ Московской, да девять человѣкЪ людишекЪ моихЪ, которые непрестанно жили у меня. ВЪ томЪ же дѣлѣ Думной ДьякЪ ЛаріонЪ ИвановЪ, ДокторЪ СтепанЪ, ПереводчикЪ Николай, Стряпчій ИванЪ СоловцовЪ, АлхимистЪ ИванЪ ЕфимьевЪ; мнѣ же еще, по Государской милости и по служабамЪ моимЪ будучи

вЪ

вѣ Боярѣхѣ, и всѣмѣ вышеписаннымѣ двацати одному человѣку не повѣрено. Еще и указѣ Великаго Государя и уложенье отставлено, по которымѣ статьямѣ довелися Давыдко и карла смерти, и то все отставлено; а чего ради, того не вѣдаю. А сиротинѣ домишку моего единому и лѣкаришку непотребному новокупленному вору наученому, тѣмѣ повѣрено, и чрезѣ законы Божiи и Государскiе, и чрезѣ всякую мою правду и невинность, и чрезѣ всякiя мои и отца моего великiя службы, какѣ писаны вѣ челобитныхѣ моихѣ кѣ Великому Государю, раззоренѣ странно и всеконечно, не имѣя вины. Божественному ли, государь, писанiю и законамѣ Божiимѣ и Государскимѣ вѣрить, или ворамѣ, плутамѣ и составщикамѣ? Чего и помыслить невозможно, то на мя, видя милости и помощи отлученна, затѣяли, и суда не сподобленѣ, его же всякихѣ дѣлѣ злыхѣ дѣтели по законѣхѣ воспрiемлютѣ воздаянiе. А я убогой, ни единой винѣ належащей, за едину ненависть странно раззоренѣ, и на стопы ногѣ моихѣ не оставлено;

а сверьхъ сего въ такое мѣсто посланъ, какъ имя ему Пустоозерской; тюрьмы горчае, и толику претерпѣваю муку, голодъ, холодъ, дымъ, тѣсноту и поношенiе всечасное, день и ночь слезы, четыре лѣта уже наста, яко водотечiя текутъ. Глаголютъ церковнiи учители: очищаются грѣси покаянiемъ и слезами; ихъ же бо не возможетъ великая бездна моря омывать и очистить, то омываетъ малая капля слезъ; а я бѣдной съ червемъ моимъ такое многое время слезя непрестанно безъ вины, не могу милости и отрады истинныя получити. Свидѣтельствуюсь Господемъ Богомъ, что ни принесено на меня благочестивому Великому Государю, тому всему неповиненъ. Аще во лжи клянуся, и человѣки обольщу; но онаго никогда же обольстити кто возможетъ, и не глаголи никтоже тьма окрестъ меня и стѣны, кто мя зритъ; создавый бо на единѣ сердце наше, вся знаетъ, зане тьма не помрачится отъ Него. Воспомяни, благодѣтелю мой, на священство производимыхъ, или уже священствующихъ,

щихЪ, повелѣно искусство имѣти, обидимымЪ поможенія, вЪ напастехЪ исправленія, сущихЪ вЪ узилищахЪ отрѣшенія, и иже вЪ злоключеніяхЪ, предстательство и свобожденіе на страшнѣмЪ Божіи судѣ предЪ Судіею всѣхЪ Царя и Бога, Его же слово истинно и повелѣніе страшно, и чистЪ судЪ Его, да не вопію кЪ Нему на тя, яко сей кЪ милосердію непреклоненЪ бѣ противу намЪ быть; и болящимЪ намЪ, яко недуга тягчайшій явися, и не насладихомся, ниже единаго заступленія узникомЪ же намЪ, яко сей милосердія надЪ нами не ископа. ВЪ злоключеніи же сущимЪ, яко сей цѣлебныя руки отнюдь не подаде, ни богатство, ни слава, ни могущество возможетЪ помощи. Умилостивися, пречестный отецЪ и пастырю избранный! сотвори милость, пастырь добрый, иже не сѣно творитЪ стадомЪ пажить, но чистыми кринами питаетЪ овцы; крины же чистые суть прекрасныя добродѣтели, пастырскія заступленія и поможенія невиннымЪ. Предстательствуй о мнѣ Великому и милостивому Государю,

 чтобЪ

чтобЪ онЪ, Великій Государь, пожаловалЪ насЪ бѣдныхЪ, неимѣющихЪ помощи и заступленія, велѣлЪ насЪ изЪ сего злоключенія дальняго и гладнаго взять, и невинное мое раззореніе возвратить, и жить намЪ бѣднымЪ, гдѣ его Государская милостивая воля повелитЪ, чтобЪ наши бѣдныя и кровавыя слезы ко Господу Богу на тѣхЪ престали, которые насЪ кромѣ всякія правды раззорили и започили. Но да и сіе вѣси, благодѣтелю мой и пастырю избранный, яко сія вся извѣщаю ти, тако ми пришедшаго спасти грѣшника, яко аще благоволенія твоего не будетЪ, и не имаши предстательствовати о мнѣ, уже самЪ отЪ многихЪ стуженій буду себѣ убійца, и обрящешися убійство сотворивЪ, и на судѣ, яко виненЪ осудишися. Но молютися, отче избранный, прежде даже не быти мнѣ виновну, то лицемЪ зломЪ иди и предстательствуй о мнѣ у всемилостивѣйшаго Царя и благочестиваго Государя о невинности моей, и возврати изЪ рова погибели. БогЪ всевысочайшій есть, иже на ХерувимѣхЪ сѣ-

сѣдяй и видяй бездны, той зритъ невинность нашу, и напрасно сѣдящихъ въ темницѣ сей и гладомъ тающихъ. Работникъ твой Артемошка Матвѣевъ челомъ бью.

Письма егожъ Боярина Артемона Сергѣевича о томъ же своей невинности, наведенной ему, очищеніи, и тѣхъ же лѣтъ, и съ тѣмижъ вышепомянутыми посыльщики изъ Пустоозерскагожъ острога къ ближнимъ Бояромъ посланныя въ Москву.

Первое письмо къ ближнему Боярину, ко Князю Юрью Алексѣевичу Долгорукому, отправленное по 185 году.

Государь мой, милостивый благодатель и благодѣтель, Князь Юрій Алексѣевичь! подай Господь Богъ тебѣ, государю моему, здравствовать на многія лѣта со всемъ твоимъ, государя моего, благодатнымъ до-

момЪ. А по прежде бывшей милости своей естьли волитЪ воля твоя спросить о мнѣ убогомЪ и раззоренномЪ, и я сЪ червемЪ своимЪ Божіимъ всемилостивымЪ долготерпѣніемЪ еще сЪ живыми дышемЪ. Не возбрани, благодатель мой, что чрезЪ сіе мое писаніе кЪ тебѣ изреку, колико плачу памятію моею нынѣ оскорбленною: показанная твоя ко мнѣ благодательства сущему на Москвѣ, воспоминая толико сугубо твоего немилосердія, нынѣ плакати не престаю и не престану; ибо вЪ ровЪ вверженнаго пагубы невинна кто не извлекаетЪ и кто, реку, помощи не дастЪ утопающему? Вы же мнѣ обѣщавше милость, любовь содержати, нынѣ меня вЪ бѣдахЪ суща, изЪ Пустоозерскаго острожка и плачущаго, еже свободити мя оттуда, и перста коснутія отрицаетеся, и утопающаго вЪ слезахЪ вседневныхЪ заступленіемЪ своимЪ помощи не хощете дати, что сего горя горѣе? Аще и не поносиши на мя, не буди. Сіе речено, ниже заступаеши; дѣлаяй бо немилосердо и соизволяяй на немилоседіе, равенЪ

грѣхЪ

грѣхъ понесутъ. Сія глаголю отъ жалости сердца моего, не терпитъ бо ми сердце злаго претыканія на всякой часъ объ отъятіи чести моей, домовъ и животовъ моихъ, и вотчинъ, и помѣстій, постигоша бо мя злая вся, и нѣсть ми восклоненія. Помощь отъ мене отступи, и отверже мя милость, ближніи мои отступиша отъ мене, познаша чужда, неже мене, и друзи мои немилостиви быша, и вѣдущіи имя мое забыша мя рабомъ своимъ, яко иноплеменникъ, и отбыхъ, воззвахъ ихъ, и плакахъ, и моляхся; и не послушаша мя. Кто же бы тако окамененно сердце имѣлъ, видя вся предъ собою жестокая, не возрыдалъ и не восплакалъ? Судимъ не представъ суду, осужденъ есмь заточенію. Царскіе бо законы не допускаютъ выдати человѣка на раззореніе и погибель, прежде даже оклеветаемый не иматъ предъ лицемъ клевещущимъ его, и мѣсто отвѣта пріиметъ о своемъ согрѣшеніи; и не судитъ законъ человѣку, аще не слышитъ отъ него прежде и разумѣетъ, что творитъ, аще и еще реку, глаголю отъ

горести сердца моего, кто мя нещастливѣйшій, никогда же ни ставленъ, ни уличенъ на судѣ, котораго не дано мнѣ предъ вами Бояры. А что не ставленъ на судъ во всѣхъ своихъ дѣлѣхъ, и въ томъ воля Великаго Государя. Не токмо ставленъ на судъ, когда и въ Казани сказываны мнѣ вины, и въ то время мнѣ Дьякъ Иванъ Гороховъ единаго слова не далъ молвить. А въ уложеньѣ и въ указѣхъ писати тебѣ, государю моему, не могу; и для того не докучаю писаніемъ, что ваше благородіе самъ у того Уложенья былъ дѣлателемъ. Милость хвалится на судѣ, пристанище есть сущимъ въ нуждахъ милостивый; пристанище же, иже во истлѣніи впадшая, вся пріемлетъ и свобождаетъ отъ бѣдъ. Аще блазіи, аще и зліи, глаголетъ Пророкъ Михей: человѣче! что есть добро, и что есть Господь Богъ твой ищетъ отъ тебе, но еже творити и любити милость, судъ и правду, и готову быти. И паки глаголетъ Пророкъ Исаія: взыщите суда, и избавите обидима; начало пути благому творити правду:

вся

вся убо, елико суть праведна, та суть любезна Богу и угодна; праведенъ сый, печалуется о правомъ. А что Степанъ Докторъ и Николай Спатарій, то и начало дѣлу, что сказали, и чѣмъ себя и меня оправдали, или себя и меня виннымъ учинили, и чѣмъ, и что имъ учинено, и съ ними я не ставленъ, и того всего не вѣдаю, и въ сказкѣ въ Казани мнѣ не сказано. А человѣкъ мой Ивашка Еврей умирая говорилъ, что я книги не вѣдалъ, и ему и женѣ его жечь не велевалъ, и сіе слово кровію и смертію своею запечаталъ. Ниже мнѣ самому въ сказкѣ моей допросной за рукою не повѣрено, еще сущу Бояриномъ; ни Думному Дворянину Ѳеодору Прокофьевичу Соковнину, да Думному Дьяку Василью Семенову осмотру въ рухлядишкѣ моей; ни отцемъ моимъ духовнымъ, ни тремъ человѣкамъ племенникамъ моимъ, девяти человѣкамъ людишкамъ моимъ, единому же вору Давыдкѣ повѣрено, и за сіе стражду тяжцѣ, не имѣя вины! Сіе же писахъ не яко невѣдущу тебѣ, государю моему и благодѣтелю, но яко да воспо-

мяну благодать и пріятство твое прежнее, и тако слезы и досады на лицѣ зря, умилишися благоутробнымъ своимъ сердцемъ, и челобитную мою, и работы мои, и невинность мою извѣстишь, и отъ заточенія сего горькаго свободишь, чтобъ милостивый и благочестивый Великій Государь, Царь и Великій Князь Өеодоръ Алексѣевичь, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, не заставилъ насъ, сиротъ своихъ бѣдныхъ, неимѣющихъ помощи, странствовать межъ чужихъ жилищъ; чтобъ насъ изъ сего заточенія велѣлъ взять, изъ за пристава свободить и жить намъ бѣднымъ, и за него Великаго Государя, и за его Государской домъ Бога молить, гдѣ его Государская милостивая воля будетъ. Молю тебя, государя моего благодѣтеля, не презри прошенія моего по милости своей прежде бывшей. Надежду мою всю точію полагаю на Бога и благочестиваго Государя; твоимъ доношеніемъ да исправитъ Господь Богъ всемогій во благое! Не даждь мнѣ безпомощному больше плакати, и червю моему; уже бо отъ пла-

плача и туги на полы мертвЪ лежу. А что, благодатель мой и государь, вЪ пути моемЪ бѣдномЪ и слезнокровавомЪ случилося зимою и водою, и то Господь БогЪ вѣсть, Его же праведнымЪ судьбамЪ предаю. А что растеряно и разсыпано и выточено, и того исписать не могу; и людишки, которые и пошли ко мнѣ, и они, видя конечную мою бѣду, покинули меня сЪ убыткомЪ моимЪ, побѣжали. А что Великаго Государя жалованья дано изЪ нажитковЪ, и то малое что довезЪ до Пустоозерскаго острога; а вЪ ПустоозерскомЪ жители многіе гладомЪ таютЪ и умираютЪ, а купятЪ четверикЪ Московской мѣры по 13 алтынЪ по 2 деньги, а ихЪ будетЪ пудЪ. ПустоозерскихЪ, государь, жителей всегдашняя пища борщЪ, да и того вЪ ПустоозерскомЪ нѣтЪ, привозятЪ сЪ Ижмы, и такая нужда вЪ тамошней странѣ, на Турьѣ, на Ижмѣ, на Усцылмѣ, и вЪ ПустоозерскомЪ острогѣ. Ей ей службу Божію отправляютЪ на ржаныхЪ просфирахЪ, и та мука мало лучше невѣенной муки, и тако-

такова та служба приношенія къ Богу, о томъ освященныхъ вопроси. Ей ей не постыдился бы, свидѣтель ми есть Господь Богъ, чтобъ имени ради Его ходить и просить милостыни, да никто не подастъ, и не можетъ своей ради сродной нужды подати. Лучше меня и славнѣе былъ въ Царѣградѣ Гетманъ Висарій, и ненависти ради и зависти воспріятъ раззоренное, которой въ великой чести и славѣ и могуществѣ былъ; и потомъ то отмѣнилося, по томужъ Царюграду съ блюдичкомъ ходилъ и просилъ милостины; а говорилъ: азъ убо честь и слава Греческая, нынѣ же проситель есмь съ убогими; дайте Гетману Висаріеви милостину! Сіе время дочасное, и свѣтъ сей коловертится непрестанно. Глаголетъ нѣкто, поучаяй насъ: ни красная свѣта сего вѣчна, ни скорбная безъ конца. А инъ глаголетъ: отъ утра до вечера измѣняется время, и все скоро есть предъ Богомъ. А непріязненная человѣческая кознь, ненависть и безблагородство, какъ съ великими, такъ и съ малыми людьми, обыче

тво-

творити, и общую злобу днесь на тѣхъ, утре на оныхъ пополняти. Я же убогой имѣю воздыханіе и слезы, и надежду ко Господу Богу; все, елико нанесено на мя, и пріемлю и во измѣненіи смиренія моего терплю. Глаголетъ Іисусъ Сираховъ: яко во огни искушается злато, и человѣцы пріятни въ пещи смиренія. И ты меня, благодатель мой, оставилъ сира, или не оставилъ, то Богъ вѣсть; только же вижду, что беззаконія ради своего не токмо что воръ Давыдка затѣялъ на меня, туда послалъ и межъ такихъ жителей жить, что и милостины выпросить не у кого. Однакожде надежда моя Господь Богъ: Онъ всякой утѣхи и радости Податель, и отретъ слезы любителей своихъ, и вѣсть, чѣмъ питати боящихся имени Его. По семъ всемилостивый и благочестивый Великій Государь такожде всѣхъ насъ общая надежда, той да повелитъ намъ дати. Глаголетъ той же Іисусъ Сираховъ: души алчущей не оскорби. И паки инъ нѣкто глаголетъ: блаженъ человѣкъ, иже и скотъ свой милуетъ.

Буде

Буде смерть случится, не покинь, благодатель мой и государь, мальчика моего, бѣднаго червя Андрюшку, котораго ты жаловалъ. По семъ работникъ твой Артемошка Матвѣевъ челомъ бью.

Второе письмо къ немужъ ближнему Боярину, ко Князю Юрью Алексѣевичу Долгорукому, отправленное по 187 году.

Государь премилостивый благодатель Князь Юрья Алексѣевичь! подай всевысочайшій Господь Богъ тебѣ, государю моему, здравствовать на многія лѣта со всемъ твоимъ благодатнымъ домомъ. А изволишь, государь, по прежней милости своей, аще волитъ воля твоя и милость, спросить о мнѣ: и Божіе всемилостивое долготерпѣніе беззаконію моему терпитъ; еще съ живыми видя предъ собою вся жестокая, дышемъ. Се ищу заступника къ благочестивому Государю Царю и Великому Князю

зю Өеодору АлексѢевичу, Великія и Малыя и БѢлыя Россіи Самодержцу, и нѢсть предстателя! Се ищу помощника, и нѢсть помогающаго! Се ищу избавляющаго мя, и не обрѢтаю и слова полезна! Се ищу отЪ сродныхЪ писанія, какЪ обычай вѢдати и отЪ того себѢ отраду имѢти, и сего не вижду! СтрахомЪ побѢжденный, ждахЪ со мною скорбящаго, и не бяше, и утѢшающихЪ не обрѢтохЪ! ОхЪ и люто и нестерпимо! азЪ же вмѢсто утѢшающихЪ невинно поношающихЪ обрѢтохЪ. Колико зло, яко ни единой винѢ належащей, и ничто же вЪ себѢ бываемыхЪ свѢдущу, за едину ненависть множество бѢдЪ и страннаго раззоренія и истопленія, и неначаяннаго страху, и непрестанныя печали, и чрезЪ всякую надежду четвертое лѢто по преставленіи благочестиваго и милостиваго и приснопоминаемаго блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя АлексѢя Михайловича, всея Великія и Малыя и БѢлыя Россіи Самодержца, Государя премилостиваго, воспоминая сЪ рыданіемЪ, руцѢ кЪ персѢмЪ прилагая,

слезы яко и водотеченіе день и нощь. Охъ увы! о лютѣ мнѣ! приложи Господь трудъ на трудъ мой, и претерпѣваю голодъ, холодъ, дымъ, тѣсноту, и успохъ со стенаніемъ, покоя не обрѣтаю; однакожде благодарю Его, и благодарити не престану. Онъ всякія утѣхи и радости Податель и въ бѣдахъ невинныхъ скорый Помощникъ, облегчаетъ болѣзни и труды рабовъ своихъ, вѣрующихъ во имя Его, и подастъ о насъ сирыхъ милосердіе и милость и умиленіе въ сердцѣ премилостивому Государю. Первая моя челобитная, которая, благодатель мой и государь, писана въ Казани во 185 году, Іюня въ 13 день, и не принята, а принята въ Пустоозерскомъ, и послана къ Великому Государю во 186 году, Іюня въ 26 день; и въ той моей челобитной старости ради и увѣчья моего погорбленнаго, а наипаче всего гнѣва ради Великаго Государя и опалы, и раззоренія моего невиннаго обезпамятѣлъ, и многое, что видѣлъ въ Божественномъ писаніи, и того безпамятствомъ не написалъ; а что вспамятовалъ для очище-

щенія невинности своей себѣ, чтобъ паче невинность моя отъ лукавыхъ и злыхъ сердца человѣкъ очистилась, и то нынѣ во второй моей челобитной написано. Такожде и тебѣ благодателю моему объявляю: написано въ извѣтѣ Давыдки лѣкаря, что сказалъ ему человѣкъ мой карла, какъ будто мы чли книгу съ Степаномъ Докторомъ и съ Переводчикомъ Николаемъ Спатаріемъ, и въ то время будто пришло къ намъ въ избу нечистыхъ духовъ множество, и то, милостивый мой, затѣялъ воръ Давыдка по наученію злыхъ человѣкъ. Мой карла сиротина убоясь страху и мукъ, не токмо такой сиротины увѣчной, но многіе въ крѣпости и въ силѣ, не претерпя мукъ, клевещутъ на людей невинныхъ, но и сами на себя говорятъ чего не дѣлали, и тѣхъ дѣлъ много по приказамъ. А я отъ ихъ воровскаго составу и наученія очищаюсь Божественнымъ писаніемъ, какъ о томъ святый Іоаннъ Златоустый и Іоаннъ Дамаскинъ глаголютъ: отъ живыхъ сущу, никому не возможно видѣти духи чистые и

 не-

нечистые, какъ о томъ, благодатель мой и государь, явное свидѣтельство въ Маргаритѣ, слово 3: бысть, рече, яко день сый, и пріидоша Ангели Божіи предсташа Господеви, и діяволъ ста посредѣ ихъ. Убо со Ангельскою ли службою предстоитъ діяволъ, и посредѣ святыхъ духовъ нечистый духъ предстоитъ. Никакоже, ниже бо святіи Ангели предсташа Богови тѣлеснѣ, но всяка служба предстояніе глаголется. Сице и діяволъ ста не на небеснѣмъ мѣстѣ, ниже въ премирныхъ силахъ, яко созданіе Божіе повелѣваемъ бываетъ творити подобающее. Въ строительства, государь, въ человѣцѣхъ святіи Ангели, посылаеми суть, егда святые Ангели, поминаетъ Апостолъ Павелъ, глаголетъ: не вси ли суть служебніи дуси, на служеніе посылаеми ради хотящихъ наслѣдовати спасеніе? Отнюду же вѣдомо, яко святіи Ангели служатъ на человѣческая спасенія, горцыижъ бѣсове на человѣческая грѣшныхъ мученія. Посла бо, Давыдъ рече, на Египетъ ярость и гнѣвъ и скорбь посланіе аггелы лютыми. Лукавыи

вый убо и нечистыи бѣсове аще и отпадоша предложеніемъ, но подъ игомъ лежатъ работѣ. Сего ради отвѣщаваша на Ахава, Богъ глаголетъ: кто пойдетъ и прельститъ Ахава, и падетъ? Отвѣща духъ лукавый: се азъ. Вѣдяше бо, яко на сѐ учиненъ есть діяволъ. Посылаются же и къ праведнымъ, не яко мучатъ, но да искусятъ; понеже Ангелъ святъ послужити искушенію не повелѣваемъ есть: не бо Богъ повелѣваетъ недостойное Ангелу. Сего ради бѣсове на сіе повелѣваеми суть на искушеніе. Не гласъ бо исходитъ отъ Бога лукавому бѣсу, ниже сподобляется сіе преступное оно произволеніе; естество бо благо, преложеніе же зло. Діяволъ убо не естества есть имя, но произволенія. Не бо діяволъ бысть изъ начала, и не сотворилъ Богъ діявола, но Ангелъ убо созданъ бысть; діяволъ же именовася, яко оболгуяй Бога человѣкомъ и человѣка Богу. Святый Матѳей Евангелистъ, зачало 75, глаголетъ: первѣе сотвори Богъ изъ небытія въ бытіе разумную тварь, родовъ Ангельскихъ существо

 без-

безплотное, неосязаемое, духи невидиміи свѣтлости неизреченной. Книгажъ, благодѣтель мой и государь, ключь разумѣнія глаголетъ: два естества наичестнѣйшіи Богъ сотворилъ: Ангельское и человѣческое, во образъ свой и подобіе. Такъ самъ рекъ, глава I въ Библіи: сотворимъ человѣка по образу своему и по подобію. Обаче не по тѣлу, по но душѣ человѣкъ есть образомъ Божіимъ. Богъ всевысочайшій невидимъ, и Ангелъ невидимый, и душа человѣческая невидима. Въ Маргаритѣ же бесѣда 5: что есть душа, убо воздухъ ли, или духъ, или вѣтръ? Но ничто же отъ сихъ, рекутъ; сія бо вся тѣлеса суть. Къ Коринѳомъ нравоученіе 29: аще бы мощно было извлещи изъ тѣла душу неправеднаго, и видѣлъ бы еси ю, но не возможно. Нравоученіе 23: аще бо можно душа видѣти, якоже въ воинствѣ сраженію мимошедшу, иныя убо мертвы есть видѣти, иныя же уразненныя плоти; а души видѣти не возможно. Во нравоученіи же, милостивый мой, къ Колоссаемъ 11: аще бы тѣлу разсѣкшу коегождо душу мощ-

мощно было видѣти, показалъ быхъ, но не возможно. Въ Маргаритѣжъ въ словѣ, о еже предста Царица, той же златострунный глаголетъ о добродѣтели тѣлеснѣй: что есть доброта тѣлесная, явѣ есть, яко отъ естества, а не отъ произволенія. Онъ же глаголетъ: пойдемъ къ души, зри ону; не бо можеши видѣти ю, невидима бо есть. Іоаннъ святый Дамаскинъ глаголетъ, книга 1: въ насъ есть духъ вдохновенія и отдохновенія вдыхаемо, иже во время глаголанія, егда что рцемъ, и гласъ слово учиняется и на воздухъ разсыпается. Древній же Философъ Сократъ, его же похваляетъ златоглаголивый во нравоученіи 125, всѣхъ сущихъ любомудріемъ одолѣвая глаголетъ: солнца убо плоть видятъ вси человѣцы, духа же плоти ни единъ можетъ видѣти. Человѣкъ же мой карла въ разспросѣ сказалъ: спалъ за печью и храпѣлъ, а видѣлъ духи нечистые. И въ томъ паки свидѣтельствуюся писаніемъ же, что не возможно видѣти. Къ Римляномъ нравоученіе 24 глаголетъ: азъ убо сіе реку, иже въ глу-

боцѣй нощи спящимъ же и храпящимъ уподобимся вси; и аще мощно существо безплотное было видѣти, показалъ быхъ вамъ, како убо множайшіи храплютъ, а діаволъ прокапываетъ стѣны, и закалаетъ лежащихъ, и отъемлетъ сущая внутрь сонъ. Спяй бо убо ниже зло вѣщаетъ что, ниже благо Да не токмо, благодѣтель мой и государь, духи, или души спящему и храпящему человѣку видѣть, или слышать, нѣсть мощно человѣку сущу видѣти искренняго. Кто бо видѣ отъ человѣкъ, рече, яже въ человѣцѣ? Охъ друзіи! развѣ духъ человѣка, иже въ немъ. Се, благодѣтель мой, не возможно видѣти духи нечистые. А о измѣнѣ существу ихъ духовъ нечистыхъ и низу верженныхъ и проклятыхъ никто не написалъ, чтобъ въ естествѣ ихъ была измѣна; сего ради и видѣти ихъ не возможно по естеству, какъ той же златоглаголивый рекъ: естество благо, преложеніе же зло; и какъ писали въ посланіяхъ святіи Апостоли, Петръ зачало 66 во второмъ посланіи: аще бо Богъ аггеловъ согрѣшившихъ не пощадѣ, но пле-

пленицами мрака связавЪ, предастЪ на судЪ мучими блюсти. Іуда, зачало 77: аггелЪ же не соблюдшихЪ свое начальство, но оставльшихЪ свое жилище, на судЪ великаго дне узами вѣчными подЪ мракомЪ соблюде. Божественному ли писанію вѣрить, или ворамЪ лѣкаришку одноокому, оралѣ и исчадію его карлѣ? Чего помыслить не возможно, то на мя затѣяли, видя помощи отторженна. А сверьхЪ сего свидѣтельствуюсь ГосподемЪ БогомЪ: неусыпнаго Его не утаится очесе, и прежде грѣхЪ содѣяти, видя душу не требуетЪ свидѣтелей, иже вся вѣдый, какЪ на страшнѣмЪ Его Божіи судѣ стати, не токмо словомЪ, или дѣломЪ, но и помышленіемЪ своимЪ отЪ сихЪ вышеписанныхЪ дѣлЪ чистЪ, и что на меня ни нанесено. А что прежняго воровства Давыдкова не писалЪ вЪ челобитьѣ своемЪ кЪ Великому Государю, и кЪ тебѣ, благодѣтелю своему, и то нынѣ тебѣ обЪявляю: тотЪ же ворЪ Давыдка сказалЪ, что онЪ, будучи у меня во дворѣ, будто видѣлЪ, что мы запершись вЪ палатѣ чли черную

книгу, я, работникЪ твой, СтепанЪ ДокторЪ, Николай ПереводчикЪ; а онЪ Давыдка будто вшелЪ кЪ намЪ вЪ палату изневѣстнымЪ дѣломЪ. И ты, благодѣтель мой и государь, разсмотри и разсуди милосердо, сіе ли не воровство и не составЪ явной? ВЪ запертую палату кто изневѣстно входитЪ, покамѣстЪ кого не позовутЪ и пустятЪ? Затворенному внутрь врагЪ, не возможно есть избѣжати: такожде не возможно пройти внутрь, бывЪ внѣ. Сіе ли, благодѣтель мой, не явное воровство наученное, и не составЪ явной ложной отЪ безумныхЪ? Слова ихЪ судятЪ и осуждаютЪ ихЪ самихЪ. СловомЪ человѣкЪ своимЪ осудится, словомЪ и оправдится. А допрашиванЪ ли онЪ ворЪ Давыдка, или нѣтЪ, какЪ видѣлЪ сквозь стѣну палаты, и вЪ запертую палату какЪ входилЪ, того мнѣ вЪ Казани вЪ сказкѣ не сказано. А что сиротина мой карла Захарка вралЪ, а кЪ тѣмЪ его рѣчамЪ и свидѣтель учиненЪ костоправЪ, и тотЪ сиротина, убоясь страху, внѣ себя вралЪ, и рѣчи его вЪ одномЪ дѣлѣ всѣ врознь. Первое, пе-

передъ всѣми вами Бояры сказалъ, что онъ спалъ за печью и храпѣлъ; я будто услышалъ, и сорвавъ съ него шубу, и вытолкнулъ черезъ порогъ въ другую палату. Въ другой его сказкѣ онъ же карла Давыдкѣ вору сказалъ, что онъ боленъ отъ моихъ побой. Въ третьей сказкѣ костоправу Ивану Максимову сказалъ, и прибавилъ и два ребра. Одни мои побои явились трожды, а всѣ врознь, и указу Великаго Государя и уложенью противныя. А переломилъ ему два ребра Иванъ Соловцовъ, а не я; а на тотъ переломъ свидѣтели есть людишки мои, которые по указу Великаго Государя отпущены, и меня имъ боятися нынѣ не для чего. Естьли воли Государская будетъ, велитъ допросить ихъ сверьхъ Лаишевскаго допросу, а имена имъ: Оська Трофимовъ, прозвище Индей; да Зиновка Өедоровъ. А допрашиванъ ли онъ Иванъ Соловцовъ и карла свидѣтели, на которыхъ я сказалъ, что они видѣли, и что они всѣ сказали, и того всего не вѣдаю. А что, благодѣтель мой и государь, учиненъ мнѣ костоправъ свидѣ-

свидѣтель, и мнѣ онъ не свидѣтель для того, что костоправъ сказалъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ я карлѣ переломилъ два ребра; другое, чтобъ естьли я на костоправа слался, то бы онъ въ то время былъ свидѣтель; а костоправъ, что слышалъ отъ карлы, то и сказалъ. А по моей сказкѣ, что Иванъ Соловцовъ и два человѣка мои, что были, и что сказали, и того въ сказкѣ мнѣ не сказано. А въ указѣ Великаго Государя и уложеньи тебѣ, государю моему, извѣстно, на чью сторону больше скажутъ, тѣмъ и вѣрятъ. Костоправулъ вѣрить, или стряпчему, и еще сверьхъ того два человѣка? А что Думной Дьякъ Ларіонъ Ивановъ, и Алхимистъ Иванъ Ефимьевъ, и человѣкъ мой Ивашка Еврей говорили, и то все, благодѣтель мой, мнѣ ко очищенію, а не къ винамъ. Думной Дьякъ сказалъ: послалъ я книгу въ аптеку, а съ кѣмъ, того не упомнитъ; а что въ ней видѣлъ, благое ли, или злое, и цыфирьюль писана, и того о той книгѣ не сказалъ. А книгу онъ у меня видѣлъ, и смотрѣли, что устроена вновь при мнѣ на Славянскомъ и Латин-

Латинскомъ языкахъ о лѣкарствахъ съ цѣною, чтобъ сверьхъ уставу лишнія цѣны не имѣли. А что онъ, не памятуя той книги, которую видѣлъ, а вмѣсто той объ иной сказалъ, которой не бывало, и за то Господь Богъ мздовоздатель. Нѣкто мудрый написалъ: когда не можемъ о присныхъ вѣрѣ чего похвальнаго рещи, лучше есть умолчати, нежели что о нихъ непотребное рещи. А человѣкъ мой Ивашка Еврей рѣчи свои перемѣнилъ, а сказалъ, что взялъ онъ у Алхимиста, а не у меня укралъ, и женѣ своей приказалъ сжечь. Алхимистъ сказалъ, что далъ ему Алхимисту человѣкъ мой Игнашка, а человѣкъ мой Ивашка Еврей у него Алхимиста взялъ, и не отдалъ; а какая межъ ихъ была книга, и я того не вѣдаю. Всѣхъ, благодѣтель мой и государь, рѣчи противны Великаго Государя указу и уложенью; а мнѣ ко оправданію, а вору Давыдкѣ и карлѣ къ винѣ. И мнѣ, государь, вмѣсто оправданія со всѣхъ сказокъ разныхъ, которымъ указъ Великаго Государя и уложенье не повелѣваетъ вѣрить, вины и неправды написаны мнѣ. Въ

тѣхъ

тѣхъ же, государь, вина о сказкѣ моей наведена, какову я далъ Полуголовѣ Алексѣю Лужину, что будто далъ я сказку ложно, и я какъ далъ сказку, такъ и въ дѣлѣ явилось: человѣкъ мой Ивашка Еврей у меня не крадывалъ; взялъ у Алхимиста, а Алхимистъ сказалъ тѣ же рѣчи, что взялъ человѣкъ мой Ивашка Еврей. А я съ нимъ Алхимистомъ въ аптеку не посылывалъ, за что моя сказка учинена ложна, а лжи моей и неправды нѣтъ, а разоренъ странно туне, не имѣя вины. Мнѣжъ, государь милостивой, сказано, что книги безъ указу Великаго Государя и безъ розыску жечь не довелося, а извѣстить было объ ней Великому Государю. Гдѣ, благодѣтель мой, то мое слово? Кто сказалъ, кромѣ человѣка моего Ивашка Еврея, что приказалъ сжечь, и тотъ рѣчи свои перемѣнилъ, а сказалъ, что взялъ у Алхимиста книгу, а не у меня укралъ. А какъ по указу Великаго Государя взятъ у меня изъ Лаишева, и въ то время отъѣзжаючи приказалъ женѣ своей сжечь, а жена сказала: по приказу му-

мужа своего сожгла; а я по сказкѣ, какъ сказываны вины и неправды, всего того не вѣдалъ, и мнѣ Великому Государю извѣщать было не чего и не на кого, и не имѣю. Кто бы, благодѣтель мой, имѣя отъ Бога дарованной разумъ отъ человѣкъ, и хотя онѣ жити на свѣтѣ и благоденствовати на вселюбезномъ, принялъ бы въ пазуху свою скорпіона, отъ котораго ядъ, или жало бываютъ неисцѣленны? Никто же бы дерзнулъ то учинить. Могъ бы я, что злое видя, безъ аптеки не показывая Думному Дьяку Ларіону Ивановичу, и посылая къ Дьяку Ивану Патрекѣеву, и Докторамъ на свидѣтельство, въ домишкѣ у себя безъ свидѣтелей сжечь. Не прогнѣвайся, благодѣтель мой и государь, на меня, работника своего, что отъ многія горести сердца и кровавыхъ моихъ слезъ написати къ тебѣ понужденъ, вѣдая твое обученіе долгое, и искусство для разсужденія добру и злу, и отъ разсужденія многія въ правдѣ своей, въ печалѣхъ своихъ утѣшенія пріяли, а обидимые заступленіемъ и судомъ правымъ свое

вое-

восприяли, и слава велія одержаваша о имени твоемъ, не яко благороденъ и дому высокаго сый токмо, но яко благъ житіемъ правымъ, и яко разсудитель; вкупѣ же и словесенъ, глаголати и увѣщавати зѣло хитростенъ, и похвалу побѣдную по чести въ ратныхъ дѣлѣхъ пріялъ еси превеликую отъ самодержавной превысокія руки; а я бѣдной, милости и помощи обнаженной, въ горькихъ и кровавыхъ слезахъ съ червемъ моимъ сынишкомъ утопаю безвинно, а милости въ правдѣ своей не получу. Воспомяни, государь, слово Премудраго: не отъими благотворити требующему, егда рука твоя имать помогати. Инъ же глаголетъ словомъ Божіимъ: твори правду, и буди помощникъ сиру, и обидиму помози, и изведи слѣпаго на свѣтъ мой: и дамъ тебѣ первое сѣденіе въ царствіи моемъ. Въ законѣхъ же, государь, Божіихъ писано, книги Моисеовы пятой. второй законъ, глава 25: аще будетъ пря между человѣкома, и да пріидутъ на судъ и судятъ, и да оправдятъ праваго, да осудятъ нечестива-

ваго. Пророкъ Исаія глаголетъ, глава 1: Взыщите суда, и избавите обидима судити сиру. Глава 24: Путь Господень судъ. Глава 51: Внушите, яко законъ отъ меня изыде, и судъ мой на свѣтъ странамъ, послушайте мене вѣдящіи судъ. Глава 5: Егда обрящете мужа творяща судъ, и ища правды, милосердъ буду ему. Глава 7: Аще сотворите судъ посредѣ мужа и искренняго его, и пришельцу и сиру не сотворите льстиво. Пророкъ Іезекіиль глаголетъ, глава 18: Аще снабдитъ вся заповѣди моя, и сотворитъ судъ, и правду, и милость, вся сокрушенія, елико будетъ сотворихъ, и не упомянутся ему. Пророкъ Михей, глава 6: Человѣче! что добро, или чесо Господь проситъ отъ тебе, но еже творити судъ и любити милость. Пророкъ Захарія, глава 7: Глаголетъ Господь Вседержитель: судъ праведенъ судите, милости и щедроты творите кождо искреннему своему, и сира не насилуйте. Праведный Іовъ рекъ: Воззрѣвый на лице ваше не солжу. Іаковъ же: На лице зряще судите и не вѣсте, каковъ духъ во обою, и не разсмотряете быти помышленія

 злыхъ.

злыхЪ. Захарія ПророкЪ глаголетЪ; глава 7: Аще ислячеши, яко слѣпЪ, выю свою и врешище, и пепелЪ постелеши, то ни тако наречетЪ ми ся постЪ пріятенЪ. Не такова бо поста азЪ избрахЪ, глаголетЪ Господь, но разрѣшай всякЪ союзЪ неправды и исправляй развращенная нужныхЪ бременЪ. Книга 1 ЦарствЪ глаголетЪ: Но о семЪ да хвалится, еже разумѣвати и знати Господа, и творити судЪ и правду посредѣ земли. Спаситель же ХристосЪ, СынЪ Божій, рекЪ во святомЪ Евангеліи, Іоанна зачало 16: Якоже слышу, сужду, и судЪ мой праведенЪ есть. Прежде сотворенія и рожденія человѣкЪ ВсевидѣцЪ испытаяй сердца и утробы рекЪ: Якоже слышу, сужду; а ты, благодѣтель мой, что отЪ меня слышалЪ вЪ судѣ, или на очной ставкѣ; какой отвѣтЪ, или вопросЪ, и по какому отвѣту и по вопросу я обвиненЪ, не поставя кЪ суду и кЪ очной ставкѣ? Раби мои взяты, Ивашка Еврей, карла Захарка Полуголовою АлексѣемЪ ЛужинымЪ; раба моя, жена человѣка моего Ивашка Еврея, взята ДумнымЪ ДворяниномЪ Ѳе-

Ѳедоромъ Прокофьевичемъ Соковнинымъ, да Думнымъ Дьякомъ Васильемъ Семеновымъ. Всевысочайшій же Господь Богъ надежда наша, иже обитаетъ въ вѣки, Его же слово истинно и повелѣніе крѣпко; сій разсмотрѣ страшно, и чистъ судъ Его; сій воздастъ ненавидящимъ мя, и поношающимъ, и оклеветающимъ. Пишетъ нѣкто, проливающимъ слезы обидимымъ глаголетъ Господь: покрываете слезами жертвенникъ мой, и плачемъ и воздыханіемъ отъ трудовъ, и ничтожъ изношающе лукавно глаголаніе, воздыхаютъ токмо и плачутся своихъ золъ, и обидимымъ убо милостивъ бываетъ Богъ. Умилостивись, государь мой, Князь Юрій Алексѣевичь! призри на невинность мою и на странное мое раззореніе, и видя мя беззаступна, и отъ милости отторженна, и всякихъ благъ лишенна, сотвори милость, воспомяни Божіе слово, еже рече: Поелику сотвористе единому отъ сихъ малыхъ, вѣрующихъ въ мя, мнѣ сотвористе. И паки тако: Нѣсть воля предъ Отцемъ моимъ небеснымъ, да погибнетъ единъ отъ

 ма-

малыхъ сихъ. Предстательствуй о мнѣ у Великаго и милостиваго Государя Царя и Великаго Князя Θеодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, и милости и славы ради имени своего Государскаго, и твоего ради заступленія въ правдѣ моей, и многихъ ради моихъ службъ и прибылей, какъ въ первой моей челобитной писаны, велѣлъ раззореніе наше возвратить съ милостію, и велѣлъ насъ бѣдныхъ изъ сего дальняго заключенія свободить и взять, и жить намъ бѣднымъ и всякія милости обнаженнымъ, гдѣ его Государская милостивая воля будетъ, чтобъ намъ со всякихъ нуждъ прежде времени душъ не извращи, и чтобъ наши непрестанныя кровавыя слезы ко престолу Всевысочайшему на тѣхъ престали, которые насъ безъ всякія вины, кромѣ всякія правды, изогнали; а больше сего не могу и не смогу писати. А которые, государь мой, и въ винахъ объявилися и обличены, и сами на себя говорили, и выняты у нихъ книги и заговоры, и противные Божію и Государскимъ законамъ: и

тѣмъ

тѣмъ такого раззоренія не учинено, и милость показана, въ прежнихъ чинѣхъ и во всемъ своемъ пребываютъ. Единъ я бѣдной и странной съ червемъ своимъ не имѣю гдѣ главы подклонити, и на стопы ногъ нашихъ нѣтъ, и лишенъ всякія милости; а я, кромѣ работъ своихъ, съ початку лѣтъ моихъ и служебъ, и всякаго добра имъ Великимъ Государемъ, не знаю ничего, чтобъ въ чемъ виненъ былъ. А чьи и вины бываютъ великія, и тѣмъ людемъ по ихъ Государской милости судъ, очныя ставки, розыски; а я странной всего того лишенъ; а чего ради сего Великаго Государя указу и милости не сподобленъ, и того не могу знати; только имѣю на Господа Бога надежду, и на него, помазанника Божія Великаго Государя. Царево сердце въ руцѣ Божіи. Ими, благодѣтель мой и государь, мнѣ вѣры, что съ голоду страждемъ съ работники, и не можемъ части мяса, или калача, или иныхъ потребныхъ самыхъ нуждъ, хлѣба на двѣ деньги купить не добудемъ. Нѣтъ и не знаютъ того съ по-

початку, какЪ почали жить вЪ Пустоозерскомъ; единЪ борщЪ ядятЪ, да прибавляютЪ по горсти муки ржаныя; и то прожиточные люди ядятЪ, а убогіе единЪ борщЪ, да и того не родится вЪ ПустоозерскомЪ, привозятЪ сЪ Ижмы, пять сотЪ верстЪ выше Пустоозерскаго. Не токмо, милостивый мой благодѣтель, что купить, милостыни не у кого выпросить имени ради Божія; для того что сами межЪ себя просятЪ, и дать некому и нечего, и бредутЪ врознь глада ради; а и достальные на тотЪ же путь смотрятЪ. А у меня что по милости Великаго Государя не отнято, и то водами, перемѣнами, горами, переволоками потоплено, растеряно, раскрадено, разсыпано, выточено, съѣдено, мало что до мѣста довезено. И вЪ такомЪ нашемЪ раззореніи и вЪ такой нуждѣ и голодѣ, ничто же отЪ насЪ ино прочее чается, точію смерть, послѣдствующая отЪ скудости всякой; уже безЪ правды неправедно изгнанЪ, безо всякія вины уже отлученЪ лика милости; уже отторженЪ благоденствія отечества,

ства, дому моего и всѣхъ моихъ нажитковъ, помѣстій и отчинъ, и людей туне чрезъ законы лишенъ. Всѣмъ указами жестокими застращено сроднымъ моимъ и друзьямъ не токмо ко мнѣ самой ради конечной нужды моей на пищу прислати что, или по обыкновенію народовъ писати, какъ свои и друзья письмомъ завидѣнія мѣсто себя являютъ и утѣшаютъ въ печали; но и о имени моемъ не смѣетъ никто спросить. Заточенія ради послѣдней черты, гдѣ языцы обитаютъ, такое мѣсто выбрано, какъ имя ему Пустоозерской: ей истинно пустъ, хлѣба и соли нѣтъ, голодъ, холодъ, а сверьхъ сего только земля да вода. Охъ да увы! слезы, горесть, животъ золъ неимѣющимъ помощи, умилися благодѣтель мой и государь! Естьли совершенныя милости Великаго Государя, благочестиваго Царя, призрѣнія по моему челобитью не будетъ, чтобъ уже онъ Великій Государь пожаловалъ велѣлъ насъ въ хлѣбныя наши деревнишки перевезть, или гдѣ его Государская воля волитъ, и дать намъ хлѣбъ и харчъ денежной на кормъ изъ

 на-

нашихъ слезнокровавыхъ нажитченковъ. Ими, благодатель мой и государь, вѣры мнѣ убогому, какъ на свѣтѣ почалъ жить, такой нужды не видалъ надъ сиротами моими, не только надъ собою. Избенка дана мнѣ, другая червю моему сынишку; ей ей обѣ безъ печи; прошлую зиму рукъ и ногъ во всю зиму не согрѣли; а иные такіе дни бывали, мало что не замерзли, а отъ угару непрестанно умирали; а въ подклѣтишкѣ запасенко и рухлядишка, а въ другомъ сироты мои да караульщики, которые меня стерегутъ, чтобъ я не побѣжалъ. Бѣжать некуда и не отъ чего: совѣсть моя меня не судитъ и не грызетъ; изъ тѣхъ подклѣтовъ пущаютъ тепло, и отъ того пущанья пользы столько нѣтъ, сколько смрада. Почали цынжать, и не вѣдаемъ, что впредь намъ будетъ. А что били челомъ Великому Государю Пустоозерскіе жители о дровахъ, что намъ дрова даютъ, а пишутъ саженьми, и челобитье ихъ не право. Даютъ сажень ручную малую сѣченыхъ дровъ въ аршинъ отрубки, и тою саженью из-

изба трожды истопить; а не такая сажень, что на Москвѣ плахами кладутъ и мѣряютъ саженью. Прежде сего сказывали жители Пустоозерскіе, что по благодати Божіей на пищу рыбы былъ достатокъ и на продажу; а нынѣ, государь, не токмо въ годъ и на продажу на хлѣбъ съ самой весны и по Іюль мѣсяцъ до сытости не наѣлись, таютъ гладомъ, а хлѣба, государь, привезли муку, что отруби, и той мало продаютъ, оставляютъ въ зиму; въ самой голодъ продаютъ, чтобъ взять дороже. По семъ работникъ твой Артемошка Матвѣевъ челомъ бью.

Письмо къ Боярину ко Князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому.

Государь мой, милостивый Князь Никита Ивановичь! подай всевысочайшій Господь Богъ тебѣ, государю моему, здравствовать на многія лѣта со твоимъ, государя моего, благодатнымъ

нымЪ домомЪ. Аще волитЪ воля и милость твоя, государя моего, спросить о мнѢ, убогомЪ и всеконечно раззоренномЪ: и Божіе всемилостивое долготерпѢніе окаянству моему терпитЪ, еще сЪ живыми дышу. Умилосердися, государь мой! предстательствуй о мнѢ, безЪ вины раззоренномЪ, и помощи и заступленія отторженному; уже четвертое лѢто вЪ непрестанныхЪ кровавыхЪ слезахЪ пребывающій. Вящшая добродѢтель есть, еже миловати и щедрити, и ничѢмЪ тако присвоитися имамы кЪ Богу, якоже милованіемЪ обидимыхЪ невинно. И сіе рече: аще простите, подобни есте Отцу вашему. И се рече: аще дѢйствовати будете, ниже, рече; аще молитеся, подобни есте Отцу вашему; но что будете щедры, якоже ОтецЪ вашЪ, иже есть на небесѢхЪ. Сіе есть Божіе дѢло, милости хощу, рече: якоже милость, чтобЪ Великій Государь милости отца своего Государева блаженныя памяти Великаго Государя и своей Государской милости и славы ради имени своего Государскаго и службЪ, и работЪ кровавыхЪ,

выхЪ, и невинности ради моей, и конечнаго моего раззоренія, велѣлъ возвратить раззореніе мое, и изъ сего дальняго заключенія взять, и жить намъ бѣднымъ, гдѣ его Государская милостивая воля будетъ, чтобъ наши кровавыя съ червемъ моимъ слезы ко Господу Богу на обидимыхъ престали; и за сіе подастъ тебѣ той же въ вѣчной славѣ зрѣніе видимыхъ и невидимыхъ красотъ Его. Артемошка Матвѣевъ челомъ бью.

Письмо къ Боярину ко Князю Михайлу Юрьевичу Долгорукому.

Государь мой милостивый благодѣтель, Князь Михайла Юрьевичь! подай Господь Богъ тебѣ, государю моему, здравствовать на многія лѣта со всемъ твоимъ, государя моего, благодатнымъ домомъ. Аще волитъ воля и милость твоя, государя моего, спросить о мнѣ: и Божіе всемилостивое долготерпѣніе беззаконію моему тер-

терпитЪ; еще сЪ живыми. Милость отЪ Бога вЪ законѢ положися, ибо можаше подать милость человѢкомЪ и кромѢ сего, но да вЪ насЪ приведетЪ любовь, и да согрѢется безпомощный отЪ могущаго отЪ васЪ и намЪ безвиннымЪ повелѢ избавитися. Сего ради индѢ глаголетЪ: лучше слово благо, нежели даяніе; и сіе слово благо паче данія. И самЪ БогЪ глаголетЪ: милости хощу, а не жертвы; понеже есть обычай и благодѢтельство пріемлющихЪ любити, и доброемлющимЪ ко благодѢтельствующимЪ свойственнѢе пребывати. Аще видиши незиннаго плачуща и рыдающа и болѢзнующа, помози ему. Сего ради и азЪ тебѢ, государю моему, чрезЪ кровавыя мои слезы докучаю: попроси милости у отца своего, государя моего, чтобЪ онЪ вЪ нападныхЪ моихЪ безвинныхЪ бѢдахЪ подалЪ руку вспоможенія, и по челобитнымЪ моимЪ первой и второй Великаго Государя доложилЪ милостиво. ПишетЪ нѢкто стихотворецЪ: истинну любя, лжу ненавидя, не оскорбляя, вЪ неполученіяхЪ исправляя, иже туне ненавидимыя, и не точію слышатель, но и творецЪ доб-

добрыхъ и досточудныхъ дѣланій будетъ. И за сіе пріимете отъ всевысочайшаго Бога здѣ и въ будущемъ вся благая. Работникъ твой Артемошка Матвѣевъ челомъ бью.

Письмо къ Боярину Родіону Матпѣевичу Стрѣшнепу.

Государь мой милостивый Родіонъ Матвѣевичь! подай Господь Богъ тебѣ, государю моему, здравствовать на многія лѣта со всемъ твоимъ, государя моего, благодатнымъ домомъ. Аще волитъ воля и милость твоя спросити о мнѣ: и Божіе всемилостивое долготерпѣніе окаянству моему еще мотерпитъ; съ живыми съ червемъ моимъ дышемъ. Четвертое лѣто уже государь мой наста, какъ непрестанно въ кровавыхъ слезахъ невинныхъ пребываемъ, а помощи и заступленія ни отъ кого не имѣемъ, и страждемъ, не вѣдаемъ за что, и раззорены до конца, учинены нищими и на сто-

стопы ногъ нашихъ не оставлено. Господемъ Богомъ свидѣтельствуемся, той вѣсть прежде бытія всѣхъ человѣкъ, не токмо словомъ, или дѣломъ, но и помышленіемъ невинны; что ни нанесено. Давній то, государь мой, обычай, чешутъ слухи приложенными глаголы и завистію движими оклеветающе, да воздастъ Господь Богъ здѣ и въ день суда своего праведнаго; а мы, бѣдные и всякія милости отторженные, токмо имѣемъ воздыханіе и плачь, ничто износяще лукавно. Умилостивися государь мой, воспомяни Божіе слово: блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ. Се милость, егда кто кому въ бѣдахъ сущему поможетъ словомъ благимъ, совѣтомъ правымъ. Кто милости желаетъ и творитъ ю, той и самъ отъ Бога помилованъ будетъ. Елико немилостивіи, непощадѣніе Божіе на судѣ немилостивымъ; толико помилованіе сугубо милостивымъ, и воздаяніе въ царствіи небеснѣмъ, за едину чашу студеной воды животъ вѣчный, чтобъ Великой Государь пожаловалъ велѣлъ насъ изъ сего заточенія и злоключе-

нія

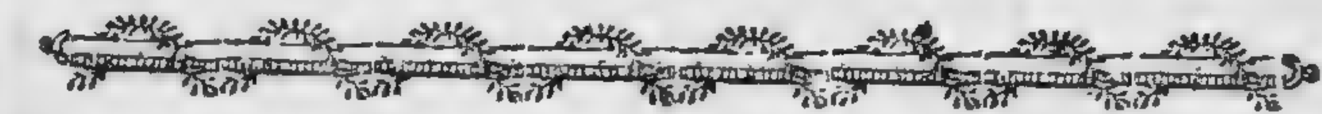
нія сего невиннаго взять, и раззореніе наше невинное возвратить, и жить намъ бѣднымъ, гдѣ его Государская воля будетъ, чтобъ намъ въ такой нуждѣ прежде времени не скончатися. По семъ работникъ твой Артемошка Матвѣевъ челомъ бью.

Письмо къ Боярину ко Князю Якопу Никитичу Одоевскому.

Государь милостивый Князь Яковъ Никитичь! подай Господь Богъ тебѣ, государю моему, здравствовать на многія лѣта со всемъ твоимъ, государя моего, благодатнымъ домомъ. Аще волитъ воля твоя и милость, государя моего, спросити о мнѣ убогомъ и всеконечнѣ раззоренномъ: и Божіе всемилостивое долготерпѣніе беззаконію моему терпитъ; еще съ живыми дышемъ. Въ первой моей челобитной къ Великому Государю, чего старости ради и увѣчья моего погорбленнаго, а паче всего гнѣва ради

ди его Великаго Государя и опалы, и раззоренія моего невиннаго, для очищенія многое безпамятствомъ своимъ не написалъ; а что вспамятовалъ, и то во второй моей челобитной и писано, и то тебѣ государю моему будетъ извѣстно: стражду, и раззоренъ туне, не имѣя вины. Умилися, государь мой! сотвори милость, какъ вестанутъ челобитную мою предъ Великимъ Государемъ честь, предстательствуй о мнѣ всякія милости и помощи отторженномъ. Воспомяни Божіе слово, реченное: основаніе благихъ ничтоже ино, развѣ милость; на семъ, рече, законъ и Пророки висятъ. Якоже бо въ вещество огнь вшедъ и вся очищати обыче, сице и милость: милости, теплости, идѣже аще впадетъ, вся истребляетъ страждущая, и исцѣляетъ. Воспомяни работишку мою, какъ въ докладъ готовилъ Думной Дьякъ Герасимъ Докторовъ дѣло. Воспомяни работишку мою ко отцу твоему, государю моему Боярину Князю Никитѣ Ивановичу въ посольскихъ его съѣздахъ, во второмъ и въ послѣднемъ. А иныхъ писа-

сати не смогу, за малое пріимите, а надо мною странно раззореннымЪ велію милость явите, чтобЪ Великій Государь пожаловалЪ велѣлЪ насЪ изЪ сего заточенія свободить, и раззореніе наше невинное возвратить, и жить намЪ бѣднымЪ, гдѣ его Государская милостивая воля будетЪ, чтобЪ намЪ бѣднымЪ сЪ червемЪ моимЪ вЪ такой нуждѣ прежде времени не скончаться. РаботникЪ твой Артемошка МатвѣевЪ челомЪ бью.

Письмо кЪ Боярину Кириллу Полуептопичу Нарышкину.

Государь мой КириллЪ Полуевктовичь! подай Господь БогЪ тебѣ, государю моему, здравствовать на многія лѣта со всемЪ своимЪ благодатнымЪ домомЪ. Аще волитЪ воля твоя спросить о мнѣ: и Божіе всемилостивое долготерпѣніе окаянству моему терпитЪ; вЪ бѣдахЪ моихЪ и вЪ невинномЪ моемЪ раззореніи еще сЪ червемЪ

мо-

моимЪ АндрюшкомЪ дышемЪ, вся видя предЪ собою жестокая, а милости и помощи не имѣю; а вЪ житіи моемЪ бѣдномЪ кровавомЪ слезы, голодЪ, холодЪ, тѣсноту, дымЪ, укореніе, поношенія и прочая, вѣсть Господь БогЪ, исписати не могу; а о васЪ, пріятеляхЪ моихЪ, не токмо писанія, ни слова не могу слышати, какЪ изЪ Казани повезенЪ. Надежда моя Господь БогЪ, аще здѣ меня измучитЪ вЪ малѣ. Се же нѣсть образЪ мученія, но милости и наказанія, яко АпостолЪ рекЪ: яко судими отЪ Бога наказуемся, да не сЪ міромЪ осудимся; яже бо здѣ, наказанія суть; а еже тамо, томленія суть и муки вѣчныя. Не токмо тогда есть БогЪ благій, егда намЪ благая подаетЪ, богатство міра сего, славу, здравіе, веселіе, радость; но и тогда благій есть, егда нищету подаетЪ и поношеніе, болѣзнь и печаль; тогда паче благій ЧеловѣколюбецЪ большую показуетЪ намЪ милость: вЪ малѣ бо даетЪ наказаніе, да свободитЪ отЪ вѣчнаго мученія. Аще имаши благовременный и радостный приступЪ кЪ благочестивой

вой ГосударынѢ нашей ЦарицѢ и Великой КнягинѢ НаталѣѢ КириловнѢ, и кЪ Государю Царевичу и Великому Князю Петру АлексѢевичу, всея Великія и Малыя и БѢлыя Россіи: воспомяни любовь мою кЪ себѢ нелицемѢрную, и улучи время по достоинству величества, попроси милости за меня невиннаго и раззореннаго до конца, и неимѢющаго ни отЪ кого помощи, кромѢ всевысочайшаго и всесильнѢйшаго Царя и Бога, чтобЪ она, Великая и благочестивая Государыня, и Великій Государь Царевичь, попросили о невинности моей, что по ненависти врагЪ моихЪ раззоренЪ туне, у благочестиваго и милостиваго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора АлексѢевича, всея Великія и Малыя и БѢлыя Россіи Самодержца, Государя премилостиваго, чтобЪ онЪ Великій Государь велѢлЪ насЪ изЪ сего злоключенія взять, и раззореніе наше возвратить сЪ милостію, и жить намЪ, гдѢ его Государская воля будетЪ. А буде милости Великаго Государя не будетЪ, и изЪ сего злоключенія взять насЪ не укажетЪ, чтобЪ указалЪ намЪ

 сЪ

съ сиротами нашими до своего Государскаго милостиваго указу давать хлѣбъ и на харчъ денежной кормъ, какъ инымъ и виннымъ даютъ кормъ; а нашей вины, кромѣ службъ и кровей и работъ всякихъ правыхъ, никакой вины нѣтъ. Свидѣтель ми есть всевидящее Око, отъ негожъ и тьма не помрачится, возненавидѣнъ и раззоренъ туне. А естьли милости Великаго Государя не будетъ, и кормить насъ не укажетъ, и о насъ ино благо ничтожъ чается, точію смерть, послѣдствующая всякой ради скудости. Естьли, благодатель мой, указу Великаго Государя заповѣданнаго сроднымъ и друзьямъ моимъ нѣтъ, и аще волитъ воля ихъ и благопріятство мое воспомянуть и умилиться на раззореніе мое всеконечное, чтобъ Христа и Бога ради прислали милостыню, елико кого сила имать; чтобъ о томъ побили челомъ Великому Государю; а въ приказѣ сыскныхъ дѣлъ Боярину Юрью Алексѣевичу Долгорукову, чтобъ ту ихъ милостыню приняли въ приказъ, а мнѣбъ указалъ Великій Государь дать изъ доходовъ, гдѣ сосланъ,

сланЪ, или гдѢ милостію Великаго Государя переведенЪ буду; а больше сего писати сими чернилы, разведенными кровавыми моими слезами, не могу. По семЪ паки здравствуй. РаботникЪ твой Артемошка МатвѢевЪ челомЪ бью.

Первое письмо кЪ Боярину Ивану Михайловичу Милославскому, отправленное во 185 году.

Государь мой, милостивый благодатель, ИванЪ Михайловичь! подай Господь БогЪ тебѢ, государю моему, здравствовать на многія лѢта со всемЪ твоимЪ, государя моего, благодатнымЪ домомЪ. А изволишь спросить о мнѢ: и Божіе всемилостивое долготерпѢніе окаянству моему еще терпитЪ; сЪ живыми и сЪ червемЪ моимЪ еще дышемЪ. Многими напастьми и скорбьми умученЪ, едва воздохнути могу; тако бо сердце мое многими злыми изсше, яко едва движется;

 оба-

обаче прошеніе и челобитье мое къ тебѣ, государю моему и благодателю, написати дерзнулъ. Времяжъ мое бѣдное и горькое сіе, и случай мой сей окаянный и пагубный, страсть и раззореніе, како изрещи могу? отъ плача бо кроваваго умъ мятется. Кое бо сицево зло есть, еже бы въ моей бѣдѣ не случилось мнѣ? И кто когда тако высокаго чина обнаженъ, и имѣнія и домъ, и вотчинъ и помѣстій отпаде, якоже азъ? И на стопы ногъ моихъ не имѣю, и сего ради имамъ въ забвеніи отъ жалости и самаго себе, что прежде быхъ кто, нынѣ есмь азъ единъ, тою всѣхъ честію, не имѣя помощи, показахся, осудища мя винѣ, не представища мя суду, вѣрющи словамъ ложнымъ предъ вами Бояры Давыдка. Умилися, благодѣтель мой! Слышу, всѣмъ приходящимъ къ тебѣ благотворишь болѣзнь мою, и раззореніе мое напрасное и безвинное разумомъ своимъ высокимъ и судомъ праведнымъ разсудишь, и всѣхъ ропщущихъ и клевещущихъ на мя далече отъ милости своей отослати повелишь, и да отреши слезы

кро-

кровавыя мои, и заступленіемъ своимъ по челобитной моей, какову у меня принялъ приставъ Гаврила Яковлевичь Тухачевской и послалъ къ Великому Государю.

Второе письмо къ немужъ Боярину Ивану Михайловичу Милославскому, отправленное по 187 году.

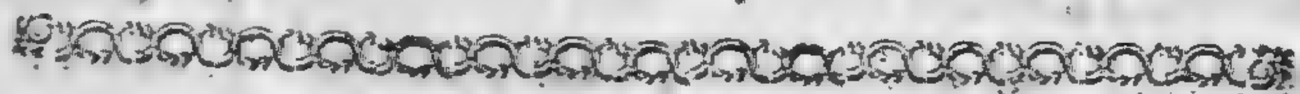
Государь милостивый благодѣтель Иванъ Михайловичь! подай всевысочайшій Господь Богъ тебѣ, государю моему, здравствовать на многія лѣта со всемъ своимъ благодатнымъ домомъ. Аще волитъ воля твоя и милость государя моего спросить о мнѣ: и Божіе всемилостивое долготерпѣніе окаянству моему еще терпитъ, съ живыми дышемъ. Въ первой моей челобитной къ Великому Государю чего старости ради и увѣчья моего погорбленнаго, а наипаче гнѣва ради и опалы и всеконечнаго моего раззоренія, безпамятствомъ своимъ не писалъ, чтобъ па-

че невинность моя предЪ ВеликимЪ ГосударемЪ отЪ злыхЪ сердца человѣкЪ очистилась, и то во второй моей челобитной писано: извѣстно тебѣ, государю моему, будетЪ. Услыши, благодѣтель мой и государь, что Сотворшій всяческая глаголетЪ: блюдите и не презрите единаго отЪ малыхЪ сихЪ; Ангели бо ихЪ выну видятЪ лице Отца моего, иже на небесѣхЪ. ВсякЪ вѣрный Ангела мирна имать; зане искони кождо отЪ благоискусныхЪ мужей Ангела имѣли, якоже глаголетЪ ІаковЪ: АнгелЪ, иже питаетЪ и избавляетЪ мя отЪ юности моея. Сего ради молимся, и глаголемЪ просяще: Ангела мирна, и вездѣ мира просимЪ, яко той есть мати всѣхЪ благихЪ. Сего ради ХристосЪ Спаситель нашЪ и АпостоломЪ сіе глаголати повелѣ, якоже нѣкая знаменія благихЪ. Кая же польза, благодѣтель мой и государь, аще со онымЪ убо мирЪ, со онымЪ же вражда? Суть бо многи радующеся о злыхЪ, а не о мирѣ, и не воспоминаютЪ, яко судЪ уготовася безмилостенЪ несотворшему милости. Всяко погрѣшеніе прежде

де конца имать исправленіе. СЪ початку лѣтЪ моихЪ до сего злаго моего и горькослезнаго времени, кромѣ работЪ моихЪ кЪ родителемЪ твоимЪ, и твоего жалованья, кЪ себѣ ничего не знаю и вЪ службѣ твоей Астраханской, кромѣ работЪ своихЪ, ничего не знаюжЪ, и вЪ томЪ свидѣтель ми есть ГосподЪ БогЪ, да братЪ твой Окольничій Андрей Ивановичь ЧириковЪ. А что, государь мой, похлѣбствуютЪ и присвояются кЪ тебѣ, какЪ времени обычай, о выборѣ вЪ Астрахань, той же ГосподЪ БогЪ вѣсть, естьли бы то на среду вынесено было, былЪ бы я свободенЪ правдою своею, что та посылка волею Божіею и Великаго Государя изволеніемЪ, а причина кромѣ меня. Умилися, государь! сотвори милость о мнѣ невинномЪ и странно раззоренномЪ: какЪ станутЪ челобитныя мои честь предЪ ВеликимЪ ГосударемЪ, предстательствуй, чтобЪ Великій Государь, славы ради своему Государскому имени, велѣлЪ раззореніе наше невинное возвратить, и изЪ сего злоключенія взять, и жить намЪ бѣднымЪ, гдѣ его Государя милостива

вая воля будетъ, чтобъ наши бѣдныя кровавыя невинныя слезы ко Господу Богу на тѣхъ престали, которые безъ всякой нашей вины отъ Государской милости изгнали и до конца раззорили. Умилися, благодѣтель мой! и да получишь за сіе заступленіе невинное здѣ и въ будущемъ вся благая. Ими мнѣ странному вѣру, въ такое мѣсто посланъ, какъ имя ему Пустоозерской, не токмо купить части мяса, или калачъ, или иныя какія нужды потребныя для пищи, хлѣба на двѣ деньги купить не добудемъ, и нѣтъ, и не знаютъ того съ початку, какъ жить почали; одинъ борщъ ядятъ, да прибавляютъ по горсти муки ржаной; и то прожиточные люди ядятъ, а убогіе борщъ одинъ, да и тотъ въ Пустоозерскомъ не родится, привозятъ съ Ижмы. Да не токмо, государь, купить что, имени ради Божія выпросить милостыни не у кого, да и нечего; для того что сами межъ себя просятъ, и дать некому и нечего, и бредутъ врознь, а достальные на тотъ же путь смотрятъ глада ради. А у меня, государь,

дарь, что по милости Великаго Государя не отнято было, и то водами, пременными горами, переволоками, потоплено, разтеряно, раскрадено, разсыпано, вытечено; и въ такомъ нашемъ раззореніи ничтожъ о насъ чается паче ино, точію смерть, присноповслѣдствующая скудству всякому. Работникъ твой Артемошка Матвѣевъ челомъ бью.

Письмо къ Боярину Богдану Матвѣевичу Хитрому.

Государь мой премилостивый благодѣтель Богданъ Матвѣевичь! подай Господь Богъ тебѣ, государю моему, здравствовать на многія лѣта, и со всемъ твоимъ, государя моего, благодатнымъ домомъ. Аще волитъ воля и милость твоя, государя моего, изволишь спросить о мнѣ: и Божіе всемилостивое долготерпѣніе беззаконію моему терпитъ; еще съ живыми чуть дышемъ. Въ первой моей челобитной къ

къ Великому Государю, чего старости ради и увѣчья моего погорбленнаго, и его Государскія опалы, и всеконечнаго моего невиннаго раззоренія, что видѣлъ въ Божественномъ писаніи, и что безпамятствомъ своимъ не написалъ на очищеніе невинности своей, а нынѣ во второй моей писано; и когда та челобитная чтена будетъ предъ Великимъ Государемъ, умилися, благодѣтель мой и государь, надо мною, видя меня, странна и всякія милости и заступленія и помощи лишенна и отторженна, и въ конецъ раззоренна, и на стопы ногъ моихъ не оставлено, и безвинна и плачуща уже четвертое лѣто, и утопающа въ кровавыхъ нашихъ непрестанныхъ слезахъ, а помощи ни отъ кого неимѣющихъ: заступи и представительствуй о мнѣ; воспомяни милость свою ко мнѣ и работишку мою, аще и малую, только правую; не повѣрь обычаю злыхъ, иже чешутъ слухи приложенными глаголы, и завистію движими оклеветающе. Ничто же бо тако, благодѣтель мой и государь, можетъ сотворити Христоподражателя,

яко помышляти о искреннихЪ. Но аще и постишися, аще и долу легаеши, ничто же веліе содѣлалЪ еси; аще что и пріимешь искренняго ради и невинна, обаче принесетЪ ти нѣкое утѣшеніе отЪ Бога, и пріимешь вѣчную славу и благихЪ наслажденіе. Аще ли же речешь: не мое, но свое кождо смотряй; о семЪ блаженный отвѣщаетЪ ПавелЪ: аще раздамЪ вся имѣнія моя, и предамЪ тѣло мое воеже сожещи е, любве же не имамЪ, ни кая же ми польза. Рече: не свою, но ближняго искати пользу, и милосердіемЪ многимЪ пользовати; ни мученичество, ниже ино что заступити тя возможетЪ, аще не имаши предстательствовати. Еще сугубой милости у тебя прошу: попроси милости и милосердія у государыни моей, милостивой Боярыни Анны Петровны, чтобЪ она, видя мою невинность и слезы кровавыя и непрестанныя сЪ червемЪ моимЪ, и раззореніе мое всеконечное, для воздаянія на небесѣхЪ будущихЪ благЪ вЪ некончаемомЪ царствіи, предстательствовала о мнѣ убогомЪ у Великаго Государя сЪ тобою,

бою, благодѣтелемъ моимъ, чтобъ Великій и милостивый Государь велѣлъ насъ изъ сего заточенія взять, и раззореніе наше возвратить, и жить намъ бѣднымъ, гдѣ его Государская милостивая воля будетъ, чтобъ съ нуждъ и съ голоду и съ холоду прежде времени душъ не извреши. Ими, благодѣтель мой и государь, мнѣ убогому вѣру, въ такое мѣсто посланъ, какъ имя ему Пустоозерской: не токмо купить часть мяса, или калачъ, и какія нужды потребныя для пищи, хлѣба на двѣ деньги купить не добудутъ, и нѣтъ, и не знаютъ того съ початку, какъ жить почали; единъ борщъ ядятъ, да прибавляютъ муки ржаныя по горсти; и то прожиточные люди. А не токмо, государь мой милостивой, купить что, но имени ради Божія выпросить милостыни не у кого, да и нечего; для того что сами межъ себя просятъ, и дать некому, и нечего, и бредутъ врознь, а и достальные на тотъ же путь смотрятъ глада ради. А у меня что по милости Великаго Государя что не отнято было, и то, государь мой, во-

водами и горами и переволоками потоплено, растеряно, раскрадено, разсыпано, выточено; ничто же прочее о насъ чается иное, точію смерть, приснопослѣдствующая скудству всякому. Работникъ твой Артемошка Матвѣевъ челомъ бью.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ прибавку еще съ пополненіемъ самымъ неложнымъ и истиннымъ, къ совершенію онаго совѣстнаго оправданія, и весьма къ безпорочному извѣщенію, по вышепредъявленнымъ его же Боярина Артемона Сергѣевича высокохвальныя и достойноблаженныя памяти, тако же и сына его при благополучномъ государствованіи высокодержавнѣйшаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, тогда бывшаго Комнатнаго Стольника Андрея Артемоновича Матвѣевыхъ, къ благочестивому

Великому Государю Царю и Великому Князю Феодору Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу; яко святѣйшему Іоакиму, Архіепископу Московскому и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ Патріарху, по горькослезнымъ и законно очистительнымъ тремъ челобитнымъ его Боярскимъ, и къ знатнымъ вѣка того къ присутствующимъ ближнимъ Бояромъ, и къ Царскому Духовнику, по просительнымъ письмамъ, сей всѣхъ оныхъ вышеозначенныхъ челобитенъ и писемъ многотрудившійся, и прежде бывый въ Пустоозерскомъ острогѣ, и собственною рукою своею достовѣрный списатель, при бывшемъ томъ какъ долголѣтномъ заточеніи его Боярскомъ, и сына его, и не однократномъ уже во 185 и потомъ во 190 годѣхъ отъ воровскаго бунта Московскихъ стрѣльцовъ, дому его всеконечномъ раззореніи, такъ и по страдальческомъ отъ нихъ же воровъ стрѣльцовъ его Боярина Артемона Сергѣевича въ то же смутное время варварскомъ убіеніи, съ великимъ любопытствомъ и трудомъ, всѣ тѣ собравъ оныя сни-

eнискатель тщательно, и яко при всемъ томъ его Боярскомъ, и сына его невинномъ злостраданіи, и при седмилѣтнемъ заточеніи съ начала самаго первой его Боярской посылки подъ видомъ Сибирскаго воеводства въ городъ Верьхотурье изъ Москвы до Казани, и изъ Казани потомъ неправымъ и неповиннымъ осужденіемъ въ ссылку до Пустоозёрскаго острога и оттуды до Мезени, а съ Мезени до города Луха, и до возвращенія въ царствующій градъ Москву, и во время вышепомянутаго стрѣлецкаго бунта свидѣтель сей очевидный всѣмъ онымъ бѣдствамъ самовидѣцъ, и присутственный сострадалецъ сущею, не притворною, но прямою и безстрастною истинною нелицемѣрно, по благочестію вѣрнаго своего Христіянства, возбужденъ есть неутолимо и неложно. Сіе самое чистою совѣсти своей, безъ ласкательства человѣкоугоднаго обстоятельнѣйшее и вѣры достойное нижеписанное изъясненіе, даже до самой святопочившей егожъ Боярина Артемона Сергѣевича кончины, разумному свѣту сообщить и предложить на безсмерт-

ную его и всей изящнѣйшей его Бояр-
ской фамиліи въ роды родовъ и на
безпорочную память, паче же ради
народнаго всѣмъ и прямаго извѣстія,
да не бы кто отъ невѣдущихъ о
томъ довольно, и отъ страсти зло-
дѣйствующихъ людей, и отъ какой
многоядовитой козни и въ людѣхъ
сродной ненависти и злобы исполнив-
шихся на немъ Бояринѣ и на сынѣ
его, при преждебывшемъ злополучіи
ихъ неповинно, противъ всѣхъ Боже-
ственныхъ заповѣдей, Апостольскихъ
преданій, отеческихъ правилъ, Хри-
стіянскихъ всѣхъ Царей законовъ, го-
сударственныхъ правъ, и противъ
законноутвержденнаго въ самомъ Рос-
сійскомъ царствѣ святохранимаго пе-
чатнаго уложенія о невинномъ осуж-
деніи безъ достойнаго правосудія,
токмо по лживымъ сущимъ клеветамъ
отъ наученныхъ и вымышленныхъ со-
ставовъ и воровскихъ доводовъ, точ-
но и свѣтло уже въ его Боярскихъ
высокопомянутому Великому Госуда-
рю Царю Ѳеодору Алексѣевичу, Само-
держцу Всероссійскому, достоблажен-
ныя памяти тогда царствующему, и
ко

ко вышеименованному святѣйшему Іоакиму, Патріарху Московскому, правящему тогда престолъ Всероссійскій, святолѣтныяжъ памяти, въ трехъ челобитныхъ изобличительно изображенныхъ, такъ о злострадательномъ седмилѣтнемъ ихъ Боярина и сына его заточеніи, и отъ несвѣдомыхъ Божественнаго писанія, ни силы его, изъ скоропостижной и безразсудной человѣческой продерзливости, неистовымъ какимъ и наглымъ навѣтомъ, или нападеніемъ клеветливымъ впредь дерзнулъ за то ложной укоризны и безчестія напраснаго, оставшимъ рода его Боярскаго нанесть; того ради все то объявленіе симъ нижеслѣдующимъ и правымъ умному свѣту изъясненіемъ; да заградитъ уста тѣмъ глаголющимъ на праведнаго беззаконіе.

По вышепомянутымъ его Боярина Артемона Сергѣевича и сына его Андрея Артемоновича Матвѣевыхъ къ его высокопомянутому Царскому Величеству горькослезнымъ тремъ челобитнымъ, во 188 году велѣно ихъ изъ Пустоозерскаго острога перевезть

 на

на Мезень, и быть до указу за тѣмЪ же приставомЪ, СтольникомЪ и Воеводою ГавриломЪ ЯковлевымЪ сыномЪ ТухачевскимЪ, гдѣ пробыли до 189 году.

ВЪ томЪ 189 году благочестивый Государь Царь и Великій Князь Өеодоръ Алексѣевичь, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи СамодержецЪ, при совершенныхЪ уже лѣтѣхЪ онаго государствованія своего, вступя прямо вЪ свою державу, и часто болѣзнуя отЪ своей тогда бывшей естественной скорби скорбутики, то есть цынготной, изЪ тѣхЪ его БоярскихЪ зѣло плачевныхЪ челобитенЪ, по природному Его Царскаго Величества и безприкладному ко всѣмЪ поддаными своимЪ милосердію, и безстрастному правосудію, самою правостію его Боярскую невинность законно разсмотря и разсудя всѣми Божественными, Апостольскими и богоносныхЪ отецЪ святыми писаніи изобличительныхЪ многозлозненныя клеветы, и весьма ложныя на него отЪ явныхЪ его БоярскихЪ злодѣевЪ вымышленныя, и Его Царскому Величеству на него Боярина Арте-

Артемона Сергѣевича, и злопагубные наносы, токмо по одной треклятой зависти, и ослѣпленной ненависти, и по врожденной въ братоненавистномъ Каинскомъ озлобленіи страсти, и отъ тѣхъ внутреннихъ его Боярскихъ супостатовъ вымышленной, и всякой лжи исполненной, наипаче же всякаго смѣху передъ всѣмъ умнымъ свѣтомъ достойной, чрезъ непотребнаго изъ послѣдней крестьянской чади одноглазаго, и тогда въ самомъ особливомъ своемъ воровствѣ и въ тюрмѣ держимаго составщика и вора лѣкаря Давыдки Берлова вымышленной, и наученной на него Боярина Артемона Сергѣевича ужасной, и ни въ чемъ отнюдь по самой истиннѣ несообразимой, но ясно ложной доводъ, и всѣмъ Царскимъ законамъ и градскимъ правамъ и самому государственному Всероссійскому уложенью всемѣрно противной, понеже честь Царева судъ любитъ: того ради въ тоже время Его Царское высокопомянутое Величество повелѣлъ того явнаго вора и лжесоставнаго доводчика Давыдку Берлова сослать въ Казань въ ссылку на

вѣчное житье, гдѣ тотъ злопагубной сосудъ, яко древній Искаріотъ, на безконечную и горшую себѣ еще пагубу изчезъ.

Во 190 году мѣсяца Генваря въ первыхъ числѣхъ Стремяннаго полку съ Капитаномъ съ Иваномъ Сергѣевымъ сыномъ Лишуковымъ изъ Москвы на Мезень присланъ былъ отъ Егожъ Царскаго высокопомянутаго Величества къ вышеименованному его Боярскому приставу къ господину Тухачевскому указъ, по которому велѣно ему призвавъ его Боярина Артемона Сергѣевича и сына его, объявить имъ, что Его высокопомянутоежъ Царское Величество, разсмотря ихъ невинность, и бывшее на нихъ самое ложное оклеветаніе, и милосердуя объ нихъ, Бояринѣ и о сынѣ его, указалъ ихъ изъ за пристава освободить, и Московской ихъ дворъ, и подмосковныя и другія вотчины и пожитки оставшія за раздачею и продажею, имъ по прежнему возвратить, и сверьхъ того еще ему же Боярину и сыну его пожаловалъ вотчину изъ дворцовыхъ селъ въ Суждальскомъ уѣздѣ село Верьхній Ландехъ

съ

сЪ деревнями, восемь сотЪ дворовЪ крестьянскихЪ, и отпустить его Боярина и сына его сЪ Мезени свободна вЪ городЪ ЛухЪ, давЪ имЪ подорожную и ямскія подводы, на чемЪ могутЪ они подняться, гдѢ имЪ впредь ожидать будущаго отЪ Его Царскаго Величества кЪ себѢ указу. И тогожЪ времени вышеименованной приставЪ и Мезенской Воевода ГосподинЪ Тухачевской, при всѢхЪ тѢхЪ случаяхЪ бѢдства его Боярскаго и ссылки седмилѢтней, кЪ нему Боярину и сыну его будучи весьма склоннымЪ и доброжелательнымЪ благодѢтелемЪ, о чемЪ подлиннѢе на своемЪ мѢстѢ изЪявлено будетЪ, по силѢ онаго его Царскаго указу вЪ крайней скорости все то вышеписанное исполня, отправилЪ его Боярина Артемона СергѢевича и сына его Андрея Артемоновича удовольствовавЪ подводами и напутными потребами, и провожалЪ нѢсколько отЪ Мезени верстЪ сЪ великимЪ почтеніемЪ, и сЪ премногою того разлученія своего и благопріятства любовію.

Не возможножЪ списателю сего приснопамятнаго и вѢчной хвалы достой-

стойнаго отъ негожъ господина Тухачевскаго, мужа благоразумнаго, и всякаго цѣломудрія и благочестія въ Христіянствѣ исполненнаго, не токмо великаго благодѣянія, но и самаго Христолюбиваго милосердія всехвальное дѣло молчаніемъ обойти: ибо при преждебывшей ихъ Боярина и сына его въ Пустоозерскомъ острогѣ ссылкѣ, гдѣ оной же господинъ Тухачевской въ то время Воеводою, а при немъ Бояринѣ и сынѣ его приставомъ присутствовалъ, онъ Бояринъ Артемонъ Сергѣевичь за безмѣрнымъ удаленіемъ того Пустоозерскаго острога, и за безвѣстіемъ глубокимъ, что въ томъ краѣ земледѣльства никакова нѣтъ, и объ немъ отнюдь не знаютъ, и токмо въ острогѣ томъ, зѣло малолюдномъ, всякаго чина жители, числомъ всѣхъ со сто дворовъ обрѣтаются, питаются съ Вычегды рѣки изъ Еренска и изъ Перміи ближней, на малыхъ самыхъ каючкахъ весною, однажды въ годъ привознымъ хлѣбомъ; а съ нимъ Бояриномъ тогда были: учитель сына его Андрея Артемоновича, изъ меньшаго Польскаго

шля-

шляхетства, Иванъ Лаврентьевъ сынъ Поборской и священникъ Василій, по прозванію Черкцовъ, и всякаго чину, дому его Боярскаго людей безъ малу тритцать человѣкъ, и которой хлѣбной запасъ прежде про обиходъ домовой его Боярской съ нимъ привезенъ былъ, уже издержался въ росходы до весны, и до приходу туды оныхъ судовъ съ хлѣбомъ за два мѣсяца, или больше, токмо всего его Боярскаго запасу на лицо осталося три сухаря. Увѣдавъ въ тоже время онъ господинъ Тухачевской о такой всеконечной уже его Боярскаго дому скудости, и у себя имѣючи хлѣбнаго запасу только шесть кулей ржаной муки, половину изъ той на свое пропитаніе оставя, другую къ нему Боярину на ссуду прислалъ; подобно древней исторіи высокославнаго вельможи, бывшаго при дворѣ Фараоновѣ Іосифа прекраснаго, во время гладу тогда пропитавшаго братію свою.

Ежели бы при такомъ отъ глада онаго уже весьма послѣдствующемъ бѣдствѣ не показалъ онъ господинъ Тухачевской такова невозмезднаго своего и

человѣколюбнаго милосердія, то пришло бы уже къ тому, чтобы неизбытно отъ безхлѣбицы той ему Боярину съ сыномъ и со всемъ домомъ своимъ неизцѣльно оцынжать, и отъ глада того безвременно погибнуть; понеже въ ту пору у обывателей того острога, кромѣ всякому про себя употребительной нуждицы имѣющему, ни четверика за расходомъ на продажу не сыскалось, и отнюдь не бываетъ, хотя бы кто за четверикъ ржаной муки по десяти рублей давалъ, никакимъ образомъ сыскать и получить не могъ, но и всегда и въ самой привозъ съ Руси тотъ хлѣбной пудъ ржаной муки меньше рубля цѣною тамъ не купятъ; и больше всѣ того острога жители, отъ большой части въ мясоѣды птицами всякой дичи, а въ посты изъ рѣки Печоры множествомъ семги, нелемъ, сиговъ, чировъ, пеледей и иною бѣлою рыбою питаются со многимъ изобиліемъ. Однакожъ всѣ изъ нарочитыхъ жителей острога того къ нему Боярину и ко всѣмъ нещастіе имѣющимъ тамъ быть въ ссылкѣ по премногу человѣколюби-

вы

вы и всякими выщепомянутыми хар-
чами зѣло ссудливы.

О ссылкѣ той Пустоозерской, и о переведенiи изъ той на Мезень распространять не нужно есть, понеже въ прошенiяхъ его Боярскихъ о томъ подлиннѣе изображено есть.

Путь его Боярской и сына его съ Мезени былъ чрезъ Колмогоры, гдѣ тогда и на Двинѣ Воеводою былъ Бояринъ Князь Никита Семеновичь Урусовъ, и въ то прибытiе его Боярина Артемона Сергѣевича и сына его, онъ Бояринъ Князь Никита Семеновичь принялъ его съ великою любовiю и съ открытствомъ прiятельскимъ всего дому своего, и всѣ Колмогорскiе жители, иноземцы и всякаго чину люди со многимъ благопрiятiемъ почтенiе ему Боярину Артемону Сергѣевичу учинили; и онъ Бояринъ и Воевода и съ дѣтьми своими его Боярина Артемона Сергѣевича пять верстъ отъ Колмогоръ до села, зовомаго Матигоры, провожалъ, и разсталися съ великою любовiю.

Съ Колмогоръ путь егожъ Боярской отправился зимней на Волгу

чрезъ

чрезъ городъ, именуемой Шенкурскъ, гдѣ тогда присутствовалъ Воеводою Думной Дворянинъ Григорій Стефановичь Карауловъ, который и всѣ тамошніе граждане встрѣтя со всякимъ почтеніемъ, и удовольствовавъ напутными потребами, проводили его Боярина Артемона Сергѣевича и сына его съ великою честію.

Оттуды путь продолжился до Вологды города, гдѣ тогда Воеводою былъ Стольникъ Князь Петръ Ивановичь Львовъ, которой съ дѣтьми своими за нѣсколько отъ Вологды верстъ и при немъ тамошніе обыватели, иноземцы, а именно: Иванъ Гаутманъ, Володимеръ Эводсъ, Андрей Бушъ и прочіе всякаго чину тогожъ города обыватели встрѣтили его Боярина съ премногою честію, и удовольствовавъ изобильно всякими потребами путевыми, провожали немало верстъ.

Съ Вологды прибывъ въ городъ Ярославль отъ Воеводы господина Уньковскаго, и отъ купечества тамошняго онъ Бояринъ и сынъ его равномѣрнуюжъ честь и всякое довольство на путь свой имѣлъ.

Потомъ мѣсяца Марта въ послѣд-
нихъ числѣхъ онъ Бояринъ Артемонъ
Сергѣевичъ и сынъ его со всѣми при
нихъ сущими достигли прежде помя-
нутаго города Луха, гдѣ Его Царска-
го Величества присланъ указъ объ от-
казѣ вышеозначенной ему Суждаль-
ской вотчины села Ландеха, и объ
отводѣ довольныхъ на тамошнее его
Боярское пребыванiе постоялыхъ дво-
ровъ до указу.

Послѣ того его Боярскаго въ оной
городъ Лухъ прибытiя, мѣсяца Апрѣ-
ля въ послѣднихъ числѣхъ, внезапу
прибылъ изъ Москвы свойственникъ
ближней его Боярской Стольникъ
Карпъ Естифѣевъ сынъ Сытинъ къ
нему Боярину съ злополучною, и все-
му государству Россiйскому съ много-
плачевною вѣдомостью, что волею
Божiею тогожъ мѣсяца Апрѣля въ 27
день благочестивый Государь Царь и
Великiй Князь Θеодоръ Алексѣевичь
Самодержецъ всея Россiи преставился.

Та вѣдомость свыше чаянiя такъ
ему Боярину зѣло чувствительною и
горькоплачевною объ оной Его Царска-
го Величества кончинѣ была, что онъ
Боя-

Бояринъ, забывъ всѣ безмѣрныя свои и злополучныя прежде бывшія нещастія и бѣдства, по многіе дни неутѣшимыми своими плакалъ и рыдалъ слезами, припоминая съ молодыхъ лѣтъ Его Величества высочайшую и крайнюю къ себѣ и къ сыну своему бывшую милость, и за извѣстно вѣдая, что Его Царскаго Величества всесвятая душа не своимъ подвигомъ собственнымъ, но отъ братоненавидной зависти, не вѣдущей полезная предпочитати непріятелей своихъ главныхъ и предателей, подобной Іосифа блаженнаго лжебратіи явноложными вымыслы и лестными наносами на гнѣвъ къ нему Боярину приведена была, и еще не меньше того пролитіе оное горькихъ слезъ его Боярскихъ было, и ни по какимъ разговорамъ неутѣшимое, наипаче же о томъ безчастіи своемъ, что онъ Бояринъ передъ тою Его Царскаго Величества кончиною не сподобился очи его Царскія увидѣть, и персонально на тѣхъ великихъ злодѣевъ своихъ о милосердомъ себѣ по совершенной невинности своей правомъ судѣ и по разсмотрѣнія

нїи того о полномЪ удовольствѢ и о управѢ слезно у Его Величества на тѢхЪ непрїятелей своихЪ, безвинно на него тѢми злодѢйственными ихЪ навѢтами и составными клеветами нападшихЪ и безвинно его осудившихЪ просить, о которыхЪ пространнѢе сїе настоящее объявленїе слѢдуется ниже сего.

Явственная и скоропостижная открытой уже зависти наружно, какЪ огнь крыющейся, и изЪ древняго зданїя вонЪ выбился, оная причина открылася, то есть: по блаженной кончинѢ всепресвѢтлѢйшаго и благочестивѢйшаго Государя Царя и Великаго Князя АлексѢя Михайловича, всея Великїя и Малыя и БѢлыя Россїи Самодержца, приснономинаемыя и вѢчнодостойныя памяти, кЪ комнатѢ его Царской присвоенные и ближнїе Бояре, ИванЪ Михайловичь Милославской, БогданЪ МатвѢевичь Хитрой сЪ племенникомЪ своимЪ сЪ АлександромЪ Савастьяновымъ, сыномЪ ХитровымЪ же, допусти кЪ себѢ вЪ общїй совѢтЪ Окольничаго Василья Семеновича Волынскаго, клятвеннаго всегда бывшаго

щаго ему Бояриину Артемону Сергѣевичу врага, по сродной токмо человѣчеству зависти и ненависти, зная совершенно его Боярина Артемона Сергѣевича передъ ними всѣми вышеименованными не въ примѣръ высокое остроумie, чрезмѣрной разумъ и превосходное во всѣхъ дѣлѣхъ искусство, и премногiя къ Государю и ко всему его государству вѣрныя и долголѣтныя службы; и усмотря, что тогда наслѣдственный сынъ его Государевъ, благочестивый Государь Царь и Великiй Князь Θеодоръ Алексѣевичь, всея Великiя и Малыя и Бѣлыя Россiи Самодержецъ, блаженныя памяти воспрiялъ престолъ короны Россiйскiя, и при управленiи дѣлъ посольскаго приказу онъ былъ Бояринъ Артемонъ Сергѣевичь по своей вѣрной и усердной предъ лицемъ Его высокопомянущаго Величества службѣ, тогда еще зѣло угоденъ, и безъ всякой отмѣны по высокой егожъ Царской къ нему Боярину милости съ докладами по прежнему въ комнаты его Государевы доступенъ. Начали тѣ вышеозначенныя особы мыслить всякiя уму человѣческо-

кому постижные на него Боярина составлять ковы: вопервыхъ, Бояринъ Иванъ Михайловичь Милославской, по природной ему злонравной и неукротимой зависти на него Боярина Артемона Сергѣевича, а именно, что будто наносомъ его Боярина Артемона Сергѣевича онъ Бояринъ Милославской, при благополучной благочестивѣйшаго Государя Царя Алексѣя Михайловича высокохвальныя и вседостойныя памяти, отъ двора Царскаго онъ посланъ былъ Воеводою въ Астрахань; и то было его самодержавною Царскою волею, и къ великой ему Милославскому и всему роду его находкѣ и ко всякой чести, а не къ упадку; понеже въ Астрахани прежде издревле изъ высокихъ предъ нимъ Милославскимъ породъ Бояре, а именно: Князь Борисъ Александровичь Репнинъ и Князь Яковъ Никитичь Одоевской, и прочіе Воеводами бывали. А Бояринъ Богданъ Матвѣевичь Хитрой возмнилъ себѣ, что онъ, будучи дворецкимъ, какова чину изъ городовыхъ Алексинцовъ, какъ онъ въ сновидѣніи быть никогда же вѣрили, кромѣ благополуч-

 ной

ной тѣхъ временъ матери его причины, въ домѣ Боярина и дядьки Бориса Ивановича Морозова, производителя его Богданова, и племянникъ его Александръ съ нимъ же товарищемъ въ приказѣ большаго дворца, которые изъ государственныхъ дворцовыхъ селъ и волостей, повсявременно вотчины свои всякими изобиліи, и заводы строили и наполняли, такожде и изъ всѣхъ сытнаго, кормоваго и хлѣбнаго дворцовъ премножественнымъ похищеніемъ всякихъ дворцовыхъ обиходовъ явственно и безстыдно по вся дни корыстовалися, и великими посулами съ дворцовыхъ подрядчиковъ богатили себя, что будто о всемъ о томъ вышеписанномъ скрытнымъ наносомъ его Боярина Артемона Сергѣевича Его высокопомянутому Царскому Величеству подробно было донесено и извѣстно; при томъ же опасаяся и того будущаго ему Боярину Артемону Сергѣевичу, по видимому началу, и сына его Государева, Царя Өеодора Алексѣевича въ милости, впредь благополучія, болѣе же всего цвѣтущей надежды по вѣрнымъ и высокимъ его

Бо-

Боярскимъ заслугамъ, на ожидаемую и преспѣвающую уже всему Россійскому государству неувядаемую отрасль, тогда бывшаго Государя Царевича и Великаго Князя Петра Алексѣевича всея Россіи: того ради въ крѣпкую еще себѣ подпору и въ едино общество присовокупилъ сродницу свою вдову Анну Петровну Хитрую, того времени при Государѣ Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ зѣло продерзостную и злоненавистную, подъ Фарисейскимъ только видомъ постницу, и вверьху бывшею Боярынею, и долговременно во всемъ сильную имѣвшую на себѣ мочь, къ сторонѣ же высокопомянутаго его Государя Царевича, и матери его Государевой, Великой Государыни Царицы Натальи Кирилловны по злоплачевной всей Россіи отъ всего государства кончинѣ, супруга своего Государева, тогда уже вдовствующей зѣло лютую враждебницу, такожде и присвоеннымъ къ сторонѣ ея Государыни Царицы весьма тяжкою озлобительницею, подобною во всемъ была древней и окаянной Езавели, иногда алчущей крови Святаго Пророка Иліи

вЪ Израили; и та Боярыня хитрая видомЪ, нравомЪ и самымЪ дѣломЪ, паче же конечно по званію своему злохитрая, пустой лицемѣрной бабьей святыни полная устами, а не дѣломЪ, всячески вседрилѣжно тщилася и искала ревностно удобна времени, како бы высокоименованную Царскую ту отрасль ушничествомЪ и ложнымЪ наговоромЪ своимЪ сЪ настоящимЪ ЦарскимЪ домомЪ вЪ безсоюзство привесть и свойственниковЪ ихЪ, и сЪ ними его Боярина Артемона Сергѣевича низвергнувши, конечно отЪ Царской милости отлучить, и сославЪ изЪ Москвы, безЪ остатку раззорить.

Окольничій же Василей Волынской, человѣкЪ гораздо посредственнаго смыслу и легкомысленной совѣсти, и малограмотной мужЪ, хотя тогда не вЪ великомЪ кредитѣ у дѣлЪ былЪ, токмо обыклымЪ своимЪ при всѣхЪ дворѣхЪ нахальствомЪ и смѣлою наглостью у тогдашнихЪ фаворитовЪ, то есть временщиковЪ, всегда по своему лицемѣрному похлѣбничеству, и супруги своей по всехвальному вЪ Москвѣ вЪ тѣ времена всякаго золотомЪ и серебромЪ

ромъ дорогаго шитья въ своемъ домѣ, гораздо знаменитыхъ швей художеству нашелъ себѣ не по разуму своему, но токмо по той льстивой и стеклянной фортунѣ зѣло свѣтлое благополучіе; и посаженъ былъ на нѣкоторое время потомъ въ посольской приказъ, которой такъ вразумительно управленіе такихъ государственныхъ и политическихъ дѣлъ остро зналъ, сколько медвѣдь на органѣхъ играть; но потомъ онъ Волынской на старость произведенъ былъ при концѣ своемъ въ Бояре; и по природѣ своей яростной и злобной, за премногія показанныя при державѣ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Россіи, вѣчнодостойныя памяти, сильнымъ ходатайствомъ Боярина Артемона Сергѣевича, въ бѣдственныхъ его Волынскаго тогда по чину еще Окольничаго прежде бывшихъ головныхъ злополучіяхъ, къ нему благодѣянія. По той кончинѣ Его высокопомянутаго Царскаго Величества, умаля природнаго своего дворянства и палатную честь при дворѣ Царскомъ, началъ на него

Боярина Артемона Сергѣевича наглымъ своимъ отъ злодѣевъ его Боярскихъ наученнымъ и надмѣннымъ безстудствомъ, видя его уже весьма нещастливой упадокъ, звѣрски устремляться безумно и лаять съ такою неосмотрительною своею яростїю, аки левъ готовъ на ловъ, и ѣздить по дворамъ и по частымъ пиршествамъ вышеименованныхъ тѣхъ фаворитовъ, или припадочныхъ людей, и всякими ложными составы и вымыслы на негожъ Боярина Артемона Сергѣевича коварно ущничать и обносить, и разные ковы на него Боярина составлять, угождая онымъ застольнымъ своимъ увеселенїемъ, и манствомъ легкоумнымъ и суетнымъ тѣмъ припадочнымъ людемъ ласкать, ради одной маловременной своей пользы, но и къ тяжкому впредь своему предъ нелицемѣрнымъ и зѣло страшнымъ судомъ Божїимъ отвѣту.

Вскорѣ по тому злонамѣренному и вымышленному совѣту и навѣту вышеименованныхъ особъ злодѣйственнаго ихъ сонмища не закоснѣло къ правосудному Вседержителеву отмщенїю.

нію. Скоропостижное время и самымЪ дѣйствительнымЪ радостнаго желанія ихЪ сбытіемЪ на немЪ Бояринѣ Артемонѣ Сергѣевичѣ, безЪ всякаго законнаго испытанія, и безЪ меньшей причины безвинно исполнится, то есть: сперва ссылкою его притворно, якобы вЪ Сибирь на Воеводство вЪ городЪ Верьхотурье; потомЪ нѣкоторыми вымышленными остановками на водяномЪ пути вЪ судахЪ по присланнымЪ кЪ нему Боярину указамЪ вЪ городѣхЪ, вЪ Казани и вЪ Лаишевѣ, и по нарочной присылкѣ изЪ Москвы вЪ ЛаишевЪ Думнаго Дворянина Соковнина и Думнаго Дьяка Семенова, и послѣ того еще вЪ Казани Дьяка Ивана Горохова, сЪ отЪятіемЪ чести его Боярства, и сЪ точнымЪ осужденіемЪ, и весьма уже лишеніемЪ всего его имѣнія и вотчинЪ и заточеніемЪ вЪ ссылку вЪ Пустоозерской острогЪ, какЪ подлиннѣе о всемЪ о томЪ ясно свидѣтельствуютЪ сЪ полнымЪ изЪясненіемЪ вышеписанныя тѣ три его Боярскія кЪ Его Царскому Величеству изЪ тогожЪ Пустоозерскаго острога посланныя и поданныя челобитныя.

 Оная

Оная причина присылки его Горохова въ Казань была отъ произволу и выбору тѣхъ злосклонныхъ и вышепомянутыхъ Бояръ и непріятелей его Боярина Артемона Сергѣевича, съ вымышленнымъ ихъ произскомъ для того, что при сидѣньѣ его Боярскомъ въ посольскомъ приказѣ, по нѣкоторому дѣлу въ переписке тайной съ Донскими Козаками онъ Гороховъ въ розыскѣ былъ, и по тому своему воровству пытанъ, и послѣ того розыску за то свое воровство сосланъ былъ въ ссылку, и по кончинѣ Великаго Государя Царя Алексѣя Михайловича блаженныя памяти, а по заступленію вышеименованныхъ Бояръ, его Боярскихъ внутреннихъ злодѣевъ, изъ ссылки вскорѣ онъ Гороховъ въ Москву былъ взятъ, и съ тѣмъ положеннымъ на него дѣломъ и указомъ онъ Гороховъ зѣло охотно поѣхалъ, чтобы и еще чрезъ тѣ опредѣлительные ему Горохову указы за ту свою злобу отмщеніемъ, и по страсти человѣческой отъ себя озлобленіемъ, всевозможныя досады и пакости онъ Гороховъ, яко по своей природѣ весьма

зло-

злосердой и безсовѣстной человѣкъ, ему Боярину Артемону Сергѣевичу въ тотъ пріѣздъ свой учинилъ, какова по истиннѣ зла, ругательства, посяжни, всемѣрнаго уничиженія и многопакостныхъ подысковъ и досадъ, при такомъ бѣдственномъ и весьма упадломъ нещастіи его Боярскомъ, умиляся на невинность его ни самые варвары и Агаряне ни надъ кѣмъ не показали бы, какъ оной супостатъ, и чуждой Христіянскаго имени членъ, надъ нимъ Бояриномъ Артемономъ Сергѣевичемъ, а именно: больше мѣсячнаго времени будучи въ Казани при описи его Боярскихъ пожитковъ чинилъ, и въ пріѣздъ его Горохова съ тѣми описными его Боярскими пожитки въ Москву, яко изъ восточной Индіи Гишпанской, съ безцѣннымъ золота и сребра караваномъ на корабляхъ приплылъ. За такую свою важную, многотрудную и вѣрную службу изъ Дьяковъ пожалованъ онъ въ Думные Дьяки, и дана ему изъ отписныхъ егожъ Боярская вотчина въ Нижегородскомъ уѣздѣ село Папулово съ деревнями, больше

ста дворовЪ крестьянскихЪ; и тако сбыстъся слово: кто пасетЪ стадо, и отЪ млека стада неястЪ.

Нынѣ же откуду начнемЪ плакати о тѣхЪ вышеименованныхЪ того времени правительствующихЪ и во власти государственной зѣло сильныхЪ бывшихЪ вельможахЪ, потомЪ же трупами своими вЪ прахЪ и вЪ пепелЪ обращенныхЪ, весьма чуждыхЪ всякой отЪ всѣхЪ помощи и заступленія человѣческаго, и яко Евангельскій богачь у святаго Авраама алчущей сый вЪ мукахЪ, молятЪ, дабы хотя малою каплею воды, конецЪ омоча перста своего, устудилЪ гортань ихЪ мизерныхЪ; ибо по ясному Божію показанію, и вЪ семЪ маловременномЪ уже мірѣ, окончанія жизни тѣхЪ вышеобЪявленныхЪ БоярЪ и вельможЪ свѣтловидимо есть и по писаніямЪ святымЪ ясно свидѣтельствующимЪ: не твори зла, да не постигнетЪ тя зло; и еще: нѣсть милости не сотворшему милости. Сіе же утверждаетЪ самый возлюбленный ХристовЪ ученикЪ, святѣйшій ІоаннЪ БогословЪ вЪ первомЪ своемЪ

емъ посланіи, въ началѣ 75, тако: всякъ не творяй правды, нѣсть отъ Бога, и не любяй брата своего, яко сіе есть завѣщаніе, еже слышасте, да любимъ другъ друга, не якоже Каинъ отъ лукаваго бѣ, и уби брата своего; и за кую вину уби его, яко дѣла его лукава бѣша, а брата его праведна. Нынѣ самымъ дѣйствомъ сбытіе то достовѣрно уже безъ сомнительства всѣмъ зрящимъ людемъ, и свѣтло всѣхъ тѣхъ Бояръ и вельможъ прешедшихъ, скрытыя дѣла публичнымъ Вседержитель Богъ своимъ откровеніемъ явѣ на среду показуетъ. Бояринъ Иванъ Михайловичь Милославской, которой сверьхъ вышеписанной учиненной невинно единыя ради токмо зависти наглой и злобы напрасной, емужъ Боярину Артемону Сергѣевичу и смертной обиды, хотя не тѣлеснымъ, но уже мысленнымъ, по томужъ примѣру Каинову, человѣкоубійствомъ. И по тѣхъ его Боярскихъ вышеобъявленныхъ бѣдствахъ, не удоволяся ими, еще горшимъ возбужденіемъ государственнымъ, во 190 году чрезъ тайный свой совѣтъ и научение,

ніе, купно съ такимъ же подобнымъ себѣ возмутителемъ и воромъ съ Петромъ Андреевымъ сыномъ Толстымъ, послѣ того своего ожидаемаго благовременства, не въ долгихъ лѣтѣхъ онъ Бояринъ Милославской внезапу оборотяся къ стѣнѣ, не болѣзнуя ничѣмъ, безъ всѣхъ Христіянству надлежащихъ таинствъ, безъ покаянія и пречистыя Евхаристіи, смертною косою пораженной, не изчезъ ли безвременно въ животѣ своемъ, какъ Евангельской угобженныхъ нивъ богачь, и послѣ трехъ надесять лѣтъ за осужденное Богомъ отмщеніе того безчисленнаго злодѣйства своего, смрадной его трупъ невреденъ и исполненъ червьми, уже померзлыми въ то время зимнее, яко надмѣнной тимпанъ указомъ Царскимъ, изъ трапезы святыя церкви святителя Николая, зовомой у столпа на Покровкѣ, не выкопанъ ли, и всему роду ихъ на вѣрное позорище и безславіе въ Преображенской приказъ на саняхъ, отъ чуцкихъ свиней, свыше казни инымъ ворамъ не везенъ ли былъ, и голова его Милославскаго и всѣ члены не

раз-

раздроблены ли, и палачевскими руками подъ дыбами всѣхъ застѣнковъ въ Москвѣ и до нынѣ раздѣленныя явѣ находятся.

Тотъ же его клевретъ Петръ Толстой, хотя по многихъ долготерпѣнія Божія ему лѣтѣхъ на погибель ему, или на покаяніе лучшее впредь за государственное своего воровства умышленіе, лишенъ всѣхъ чиновъ и чести, и по суду воровскую ту вину свою явно принесши, вмѣсто смерти сосланъ въ Соловецкой монастырь неисходимо, и замурованъ въ вѣчную тюрьму до самаго изхода жизни своей, о которыхъ его Петра Толстова воровскихъ умыслахъ обстоятельнѣе печатной манифестъ въ прошломъ 1727 году всенародно объявленъ есть: того ради не лѣть есть объ нихъ сказывати подробну. И тако по псаломнику онъ Толстой впадъ въ яму, юже содѣла, и купно съ нимъ Милославскимъ, начальнымъ предводителемъ своимъ, Давыдскій исполнили тѣмъ своимъ окончаніемъ глаголъ тотъ псаломской: изчезающе, яко дымъ изчезоша.

Дру-

Другій Бояринъ и дворецкой Богданъ Матвѣевичь Хитрой не по долгомъ же времени, по усмотренію благоразсудному и истинному Великаго Государя Царя Ѳеодора Алексѣевича блаженныя памяти, во всѣхъ его прежнихъ коварныхъ пронырствахъ, въ лютыхъ злобахъ и лукавствахъ, во дни юностныхъ государства своего лѣтъ, уже на остатокъ при претружденной своей старости, прежняго доступу своего къ его Царскому дому со уничиженіемъ самымъ позбылъ, и при дворѣ его Царскомъ уже мало бывалъ, и послѣдней своей наслѣдницы дочери внезапу и безгодно лишился. И тако не въ маститѣ, но не въ честной старости изчезе въ болѣзни животъ его. Въ день же погребенія его Боярина Хитрова, по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, чрезвычайно воздвигшаяся жестокая буря и зѣло свирѣпая при выносѣ тѣла его въ Новодѣвичій монастырь, такъ остро воздышала, что егда гробъ его на землю съ тѣломъ былъ не изпроверженъ. Домъ же его и до нынѣ безъ всякаго жилища запустѣлымъ всѣми видится,

по

по реченному псалмомЪ: да будетЪ домЪ его пустЪ, и вЪ жилищахЪ ихЪ да не будетЪ живый. Вотчины же его всѣ мимо сродниковЪ его другимЪ врознь розданы суть. И тако оставилЪ онЪ вышеименованной БояринЪ чуждымЪ богатство свое, и труды его иніи туне восхитиша; и тако гробЪ жилища его во вѣкЪ себѣ наслѣдовалЪ.

СродникЪ же его АлександрЪ Хитрой не меньшій передЪ нимЪ дядею своимЪ вЪ коварствѣ и вЪ злобныхЪ пакостяхЪ народныхЪ преуспѣвающій, и вЪ тоже несчастливое время Боярина Артемона Сергѣевича и сына его изЪ подмосковныхЪ ихЪ вотчинЪ изЪ села Спаскаго и Артемоновскаго хоромное строеніе и многіе пожитки, изЪ всякихЪ его БоярскихЪ заводовЪ, и не малое число изЪ всякаго чину егожЪ людей вЪ домЪ свой похитя развелЪ; но потомЪ сыну его Андрею Артемоновичу сЪ стыдомЪ возвращалЪ, и по своимЪ непотребнымЪ дѣламЪ вмѣсто ссылки посланЪ былЪ онЪ Хитрой Воеводою на Терпи, и по своемЪ оттуда поворотѣ вЪ великомЪ до самой жизни своей оставленЪ былЪ уничиженіи и

стран-

странствѣ. И дѣти его два сына, одинъ по другомъ не въ долгихъ лѣтѣхъ померли. И тако тѣ чада его были въ погубленіе, и къ болѣзни язвъ его скорбь приложиша, и жизнь свою суетно и неблагополучно совершилъ.

Вышеименованная же сродница ихъ, Боярыня Анна Петровна Хитрая, по кончинѣ его же Великаго Государя Царя Ѳеодора Алексѣевича, за свои неописанныя злобы, яко древняя Езавель, гонительница на Святаго Илію, такъ та злая жена отъ всѣхъ уничиженна на посрамленіе свое, что гнусно таскався въ старости своей и въ болѣзни изчезе животъ ея.

Бояринъ Василій Семеновичь Волынской, яко бездна, наполненная всѣхъ золъ, при смутномъ времени 190 года будучи въ подмосковной вотчинѣ своей, злѣ душу свою изверже.

Думной Дьякъ Иванъ Гороховъ, клятвенной егожъ Боярина Артемона Сергѣевича злодѣй, не по долгихъ же лѣтѣхъ, внѣ всякаго порученнаго ему дѣла, предъ его сверстниками волочася самъ, и дѣти его, Иванъ и Андрей, бывшіе уже въ Офицерахъ, без-

годно

годно перевелися, и сѣмя ихъ отъ сыновъ человѣческихъ потребилося. И тако возлюбивый правду Всевышній Господь и утвердивый ю во вселеннѣй, и искоренитель всякія неправды, творящій же судъ истинный обидимымъ равномѣрное отмщеніе, паче человѣческой руки, всѣмъ тѣмъ вышеименованнымъ особамъ праведной своей судьбѣ благоволилъ неукоснительно воздать по глаголу Псаломничу: Богъ отмщеній, Господь Богъ отмщеній не обинулся есть. И паки: возвеселится праведникъ, егда увидитъ отмщеніе.

Понеже въ семъ вышеписанномъ изъясненіи тѣхъ противныхъ случаевъ ясныя причины свидѣтельства совершеннаго и доказательства достовѣрнаго уже показаны суть о главныхъ и внутреннихъ непріятеляхъ его Боярина Артемона Сергѣевича, вышеименованныхъ Бояръ и особъ, отъ которыхъ онъ токмо по враждотворной и отъ начала міра въ естествѣ человѣческомъ врожденной зависти и злопагубной ненависти безвинно пострадалъ какъ невиннымъ и весьма безправосуднымъ

 отъ-

отъятіемъ славы и чести своея, такъ притомъ и лишеніемъ отеческаго и своего движимаго и недвижимаго всего имѣнія, службами, кровьми, работами вѣрными, долголѣтно стяжаннаго. Ибо честь и животъ человѣческой равномѣрнымъ степенемъ шествуютъ, и то неповинное отъятіемъ оныя чести равномѣрно съ дѣйствительнымъ смертнымъ человѣкоубійствомъ отъ всѣхъ Апостольскихъ, святительскихъ, отеческихъ правилъ, и отъ политическихъ нравоученій точно быть разсуждается, и суще правосудно вмѣняется, какъ о томъ всякому благоразумному мужу и страстей лишенному свободно есть по свойству естества своего разсудить. Егда человѣкъ отпадаетъ чести своей, тогда и животъ его, хотя не смертнымъ, но уже мрачнымъ открывается низверженія своего весьма посрамленнымъ покрываломъ. Оной же изъ смертныхъ грѣховъ превосходящій и неотпустительной грѣхъ судится отъ самыя святыя и восточныя нашея церкви, и по истинному всѣхъ Богослововъ разсужденію равномѣрнымъ

къ хулѣ противу Духа Святаго; ибо жизнь человѣческая вдохновеніемъ самаго Духа Божія по безсмертной душѣ въ честнѣйшей твари, яко храмъ Божій, создана есть, которая отъ смертнаго человѣка неповинно въ сущей его чести, яко разбойнически небрегше Содѣтеля своего и весьма унижа всевышнюю и Божественную державу Его, и власть заповѣди Евангельскія, страшный и ужасный, нелицемѣрно угрожаемый и внезапу грядущій всѣмъ человѣкомъ судъ, такъ легкомысленно, яко самымъ острымъ и кровавымъ ножемъ яко весьма тучный агнецъ и сладостной вожделѣнному человѣческія пищи употребленію закалается.

Иного же врачеванія и возможнаго къ тому вышепомянутому злопагубному и смертному грѣху по всѣмъ церковнымъ и отъ святыхъ отцевъ утвержденнымъ заповѣдямъ исцѣленія и прощенія таковымъ обидчикамъ и беззаконнымъ преступникамъ инако отнюдь не имѣется, токмо оной: преобидивши невинно таковаго въ чести его той, обидимаго всенароднѣ пе-

 редъ

редъ всею церковію, то есть передъ всемъ Христіянскимъ собраніемъ, колѣнопреклонно со слезами молити и отпущенія себѣ просити явно истинно покаяніемъ неизбытно долженствуетъ, изъясняя и точно безъ всякаго утаенія изобличая передъ нимъ обидимымъ оной грѣхъ свой колѣнопреклонно, и при всѣхъ прежде бывшихъ объявити по Псаломнику, яко Богъ изметъ ихъ отъ грѣшникъ, и спасетъ ихъ. Инако же смерть грѣшниковъ люта, и далече отъ грѣшникъ спасеніе; ибо Господь праведенъ ссѣче выи грѣшниковъ, и путь нечестивыхъ погибнетъ.

Нынѣ же достойно и праведно есть сущимъ и вящшимъ долгомъ свѣтлыя истинны здѣсь благодарственно и препрославленно съ подобающею честію воспомянути того же вѣка всечестную память, отъ другой стороны и о великомъ благодѣяніи нижеименованныхъ особъ, по завѣту глагола Спасителева: благосотворшихъ исполняя небесныхъ устъ повелѣніе, реченное во святомъ Евангеліи: якоже да творятъ вамъ человѣцы, и вы творите имъ

та:

такожде. О томЪ же и избранный Его сосудЪ и вселенныя учитель святый АпостолЪ ПавелЪ внушаетЪ тако: благотворенія же и сообщенія не забывайте: таковыми бо жертвами благоугождается БогЪ.

По сочетаніи втораго брака благочестиваго и Великаго Государя Царя Өеодора АлексѢевича, Самодержца Всероссійскаго, на Великой Государынѣ ЦарицѢ МарѳѢ МатвѢевнѢ изЪ знатной фамиліи господЪ АпраксиныхЪ, которая Государыня отЪ самой юности своей воспитаніемЪ во страсѢ Божіи и во всѢхЪ добродѢтелехЪ ХристіянскихЪ, и во благонравномЪ цѢломудріи превосходящая была паче многихЪ сверстницЪ своихЪ; и егда воцарилася, по природному своему человѢколюбію всячески потщилася Ея Величество супруга своего, Его высокопомянутое Царское Величество отЪ преждебывшихЪ наносовЪ и безсоюзствЪ обносимыхЪ ложными и злыми клеветами и навѢтами, отЪ тѢхЪ же вышеименованныхЪ БоярЪ Милославскаго Богдана и сродницы его Боярыни вдовы Анны Петровны ХитрыхЪ, которыя не-

несогласія еще до самаго того времени у Его Величества съ мачихою своею Великою Государынею съ Царицею Натальею Кириловною, и съ Великимъ Государемъ Царевичемъ Петромъ Алексѣевичемъ, братомъ его, неукротимо продолжалися; все то благоразумными совѣты и любоначительнымъ тщаніемъ Ея Величества Государыни Царицы Маѳы Матвѣевны, по скоромъ времени въ любезное съ Его высокопомянутымъ Величествомъ и въ благопріятное согласіе произведено было, и о всѣхъ къ Дому Ея Величества Государыни Царицы Натальи Кириловны союзомъ кровнымъ и вѣрностію служебъ слученныхъ господъ Нарышкиныхъ, и его Боярина Артемона Сергѣевича, и сына его неповинно по разнымъ мѣстамъ и посылкамъ изъ Москвы разосланныхъ и разточенныхъ, съ яснымъ показаніемъ неправой на нихъ отъ злодѣевъ ихъ клеветы и сущей невинности, безотступно просила; что все крайнимъ Еяжъ Величества и безприкладнымъ милосердіемъ, и безотступнымъ предстательствомъ не токмо ко всемѣрному очищенію

щенію злосоставныхъ тѣхъ непріятельскихъ на нихъ лютыхъ наважденій въ ихъ невинности, но и ко всякому тѣхъ страждущихъ предуспѣло въ пользу благополучію. Ибо въ тѣ времена при Ихъ Величествахъ, при Великомъ Государѣ Царѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ, и при Великой его Государынѣ Царицѣ, братіе ея Царицыны, Петръ и Θеодоръ Матвѣевичи Апраксины, особливо же причиною свойства Бояринъ и Оружейничій Иванъ Максимовичь Языковъ, глубокой Московскихъ прежде площадныхъ, потомъ же при томъ времени своемъ дворскихъ обхожденій проникатель, и Постельничій Алексѣй Тимоѳѣевичь, и Стряпчій съ ключемъ братъ его Михаилъ Тимоѳѣевичь Лихачевы, особы великаго разума и самаго благочестиваго состоянія исполненныя, въ крайней близости и милости у Ихъ высокоименованныхъ Величествъ обрѣталися, и сильнымъ орудіемъ ко оправданію совершенной невинности тѣхъ оклеветанныхъ господъ Нарышкиныхъ и его Боярина Артемона Сергѣевича и сына его, своимъ крѣпкимъ

 при-

приносомЪ, безстрашнымЪ разсужденіемЪ и благопріятною помощію, купно же и кЪ награжденію всемилосердому ИхЪ же ВеличествЪ тѢмЪ безвиннымЪ особамЪ взятыхЪ ихЪ имѢній и вотчинЪ, неутружденно отЪ Христіянской своей любви способствовали, и весьма вЪ томЪ желаніи своемЪ благосклонномЪ щастливо такЪ предуспѢли, и тѢмЪ человѢконенавистнымЪ БояромЪ вышеименованнымЪ Милославскому, Хитрому и сродницѢ его, оклеветающимЪ тай искреннихЪ своихЪ, онЪ БояринЪ ИванЪ Максимовичь ЯзыковЪ такую жестокую бразду, или удило вЪ зубы ихЪ положилЪ, что уже и при жизни ихЪ мало пріѢздомЪ своимЪ ДворЪ Царской знали, и при животѢжЪ егожЪ Хитрова и чинЪ его Оружейничества ему Бояриму Ивану Максимовичу Языкову былЪ отданЪ. Того ради благоволеніемЪ Вседержителя Бога оные господа, ЯзыковЪ, Апраксины и Лихачевы, какЪ вЪ животѢ своемЪ благоволеніемЪ благостыннымЪ славословилися, тако и по кончинѢ ихЪ, яко достойные и законные дѢлатели мзды своея, разумѢваю-

умѣвающіи на нищихъ и убогихъ, въ вѣчныхъ обителехъ небесныхъ у Царя царствующихъ воспріимутъ вѣнецъ доброты, купно со всѣми праведными отъ руки Господни во вѣкъ и въ вѣкъ вѣка.

Послѣ же вышепомянутой кончины его благочестивѣйшаго Великаго Государя Царя Θеодора Алексѣевича, Самодержца Всероссійскаго, въ томъ же 190 году мѣсяца Маія въ первыхъ числѣхъ, по указу тогдажъ воцарившагося благочестивѣйшаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, и матери его Царской, благовѣрной Государыни Царицы и Великія Княгини Натальи Кириловны, изъ Москвы отъ Двора его Царскаго въ городъ Лухъ къ Бояриhу Артемону Сергѣевичу присланъ былъ Стольникъ Семенъ Ерофѣевъ сынъ Алмазовъ, по всемилосердому ихъ Царскому обыкновенію съ спросомъ о здоровьѣ его Боярскомъ и сына, отъ обоихъ высокоименованныхъ Величествъ, и съ повелительнымъ къ нимъ указомъ, чтобы они, Бояринъ и сынъ его,

неукоснительно съ поспѣшеніемъ ѣхали въ Москву и Ихъ Царскихъ Величествъ очи видѣли, которую всемилостивѣйшихъ Ихъ Царскихъ Величествъ высочайшую, по такомъ горькослезномъ страданіи и раззореніи своемъ, онъ Бояринъ Артемонъ Сергѣевичь и сынъ его къ себѣ всерадостно получа милость, по силѣ того премилостиваго къ себѣ указу въ самыхъ скорыхъ числѣхъ, и при нихъ вышеименованный Стольникъ Господинъ Алмазовъ, изъ онаго города Луха спѣшно въ Москву предпріяли свой путь, не останавливаясь нигдѣ.

Въ прибытіе же его Боярское при томъ егожъ пути въ преименитую всесвятыя и живоначальныя Троицы и богоноснаго отца нашего Сергія Игумена, Радонежскаго Чудотворца, обитель, отъ бывшихъ того времени властей, высокочестнаго отца Архимандрита Викентія, и предпочтенныхъ отцовъ Келаря Прохора, Казначея Игнатія, и отъ всей братіи обители тоя у святыхъ воротъ онъ Бояринъ и сынъ его съ великимъ почтеніемъ встрѣченъ, и по отправленіи достодол-

должномъ у гроба Чудотворцова всенощнаго бдѣнія, Божественныя литургіи и молебнаго славословія, въ покояхъ Келарскихъ отъ вышепомянутыхъ оныхъ властей преизобильнымъ столомъ всепочтенно удовольствованъ былъ.

При той же самой его Боярской бытности въ оной святой обители, изъ Москвы отъ Двора Ихъ же Царскихъ Величествъ присланъ былъ Думной Дворянинъ Юрій Петровичь Лутохинъ къ нему Боярину Артемону Сергѣевичу и къ сыну его Андрею Артемоновичу со здоровьемъ, и съ объявленіемъ емужъ Боярину прежней его чести Боярства, а сыну его Комнатнаго Стольничества, къ неописанной ихъ обоихъ и безприкладной по такомъ ихъ бывшемъ неповинномъ озлобленіи и по горестномъ раззореніи радости; и тогожъ Маія мѣсяца въ 11 день изъ вышепомянутой обители они Бояринъ и сынъ его отправилися къ Москвѣ въ настоящій путь свой.

Въ 12 день тогожъ Маія мѣсяца въ прибытіе его Боярское тѣмъ же путемъ въ Государево Дворцовое село

Братовъ

Братовщино, тамЪ его Боярина отЪ ИхЪ же высокопомянутыхЪ ЦарскихЪ ВеличествЪ присланной Комнатной СтольникЪ, Ея Величества Государыни Царицы Наталіи Кириловны родной братЪ Аѳанасій Кириловичь НарышкинЪ, сЪ чрезмѣрною любовію встрѣтилЪ, отЪ ИхЪ же ВеличествЪ о здоровьѣ его БоярскомЪ и сына его спрашивалЪ, и изЪ того села Братовщина отЪѣхалЪ онЪ отЪ того мѣста, и до самой Москвы всякаго чину люди вЪ безчисленномЪ множествѣ на встрѣчу кЪ нему Боярину и сыну его сЪ поздравленіемЪ выѣзжали.

Того же вышеозначеннаго числа ввечеру они БояринЪ и сынЪ его Москвы достигли, и сЪ горькими слезами вступили вЪ домЪ свой, увидя его до конца опустошенна во всеконечномЪ неустройствѣ во время того бывшаго ихЪ дальняго заточенія.

ВЪ 13 день тогожЪ мѣсяца они БояринЪ и сынЪ его по седмилѣтнемЪ своемЪ отлученіи и всегорестномЪ страданіи, не имѣя чести очей ИхЪ ЦарскихЪ высочайшихЪ и кЪ себѣ всемилостивѣйшихЪ ВеличествЪ видѣти, со слез-

слезною радостїю поутру удостоилися въ чертогахъ ихъ Царскихъ предъ ногами Ихъ Величествъ упасть, и со всемилосердымъ объятїемъ ихъ Царскимъ руки ихъ цѣловать. Но какова тогда та всеблагополучнаго свиданія и прїему ихъ Царскаго высокая милость и неизреченная радость была, и какъ всѣхъ присутствующихъ въ той комнатѣ ихъ Царской особъ, причиною того слученія взирающихъ съ радостными слезами видима зѣло чувственна была, что никакое человѣческое писало всего того по достоянію исписати не возможетъ.

Тогожъ вышеписаннаго числа Его Царское Величество, по всемилосердому своему разсмотренію извѣстно вѣдая на него Боярина Артемона Сергѣевича отъ бывшихъ его злодѣевъ самое безвинное оклеветаніе ни за что ино, токмо ради человѣконенавистной зависти и по особливой причинѣ, что онъ Бояринъ крайнею вѣрностїю своей службы причастенъ былъ къ Дому Его высокопомянутаго Царскаго Величества, и матери его Государевой, Великой Государыни Царицы Натальи

Ки-

Кириловны; и что въ томъ гоненіи его, въ ссылкѣ и раззореніи и въ злостраданіи его Боярскомъ отъ тѣхъ же непріятелей его начальной и пущій тотъ былъ случай, указалъ всѣ подмосковныя и городовыя его вотчины, во время того злополучія его Боярскаго въ роздачу всякаго чина людямъ розданныя, по прежнему ему Боярину и сыну его возвратить. А о взятыхъ егожъ пожиткахъ, ради будущаго емужъ Боярину награжденія въ скорости выписать; а дому егожъ служителей, которые во время той ссылки его не были по отпускнымъ распущены, и у Бояръ, и всякаго чина у людей въ домѣхъ служили, по прежнему емужъ Боярину отдать; и по силѣ онаго именнаго Государева указа оныя его Боярскія вотчины того же времени отказать за него въ тѣ городы къ Воеводамъ по грамотамъ посланы указы, и изъ нихъ нынѣ многіе подлинные въ домѣ сына его Андрея Артемоновича въ цѣлости явствуются; а служители тѣ его Боярскіе изъ всѣхъ домовъ къ нему Боярину въ домъ его были приве-

де-

дены и отданы. И тако сбысться непреложной Божественный глаголъ Избавителя нашего Христа Господа въ утѣшеніе всѣмъ страждущимъ и скорбящимъ: истинна свободитъ вы. И еще къ томужъ: блажени плачущіи, яко тіи утѣшатся.

Въ тѣ же дни пребыванія своего въ Москвѣ при Царскомъ Домѣ всегда безотступная его Боярская бытность и сына его была въ крайней близости и въ отмѣнной Ихъ Царскихъ Величествъ къ нимъ высокой милости.

Того же Маія мѣсяца въ 14 день онъ Бояринъ Артемонъ Сергѣевичь и сынъ его честь себѣ имѣли быть у благословенія святѣйшаго Іоакима, Патріарха Московскаго и всея Россіи, и приняты отъ Его Святѣйшества съ премногою отчелюбною милостію и со всеусерднымъ сорадованіемъ, по древнему его Патріаршу съ нимъ Бояриномъ при преждебывшемъ его Чудовскомъ Архимандричествѣ и Новогородскомъ Архіерействѣ, по крайнему дружелюбію и на многъ часъ во внутренней его Патріаршей келіи откровенно онъ святѣйшій Патріархъ съ

нимъ

нимъ Бояриномъ духовнѣ бесѣдовали, къ великому тѣхъ обѣихъ особъ удовольствію.

Всѣ же изъ первенствующихъ того вѣка изъ старшихъ Бояръ и палатныхъ людей, кромѣ самыхъ престарѣлыхъ особъ, посѣщеніемъ своимъ повсявременнымъ ему Боярину Артемону Сергѣевичу со многимъ почтеніемъ и съ великою любовію честь учинили; и отъ него Боярина и отъ сына его съ надлежащею честію встрѣчены и до самаго нижняго крыльца со всякою низостію провожены были.

Но изъ тѣхъ старшихъ Бояръ древній и крайній ему Боярину Артемону Сергѣевичу и въ самое то злополучное его нещастіе неотмѣнной благодѣтель Князь Юрій Алексѣевичь Долгорукой, отъ своей погорбленной и весьма потружденной старости того времени уже параличною болѣзнію отягченъ былъ: того ради не умедля, съ первыхъ же дней, онъ Бояринъ Артемонъ Сергѣевичь въ домѣ его и съ сыномъ своимъ пріятельское свое почтеніе ему Боярину учинилъ, и притомъ

томЪ зѣло радостно и слезно съ великимЪ сожалѣніемЪ и благопріятствомЪ отЪ него Боярина Князя Юрья Алексѣевича были они приняты, и на долговременныхЪ разговорахЪ одинЪ на одинЪ они Бояре оба съ собою были.

ИзЪ тѣхЪ же БоярЪ ИванЪ Михайловичь Милославской, прикинувся, якобы случаемЪ болѣзни своей, по дѣйству же самой притворной и злохитрой, и у него Боярина Артемона Сергѣевича съ прочими Бояры вЪ домѣ не былЪ и посѣщенія ему не учинилЪ, ниже по обыкновенному человѣколюбію спросить о прибытіи его вЪ Москву никого отЪ себя кЪ нему Боярину не присылывалЪ.

ТотЪ вышеименованной Милославской, врагЪ человѣковЪ, алчной и неукротимой крови Христіянской кровопійца, видя благополучное до наслѣдственной Всероссійскаго государства короны Высокодержавнѣйшаго Великаго Государя Царя Петра Алексѣевича, Монарха Всероссійскаго, ко всенарод-

родной радости и всежелаемое возвышеніе уже достигша, и зная внутрь въ себѣ злодѣйственныя преждебывшія и многообразныя къ высокопомянутому всему его Царскому дому, во время державы Великаго Государя Царя Ѳеодора Алексѣевича всея Россіи блаженныя памяти, имъ Милославскимъ наносимыя премногія напасти и великія пакости; при томъ же тогда настоящемъ случаѣ, усмотря прибытіе изъ заточенія въ Москву господъ Нарышкиныхъ и его Бояррина Артемона Сергѣевича, и видя по премногу ихъ сильныхъ при томъ дворѣ Царскомъ во всемъ дѣйствительныхъ членовъ, всемѣрно опасаяся за тѣ свои неистовыя и беззаконныя дѣла отъ онаго Царскаго дому достойнаго себѣ воздаянія, началъ тайно ковъ чрезъ тонкія свои коварства промышлять къ будущей своей и надежной безопасности тогда бывшаго и старшаго, но всѣми скорбьми естественными отъ самыхъ младыхъ ногтей весьма отягченнаго Государя Царевича Іоанна Алексѣевича всея Россіи, и сестръ его Царевенъ, снискательницъ склонныхъ и желатель-

тельницЪ горячихЪ кЪ дѣйствительному изслѣдствїю искомаго себѣ благополучїя, того и всякими коварными и зѣло скрытными пронырствы своими, за долго до прибытїя вЪ Москву его Боярина Артемона Сергѣевича купно сЪ своими клевреты, а именно сЪ племянникомЪ своимЪ, сЪ АлександромЪ ИвановымЪ сыномЪ МилославскимЪ, и сЪ ПетромЪ АндреевымЪ сыномЪ ТолстымЪ, и сЪ ИваномЪ ЦиклеромЪ, всякими лукавства своего прелестьми и самыми составными весьма ложными клеветами, аки АхитофеловымЪ совѣтомЪ, наговаривать МосковскихЪ стрѣльцовЪ и возмутить кЪ бунту, якобы по законной причинѣ первенства его вышеименованнаго Царевича, что онЪ Государь Царевичь обойденЪ кЪ возвышенїю той короны Царской, а произшелЪ кЪ ней меньшїй Государь Царевичь ПетрЪ Алексѣевичь, и за то представлялЪ имЪ стрѣльцамЪ многоприбыльные чины и великїя передЪ прежнимЪ вЪ годовомЪ денежномЪ жалованьѣ впредь прибавки, токмо чтобы безотложно и неукоснительно при-

 чи-

чиною того бунта его Государя Царевича Іоанна Алексѣевича на царство Россійское они стрѣльцы возвели. И что къ подвигу онаго бунта учрежденное орудіе и ихъ стрѣлецкое оружіе въ совершенной уже готовности висѣло, но за однимъ обожданіемъ, паче всѣхъ усердно желаемымъ обожданіемъ прибытія въ Москву его Боярина Артемона Сергѣевича, зная высокой его разумъ и остроумное во всѣхъ дѣлѣхъ благоискусство, и за многія древнія и вѣрныя службы, а по сильному при Царскомъ Дворѣ кредиту, отъ чинимаго ему Милославскому его Боярска о впредь жестокаго себѣ отмщенія, больше иныхъ особъ надобенъ былъ ко всемѣрному его искорененію.

Онъ Бояринъ Артемонъ Сергѣевичь по прибытіи своемъ изъ онаго седмилѣтняго заточенія въ животѣ своемъ токмо три благополучные дня себѣ имѣлъ, высокопомянутою Царскою милостію и сладостію любезнаго своего и присножелаемаго отечества и наслѣдственнаго своего дома радоваться.

Не-

Неиспытанныхъ судебъ Божіихъ глубина, человѣческому разуму непостижимая, и таинъ Его сокровенныхъ бездна недовѣдомая и неиспытуемая, нынѣ откровеніемъ уже явленнымъ тѣхъ отъ предувѣденія при преждебывшихъ многоразличныхъ горестяхъ и страданіяхъ его Боярина Артемона Сергѣевича, яко злато въ горнилѣ всесовершенно искуся, и очистя святую его душу отъ всѣхъ плотскихъ пристрастій и злословныхъ пороковъ, яко отъ всенижайшія его Божія твари Содѣтелю своему, удостоился онъ Бояринъ послѣдовать наведеніемъ лживымъ отъ клеветниковъ и враговъ своихъ обществомъ съ проклятыми нечистыми духи, яко рече святый Евангелистъ Матѳей въ зачалѣ 130: Фарисеи глаголаху, яко о Велзевулѣ Князѣ бѣсовстѣмъ изгонитъ бѣсы, чистымъ своимъ во время того седмилѣтняго его злощастія, кроткимъ житіемъ, превосходящимъ монаховъ, немолчнымъ пролитіемъ по вся часы теплѣйшихъ его ко всевышнему Богу рыданій и слезъ, и непрестаннаго

 колѣно-

колѣнопреклоннаго славословія и молитвѣ съ долготерпѣніемъ благодарственнымъ, яко Іевлевымъ, за вся та приключшаяся ему злая за благая нетрепетно сущи въ надеждѣ непоколебимой на правосудіе Божіе, впредь грядущихъ себѣ свыше благъ милосердымъ снабдѣніемъ отъ самой крайней уже скудости своей убогихъ и нищихъ трудами рукъ своихъ безчисленными въ писаніи Божественныхъ книгъ, къ великому удивленію всѣмъ отъ такого долголѣшняго раззоренія въ домѣ сына его Андрея Артемоновича, даже до сего времени, со многимъ почтеніемъ хранимыхъ, и прочими неописанными егожъ Боярскими цѣломудріи и добродѣтельми; то всевидящее Божественное смотреніе предувѣдало и предуготовало ему Боярину паче земныхъ благъ небесное селеніе то и райское наслажденіе; ибо угодна бѣ Господеви душа его, изъятц ю отъ маловременнаго сего юдола и отъ среды лукавствія, да не како впредь злоба измѣнитъ разумъ его, или лесть прельститъ душу его, зане естествен-

ное

ное пареніе похоти премѣняетъ умъ незлобивыхъ; и да не бы онъ Бояринъ, по стяженіи таковыхъ вышепомянутыхъ добродѣтелей обновленіемъ паки по плоти приключшихся ему человѣческихъ страстей, лишилъ себя безсмертнаго и безконечнаго царствія по благовѣстію святаго Апостола Павла, рекшему къ Римляномъ въ главѣ 8, въ зачалѣ 99: Вѣмы, яко любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое. Сущимъ по предувѣденію званнымъ, кто поемлетъ на избранныя Божія? Богъ оправдаяй, кто осуждаяй?

Того ради низпослалъ на него кровавый мечь, сравнительный мученикамъ, и злостраданія и кончины его вѣнецъ неувядаемый, то есть того же 190 года и мѣсяца Маія того же въ 15 день, во время самое наченшагося отъ Московскихъ стрѣльцовъ, въ вѣрности своей безбожныхъ воровъ и измѣнниковъ, безстрашнымъ самымъ безчеловѣчіемъ и лютымъ нападеніемъ изо всѣхъ ихъ стрѣлецкихъ полковъ въ городъ Кремль звѣрски на самыя Царскія

скія палаты съ безстыдною и безобразною яростію и съ послѣднимъ озорничествомъ, забывъ страхъ Божій и крестное цѣлованіе и рабскую свою крайнюю низость, по самымъ вымышленнымъ и лживымъ причинамъ и наглымъ спросамъ, пришедъ ко Красному крыльцу, куда Его Царское высокопомянутое Величество и мать его Государева Царица Государыня, и братъ его Государь Царевичь Іоаннъ Алексѣевичь, принуждены были къ оному варварскому измѣнничью сонмищу нарочнымъ своимъ выходомъ свыше Царскаго своего чину выступить и себя показать, дабы тѣ злодѣи, усрамяся подвигомъ тѣмъ высочайшихъ Ихъ Царскихъ Величествъ, укротилися отъ того начинанія ихъ и ужаснаго бунту, и перестали отъ онаго злаго возмущенія. Но тѣ воры, яко львы, изъ неукротимаго и безобразнаго пьянства своего рыкающіе и свирѣпѣющіе, поставя лѣстницы на то Красное крыльцо, перваго отъ просимыхъ ими на выдачу имъ Бояръ его Боярина Артемона Сергѣевича, съ наглымъ и жесто-

сто-

стокимЪ ярости своей стремленіемЪ изЪ рукЪ ихЪ ЦарскихЪ похитивши, жестокосердо, уподобяся иноплеменникамЪ лютымЪ, бросили его, яко агнца неповиннаго, отЪ стороны БлаговѢщенской церкви на площадь, и принявЪ на копья, ужаснымЪ и страшнымЪ мученическимЪ страданіемЪ на мѢлкія части тѢло его Боярское разсѢкли. ПотомЪ и прочихЪ БоярЪ неповинныхЪ таковой же предаша злосердой смерти, при немолчномЪ звукѢ Кремлевскаго великаго набату и при непрестанномЪ бою барабанномЪ, о которой трагедіи не лѢть есть при семЪ случаѢ обширно разпространять; понеже не токмо на РоссійскомЪ, но и на другихЪ уже иностранныхЪ языкахЪ исторіи не токмо письменныя, но и печатныя сЪ довольнымЪ изЪясненіемЪ о кровавомЪ и ужасномЪ томЪ бунтѢ отЪ разныхЪ авторовЪ и списателей достовѢрныхЪ обстоятельно собранныя, не вЪ одномЪ РоссійскомЪ государствѢ, но и по всему уже вселенныя умному свѢту сказуютЪ. И тако сей блаженный, долготерпѢливый, и по бѢдности страдалецЪ БояринЪ

Артемонъ Сергѣевичь, Божіимъ предувѣденіемъ званный, непорочно добрый подвигъ своея благочестивыя вѣры и мучениколюбно скончавъ, вѣнецъ отъ самаго жизнодавца Бога свѣтло восприялъ подвигоположно и непреложно, воистинну съ соборомъ мученическимъ причтенъ есть, по реченію Псаломника: оружіемъ благоволенія, славою и честію вѣнчалъ еси его, въ надеждѣ вѣрной гласа Господня, реченнаго во святомъ Евангеліи: Блажени есте, егда поносятъ вамъ, изженутъ и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы, лжуще мене ради: радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ. Блажени же, яже избра Господь и пріятъ ихъ, и память ихъ въ родъ и родъ. Богъ же, Господь отмщеній, взыскуяй крови ихъ, помяну отмщеніе то крове рабовъ своихъ пролитыя яко воду. Насупротивъ же того, по глаголу Псаломскому, тѣ злоухищренные враждотворцы, возмутители, яко пси, алчущіе тѣхъ неповинныхъ кровей, на беззаконное пролитіе злокозненные началоводцы и Христіянскому оному заколенію виновники и преда-

дателіе, и ихъ все орудіе и оружіе, тѣ воры и бунтовщики и истинные отступники Христіянскія вѣры, кровопійцы, Московскіе стрѣльцы, яко дымъ со всемъ сѣменемъ своимъ уже изчезшіе, и съ памятью ихъ до конца погибшіе законнонечестивіи, снидутъ во адъ къ древнему предводителю, издревле человѣкоубійцѣ и Христіянскому супостату и своему проклятому отцу сатанѣ, и останцы ихъ нечестивыхъ уже потребилися, на безсмертную имъ всѣмъ, яко древнимъ злодѣямъ Дафану и Авирону, на вѣки безконечные отъ всея православныя Каѳолическія и восточныя церкве, благочестивыхъ Христіянъ матери, и на присноспоминаемую клятву и анаѳему, по глаголу Божественнаго Апостола Павла, реченному къ Коринѳяномъ въ главѣ 6, въ зачалѣ 134: Не льстите себѣ, ни лихоимцы, ни татіе, ни пьяницы, ни досадители, ни хищницы, царствія Божія не наслѣдятъ. И по Псаломнику: Останцы нечестивыхъ потребятся.

ВѢДЕНІЕ.

Въ которыхъ годѣхъ, и отъ кого Самодержавнѣйшихъ Великихъ Государей Царей Самодержцевъ Всероссійскихъ съ начала службы Боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева онъ пожалованъ былъ чинами и повышенъ честію Боярства, списанное съ собственной его Боярской руки, слѣдующее ниже сего.

Въ 7146 (1638) году, Іюля въ день Великій Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичь, всея Россіи Самодержецъ, пожаловалъ Артемона Матвѣева въ Житье.

Въ 7150 (1642) году, Марта въ 25 день, онъ Великій Государь Царь пожаловалъ его въ Стряпчіе.

Въ томъ же вышеписанномъ году, Февраля въ 3 день, онъ Великій Государь Царь пожаловалъ его въ Головы стрѣлецкіе, и въ Посольскомъ приказѣ въ записной книгѣ о томъ написано.

Въ

ВЪ 7162 (1654) году, Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичь, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, пожаловалъ его въ Стольники и Полковники.

ВЪ 7177 (1669) году, Апрѣля въ 9 день, по указу Его высокопомянутаго Царскаго Величества ему Артемону Сергѣевичу, будучи Стольникомъ и Полковникомъ, велѣно приказъ Малыя Россіи вѣдать.

ВЪ 7179 (1671) году, Ноября въ 27 день, на праздникъ Знаменія Пресвятыя Богородицы, онъ же Великій Государь пожаловалъ Стольника и Полковника и Голову Московскихъ стрѣльцовъ его Артемона Сергѣевича Думнымъ Дворянствомъ.

ВЪ томъ же 7179 (1671) году, мѣсяца Генваря въ 22 день, Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичь, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, изволилъ сочетаться законнымъ бракомъ съ благовѣрною Государынею Царицею и Великою Княгинею Наталіею Кириловною.

ВЪ

ВЪ томЪ же вышепомянутомЪ году, Генваря вЪ 23 день, онЪ Великій Государь, Его Царское Величество, для своей Государской радости, его Думнаго Дворянина Артемона Сергѣевича пожаловалЪ вЪ Комнату, и вЪ ДумныхЪ ДворянѣхЪ онЪ АртемонЪ Сергѣевичь былЪ 6 мѣсяцовЪ и 3 дни.

ВЪ 7179 (1671) году, Февраля вЪ 22 день, емужЪ Артемону Сергѣевичу, будучи вЪ ДумныхЪ ДворянѣхЪ, велѣно Государственной Посольской приказЪ вѣдать.

ВЪ 7180 (1672) году, Маія вЪ 30 день, когда Господь БогЪ даровалЪ ему Великому Государю, Его Царскому Величеству, отЪ благочестивыя Великія Государыни Царицы и Великія Княгини Наталіи Кириловны наслѣдника, благороднаго Государя Царевича и Великаго Князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи: вЪ то время послѣ молебнаго пѣнія онЪ Великій Государь, Его Царское Величество, пожаловалЪ его Думнаго Дворянина Артемона Сергѣевича честью ОкольничествомЪ, и былЪ онЪ вЪ

Околь-

ОкольничихЪ 2 года и 4 мѣсяца, 8 дней.

ВЪ 7182 (1674) году, Августа мѣсяца вЪ 26 день, на праздникЪ тезоименитства благовѣрныя Государыни Царицы и Великія Княгини Натальи Кириловны, его Боярина Артемона Сергѣевича сынЪ, Андрей Артемоновичь, чрезЪ всѣ чины кЪ ЕгожЪ Царскому высокопомянутому Величеству пожалованЪ вЪ Комнату.

ВЪ 7183 (1675) году, Октября вЪ 8 день, на праздникЪ явленія образа Пресвятыя Богородицы, именуемыя Казанскія, онЪ же Великій Государь, Его Царское Величество, пожаловалЪ его Окольничаго Артемона Сергѣевича БоярствомЪ.

ВЪ 7200 (1692) году, Великіе Государи Цари и Великіе Князи ІоаннЪ Алексѣевичь, ПетрЪ Алексѣевичь, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцы, его Андрея Артемоновича при бытности Воеводства его на Двинѣ, пожаловали изЪ КомнатныхЪ СтольниковЪ честью Окольничества.

ВЪ 1712 году, Ноября вЪ 13 день, Всепресвѣтлѣйшій Великій Государь

Царь

Царь и Великій Князь ПетрЪ Алексѣевичь, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи СамодержецЪ, будучи вЪ своемЪ Государевѣ воинскомЪ походѣ вЪ городѣ Дрезденѣ, столицѣ Саксонской, по прибытіи его Стольника Андрея Артемоновича сЪ посольства изЪ Гравенгаги, столицы высокомочныхЪ ГосподЪ СтатовЪ ГенераловЪ, пожаловалЪ его изЪ ОкольничихЪ вЪ Тайные Совѣтники.

ВЪ 1714 году, при посольствѣ вЪ Вѣнѣ у Двора Всепресвѣтлѣйшаго Карла VI Цесаря Римскаго, онЪ Тайный СовѣтникЪ Андрей Артемоновичь почтенЪ его Царскою милостью дипломою Цесарственнаго Графа, данною ему и всей его фамиліи за собственною Его Цесарскаго Величества рукою и за Цесартвенною вислою печатью.

ВЪ 1719 году, по указу Его высокореченнаго Царскаго Всероссійскаго Величества велѣно ему Графу и Тайному Совѣтнику вЪ Правительствующемъ Сенатѣ быть СенаторомЪ, и вЪ Государственной Коллегіи Юстиціи ПрезидентомЪ.

ВЪ

ВЪ 1724 году, мѣсяца Марта вЪ 16 день, когда Его Императорское Величество соизволилЪ изЪ Санктпетербурга итти вЪ Москву ради коронаціи супруги своей Государевой, благовѣрной Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, тогда ему Графу и Тайному Совѣтнику повелѣно быть при Сенатскомъ управленіи; и дѣти ихЪ Императорскія, а именно благовѣрная Государыня Цесаревна Наталья Петровна, и благородные, Государь Великой Князь ПетрЪ Алексѣевичь, и сестра его Государева, Государыня Великая Княжна Наталья Алексѣевна, поручены были ему, и надЪ всѣми Коллегіями вѣдалЪ онЪ же ГрафЪ. И по пришествіи изЪ Москвы вЪ СанктпетербургЪ ИхЪ высокопомянутыхЪ ИмператорскихЪ ВеличествЪ имяннымЪ указомЪ (которой Графу объявилЪ ОберЪ-МаршалЪ ГосподинЪ ОлсуфьевЪ) при публичномЪ ИхЪ же ВеличествЪ сЪ паруснымЪ флотомЪ, на яхтахЪ, ко пристани большой Святыя Троицы приходѣ, они высокоименованныя, Государыня Цесаревна, и Государь Великій Князь, и Го-

 су-

сударыня Великая Княжна, ИхЪ ИмператорскимЪ ВеличествамЪ со всеподданнѣйшею покорностію отЪ него Графа вручены ко всемилостивѣйшему ИхЪ ИмператорскихЪ ВеличествЪ о той его Графской службѣ удовольству.

ТогожЪ 1724 года, мѣсяца Маія вЪ послѣднихЪ числѣхЪ, по указу ЕгожЪ Императорскаго Величества, присланному изЪ Москвы изЪ Правительствующаго Сената вЪ Санктпетербургѣ, велѣно ему по обожданіи ИхЪ же ВеличествЪ пришествія вЪ Санктпетербургѣ же, быть вЪ Москвѣ вЪ Сенатской Конторѣ ради тогожЪ управленія настоящихЪ государственныхЪ дѣлЪ годЪ, на мѣсто ТайнагожЪ Совѣтника и Сенатора Князя Димитрія Михайловича Голицына, и сЪ нимЪ вЪ товарищахЪ Генералу Маіору и Московскому Вице-Губернатору Ивану Лукину сыну Воейкову, да двумЪ ПолковникамЪ, Московскому ОберЪ-Коменданту Ивану Петрову сыну Измайлову, Григорью Терентьеву сыну Ергольскому. А по исходѣ того года пере-

перемѣнилъ его Графа и Тайнаго Совѣтника по пріѣздѣ изъ Санктпетербурга Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и Сенаторъ Графъ Иванъ Алексѣевичь Мусинъ - Пушкинъ.

1726 Года, Ноября въ 24 день, Всепресвѣтлѣйшая и Высокодержавнѣйшая Великая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссійская, на торжество пресвѣтлаго своего тезоименитства, пожаловала его Графа Андрея Артемоновича изъ Тайныхъ Совѣтниковъ въ Дѣйствительные Тайные Совѣтники, и на ту честь его данъ ему Графу патентъ за собственною Ея Императорскаго Величества рукою и за Государственною печатью.

Тогожъ 1726 года, мѣсяца Февраля въ 8 день, изъ Правительствующаго Сената, по указу изъ Кабинета Ея Императорскаго Величества, и по данной за собственною Еяжъ высокопомянутаго Величества рукою, ему Дѣйствительному Тайному Совѣтнику инструкціи, былъ онъ Графъ для рас-

правы государственныхЪ дѣлЪ со всякою полною мочью вЪ Переславской Залѣсской, вЪ Юрьевской Повольской, вЪ Суждальской, вЪ Володимирской, вЪ Костромской ПровинцiяхЪ годЪ и три мѣсяца; и при немЪ у тѣхЪ дѣлЪ Государственной КамерЪ-Коллегiи СовѣтникЪ и ПолковникЪ Василiй СтепановЪ сынЪ БатуринЪ, и Государственной же Коллегiи Юстицiи АссессорЪ Князь Алексѣй Княжь СтепановЪ сынЪ ЛьвовЪ.

ВЪ 1727 году, мѣсяца Iюня вЪ первыхЪ числѣхЪ, по указу Всепресвѣтлѣйшаго и Высокодержавнѣйшаго Великаго Государя нашего втораго Петра Алексѣевича, Императора и Самодержца Всероссiйскаго, изЪ Верьховнаго Тайнаго Совѣта присланному кЪ нему Графу, а по челобитью егожЪ Графскому, за долголѣтныя его службы уволенЪ отЪ всѣхЪ дѣлЪ, и жить ему Графу, гдѣ онЪ похочетЪ.

НАД-

НАДПИСИ (*),

Находящіяся при надгробіяхъ умершихъ особъ изъ рода Матвѣевыхъ.

НАДПИСЬ I.

Вырѣзана на стѣнѣ при гробѣ Ближняго Боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева.

7190 (1682) Года, Маія въ 15 день, на память убіенія святаго Благовѣрнаго Царевича Димитрія Московскаго и всея Россіи, волею всемогущаго и всесильнѣйшаго Царя Царемъ и Бога, въ смутное время отъ воровъ и бунтовщиковъ убіенъ бысть рабъ Божій шестилѣтній страдалецъ, скончався мученически, ближній Бояринъ Артемонъ Сергѣевичь Матвѣевъ, при дни пребывъ въ царствую-

(*) Сіи надписи находятся вырѣзанными на стѣнѣ и камняхъ надгробныхъ въ особой палаткѣ, въ приходѣ церкви Николая Чудотворца, что въ Столпахъ.

щемъ градѣ Москвѣ, свободяся изъ общаго соблюденія и изъ заточенія изъ Пустоозерскаго острога, въ 4 день убо скончася вѣнцемъ страданія. Поживе всѣхъ отъ рожденія своего лѣтъ 57; погребенъ бысть мѣсяца тогожъ въ 18 день, на память святыхъ мученикъ Петра и Діонисія и иже съ ними, въ лѣто отъ сотворенія міра 7190, отъ Рождества же по плоти Бога Слова 1682 года.

НАДПИСЬ II.

Вырѣзана на надгробіи супруги Ближняго Боярина Матвѣева.

Гробъ супруги блаженнаго Болярина Артемона Сергѣевича Матвѣева, Боляриныи Евдокіи Григорьевны; а преставленіе ея во 180 (1672) году, Августа въ 24 день, на память пренесенія честныхъ мощей иже во святыхъ отца нашего Петра Митрополита Кіевскаго и всея Россіи Чудотворца.

НАД-

НАДПИСЬ III.

Вырѣзана на надгробіи сына Ближняго Боярина Матвѣева.

Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и Сенаторъ, Графъ Андрей Артемоновичь Матвѣевъ; а рожденіе его 7174 (1666) года, Августа въ 15 день; тезоименитство его тогожъ Августа въ 19 день; а преставися 1728 года, Сентября въ 16 день. Всѣхъ лѣтъ поживе 63 лѣта.

НАДПИСЬ IV.

Вырѣзана на надгробіи супруги Графа Андрея Артемоновича Матвѣева.

Лѣта 7207 (1699), Октября въ 4 день, противу 5 числа, во 2 часу нощи, во 2 четверти, на память святаго священномученика Іерофея, Епископа Аѳинскаго, преставися раба Божія ближняго Окольничаго А. А. М. супруга, Анна Стефановна, дщерь

дщерь Стольника Стефана Александровича Аничкова. Поживе во благочестивомъ и цѣломудренномъ си супружествѣ 15 лѣтъ и 4 мѣсяца и 5 дней; всѣхъ же жизни 33 лѣта отъ рождества своего, и проч.

КОНЕЦЪ.

22p.

